

ISSN 2221-3260

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 2 (110) 2024

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Белова Л.Г. (Москва, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Научные консультанты журнала

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№2 | 2024

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: новые мысли к развитию концепции

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 12 Козлов Александр Вячеславович
Генезис стимулов и мотивов в экономической деятельности: историко-теоретический контекст
- 32 Мерцалов Виктор Леонидович
Собственность vs налог

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 46 Балашов Алексей Михайлович
Перспективы использования цифровых решений и возможностей «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности
- 54 Попова Ирина Викторовна, Голубева Анна Романовна, Разгуляева Полина Сергеевна
Анализ состояния здоровья работников предприятия в условиях эпидемии Ковид-19, как фактора производительности труда. Исследование отдельного случая
- 66 Тебекин Алексей Васильевич
Использование постулатов школы обучения стратегического менеджмента в интересах развития персонала

Современные проблемы мировой экономики

- 80 Медведев Илья Витальевич
Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть 2
- 92 Берендеева Алла Борисовна
Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статья 2)

Творчество молодых исследователей

- 116 Гусар Евгения Сергеевна, Гусар Виталий Игоревич
Оценка влияния цифровой трансформации на функционирование социальных институтов

Теоретическая экономия: новые мысли к развитию концепции

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике предложен обзор материалов очередного, 2-го (110-го), номера журнала. По мнению редактора, публикации данного номера, вносят новые мысли к развитию нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже 14-й год. Показано, в чем заключается эта новизна на примере каждой публикуемой работы. Отмечено, что она проявляется, разумеется, в разной степени в выступлениях и известных читателям, и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера по-прежнему уделено актуальным проблемам теоретической экономии, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия, новая индустриализация, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: новые мысли к развитию концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.4-11. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

Вот и вышел в свет новый, 110-й номер нашего научного журнала. Наша рубрика, с которой мы начинаем сегодня, призвана осветить самые значимые и интересные события, исследования и достижения в области экономической науки. Мы стремимся предоставить вам объективную и независимую оценку текущих тенденций и перспектив развития экономики, а также ознакомить вас с мнением ведущих экспертов в данной области. Материалы этого номера продолжают и развивают идеи, заложенные в предыдущих выпусках, и направлены на изучение современных социально-экономических вопросов в свете концепции, разрабатываемой нашим журналом.

В этом номере мы рады представить работы не только наших постоянных авторов, но и новые имена, которые, уверены, станут для вас интересными и полезными. Вместе мы продолжим путь исследования экономических процессов, анализа актуальных проблем и поиска их решений.

Оставайтесь с нами и следите за новыми выпусками нашего журнала, где вы всегда найдете актуальные и свежие материалы по теоретической и прикладной экономике.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещены две работы. Во-первых, публикуется статья под названием «Генезис стимулов и мотивов в экономической деятельности: историко-теоретический контекст». Её написал Козлов Александр Вячеславович, кандидат экономических наук, заместитель генерального директора государственного научно-

производственного объединения «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по материаловедению» по экономике и производству, (г. Минск, Республика Беларусь). Человек устроен так, отмечает автор, что в основе его деятельности лежат стимулы и мотивы. Именно поэтому в последнее время набирает популярность поведенческая экономика, которая составляет альтернативу технократическому способу повышения производительности труда. По причине относительной новизны данного научного направления термины «стимул», «мотив» и их производные, несмотря на достаточно длительный период использования, не в полной мере, по мнению автора статьи, адаптированы к употреблению в экономическом смысле, что зачастую приводит к смешению их значений, является препятствием для определения объекта отношений и выстраивания различных механизмов воздействия на деятельность субъектов. Автор поставил цель – в ходе исследования проследить эволюцию в значении этих терминов, чтобы понять особенность их употребления на современном этапе. В статье проведен генезис и этимологический анализ терминологического аппарата. Установлено, что термины заимствованы из психологии, а для описания экономической деятельности стали широко использоваться только в начале 50-х годов прошлого века в период, когда возникла необходимость реформирования экономики. На современном же этапе многие экономисты разграничения между понятиями «стимулирование» и «мотивирование» уже не проводят, употребляя их в синонимичном смысле. Автор обосновал то, что стирание различия между значениями этих терминов преждевременно.

Во-вторых, в этой рубрике Вашему вниманию, уважаемый читатель, представлена статья «Собственность vs налог». Её написал Мерцалов Виктор Леонидович, кандидат философских наук, (г. Пятигорск, Российская Федерация). В литературе, посвященной исследованию феномена собственности, отмечает он, признается тот факт, что с теоретической точки зрения одновременное существование и концепции собственности, и концепции налогов невозможно. Их не удастся совместить без ущерба для какой-то из них. При этом, если налогообложение рассматривается в качестве атрибута государственности, то образуется теоретическая ситуация, в которой оказывается, что само наличие государства исключает существование в обществе института собственности. И наоборот, учреждение полноценного института собственности влекло бы за собой упразднение института государственности. Противоречие между собственностью и налогом выступает, таким образом, фундаментальной проблемой теоретической экономики. И эта проблема, по мнению автора статьи, до сих пор не нашла решения. Не объяснено даже ее происхождение. В данной статье эта проблемарассматривается с помощью методологии исследования логических структур научной теории на основании материалистического истолкования собственности как общественного отношения, не зависящего от воли людей, складывающегося стихийно и – в отличие от «волевых», как определял их К. Маркс, отношений по поводу налогов, – выступающего в качестве базисного общественного отношения. Такой подход не содержит никакой оценки, ни негативной, ни позитивной, налоговой практики, не предполагает никаких вариантов совершенствования налоговой системы, что отличает его от подавляющего большинства работ на эту тему. Он приводит к выводу о неотвратимости отмирания института налогообложения и замену его безналоговый механизм финансирования бюджета государства. Предлагается один из вариантов безналоговой модели, отвечающей этой задаче.

Затем в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагается две работы. Во-первых, статья под названием «Перспективы использования цифровых решений и возможностей «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности». Её прислал Балашов Алексей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем и цифрового образования Новосибирского государственного педагогического университета,

(г. Новосибирск, Российская Федерация). В настоящее время, отмечает он, распространение цифровых технологий задает тенденции для трансформации производства и повышения эффективности бизнес-процессов компаний. В промышленном производстве все чаще говорят о переходе к «Индустрии 4.0», что подразумевает внедрение ключевых компонентов и устройств, которые существенно модернизируют производственные процессы, делают их более прозрачными, безопасными и эффективными. Автор данной статьи рассматривает возможности цифровой трансформации горнодобывающих предприятий, показывает, что внедрение цифровых решений позволяет повысить производительность труда и может в некоторой степени нивелировать тенденцию повышения операционных расходов в горнодобывающей промышленности, а также должно способствовать возникновению инновационных подходов к организации бизнеса и расширению производственного потенциала предприятий. Цель данной статьи – рассмотреть актуальность и необходимость применения современных цифровых технологий в настоящее время, показать возможности использования достижений «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности и проанализировать особенности цифровой трансформации производства. Использование цифровых технологий, доказываемое в статье, дает возможность сделать более оптимальным потребление ресурсов, повысить качество выполнения работ и уровень их безопасности, обеспечить экономию средств, избавить сотрудников от рутинных процедур и увеличить производительность труда. Это позволяет повысить эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на их реализацию данных инициатив. На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что цифровизация горнодобывающей индустрии постепенно становится драйвером развития, затрагивает большинство технологических процессов предприятий и диктует необходимость системных изменений в них.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа под названием «Анализ состояния здоровья работников предприятия в условиях эпидемии Ковид-19, как фактора производительности труда. Исследование отдельного случая». Её подготовили четверо исследователей с кафедры управления предприятием ФГБОУ ВО «Ярославский технический университет», (г. Ярославль, Российская Федерация): Попова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, доцент, профессор; Шишкина Надежда Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент; Разгуляева Полина Сергеевна и Голубева Анна Романовна, студентки 3 курса. В их статье на результатах эмпирического исследования показано, что проблема повышения производительности труда применительно к Российской Федерации на протяжении нескольких десятилетий является насущной. Рассматривается один из существенных факторов влияния на производительность труда – состояние здоровья работников предприятия. Актуальность исследования определяется последствиями прошедшей пандемии Ковид-19. Необходимость исследования обусловлена тем, что люди пережили пандемию заболевания, которое отличается не только опасностью возбудителя, но и последствиями от осложнений. Приведены результаты, показывающие, с какими осложнениями столкнулись переболевшие и как это сказывается на производительности их труда. Применялась методика исследования отдельного случая. В данном исследовании объектом было выбрано предприятие ООО «ХБК «Навтэк», ранее известное как Наволокский хлопчатобумажный комбинат «Приволжская коммуна». Основной вид деятельности предприятия – производство хлопчатобумажных тканей и изделий медицинского назначения. Положение каждого конкретного предприятия зависит от места его нахождения, отрасли, численности, оснащённости и других факторов, что сказывается на трудовом поведении рабочих. Наиболее высока дифференциация уровня производительности труда по регионам, которая основана на региональных различиях в структуре экономики и технико-технологическими факторами. Были опрошены рабочие основного производства. Проведен сплошной опрос методом анкетирования. Цель

статьи – дать описание состояния здоровья работников на отдельном предприятии после пандемии Ковид-19 и ее влияния на производительность труда работающих. Научную новизну обеспечивают результаты эмпирического исследования с использованием авторского инструментария.

Завершает рубрику, статья «Использование постулатов школы обучения стратегического менеджмента в интересах развития персонала организации с учетом вызовов XXI века», которую написал Тебекин Алексей Васильевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры промышленного менеджмента Национального исследовательского технологического университета МИСИС (г. Москва, Российская Федерация). Актуальность представленного исследования, по его мнению, заключается в том, что учитывая, что развитие экономики осуществляется по спирали в соответствии с диалектической философией Г. Гегеля, а также, что протяженность одного витка этой спирали в соответствии с большими циклами экономической активности Н. Кондратьева составляет примерно полвека (50 лет), представляет интерес рассмотреть ключевые положения школ стратегического менеджмента, сформировавшихся к 1970-м годам, в интересах их использования в современных условиях для преодоления текущего глобального экономического кризиса 2020-х годов, принявшего затяжной характер. Целью представленных исследований является рассмотрение с философских позиций постулатов школы обучения стратегического менеджмента Чарльза Линдблума, сформировавшейся в преддверии глобального мирового экономического кризиса 1970-х годов, в интересах поиска путей их использования для формирования стратегий менеджмента, направленных на эффективное преодоление глобального мирового экономического кризиса, возникшего на новом витке спирали экономического развития в 2020-е годы и развития системы обучения персонала с учетом вызовов XXI века. Научная новизна полученных результатов заключается в исследовании пяти ключевых постулатов школы обучения стратегического менеджмента сквозь призму реализации основных законов диалектики в современных условиях и формулировании предложений по развитию системы обучения персонала с учетом вызовов XXI века. Практическая значимость полученных в работе результатов заключается в возможности использования предложенных рекомендаций по реализации основных постулатов школы обучения в современных кризисных условиях для повышения эффективности стратегического развития.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагается две работы.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть II». Её подготовил Медведев Илья Витальевич, младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, (г. Москва, Российская Федерация). Развитие интеграционных проектов постсоветского пространства (ПСП) на современном этапе, отмечает автор, сталкивается со все новыми вызовами в условиях конкуренции на нем глобальных и региональных центров экономического притяжения в лице США, Евросоюза, Китая и Турции, что актуализирует исследование перспектив интеграционных проектов новых независимых государств (ННГ). Целью настоящего исследования является уточнение контуров дальнейшего развития региональной кооперации ННГ через обобщение и сравнительный анализ теоретических подходов к интеграции ПСП с выделением возможной оптимальной модели кооперации ННГ. Для достижения указанной цели работа разделена на два блока которые обусловлены задачами исследования. Первая часть, опубликованная в предыдущем номере, сфокусирована на проведении ретроспективного

анализа региональной кооперации ПСП в контексте используемых теорий и подходов к региональной интеграции. Вторая часть, представленная в данном номере, посвящена сравнительному анализу используемых подходов к региональной кооперации ННГ с целью выявить перспективные модели региональной кооперации в условиях внешнего санкционного давления. В исследовании проводится обобщение некоторых закономерностей в контексте интеграции ПСП и анализ этапов развития постсоветской интеграции в контексте российской концепции поворота на восток. Производится разграничение между фрагментацией и регионализацией постсоветского пространства. Делается вывод, что, хотя европейский опыт и продолжает использоваться в проектировании постсоветской интеграции, его применимость существенно ограничена фактором суверенитета, сильной дифференциацией участников по уровню экономического развития, стремлением стран-участниц проводить многовекторную политику. В современных условиях фрагментации и регионализации постсоветского пространства все большую актуальность обретает поиск собственной модели региональной кооперации, которая бы отвечала новым требованиям постсоветской интеграции и адаптации экономики России к внешним вызовам.

Затем в этой рубрике Вашему вниманию предлагается статья «Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статья 2)». Её написала Берендеева Алла Борисовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, экономики и предпринимательства ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», (г. Иваново, Российская Федерация). Здесь представлен обзор теоретических концепций, связанных с устойчивым развитием предприятий, компаний. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформации бизнеса рассмотрена во взаимосвязи с концепциями жизненного цикла организации, общественного договора, с теорией систем и трендом к синхронизации процессов, с теорией корпоративной (организационной) устойчивости, теорией управления рисками и концепцией приемлемого риска, концепцией социальной ответственности бизнеса / корпоративной социальной ответственности. Отмечена роль Правительства России, Банка России, госкорпорации ВЭБ.РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей в развитии ESG-трансформации российских компаний, роль платформы ИНФРАГРИН, школы управления «Сколково». Дается характеристика рынка финансирования устойчивого развития в России и представленных на нем видов облигаций. Раскрыт отраслевой аспект устойчивого развития и ESG-повестки в документах Правительства РФ, проводимых рейтингах компаний и конкурсах менеджеров. Рассмотрено развитие методологической базы составления ESG-рейтингов и ESG-рэнкингов компаний. На основе данных рейтингового агентства Эксперт на апрель 2023 г. и январь 2024 г. сделан сравнительный анализ ESG-рейтингов и рэнкингов российских компаний в разрезе отраслей и подотраслей. Проанализированы компании, входящие в разные рейтинговые диапазоны А, В, С, рейтинги и рэнкинги E, S, G для компаний топ-10 и определена значимость каждой из составляющих. Обозначены подходы к открытости информации компаний, связанной с соблюдением международных стандартов. Отражены факторы, стимулирующие ESG-инвестирование, по данным международных исследований. Раскрыты основные направления деятельности российских компаний по реализации E, S G-аспектов. Показано влияние ESG-повестки компаний на изменение системы корпоративного управления.

Далее, в рубрике «Творчество молодых исследователей», Вашему вниманию предлагаются одна работа.

В этой рубрике публикуется статья «Оценка влияния цифровой трансформации на функционирование социальных институтов». Её прислали двое авторов из Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, (г. Симферополь,

Российская Федерация): Гусар Евгения Сергеевна, ассистент кафедры управления персоналом, и Гусар Виталий Игоревич, аспирант кафедры экономической теории. Масштабная цифровая трансформация и внедрение цифровых технологий, отмечают они, приводит к необходимости дополнения существующей институциональной среды новыми социальными институтами и изменению базовых основ функционирования институтов в соответствии с требованиями цифровой экономики. В процессе данного исследования использовались следующие методы научного познания: общенаучные (анализ, синтез, группировка), сравнительный анализ, индукция, логическое обобщение. Целью данной статьи является изучение влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов, а также определение ключевых институтов развития цифровой экономики. Задачами исследования являются: провести анализ становления и сущности понятия «социальный институт»; рассмотреть и актуализировать в соответствии с цифровыми реалиями основные универсальные функции социальных институтов; дополнить социальные институты развития цифровой экономики; предложить и детально охарактеризовать основные функции институтов цифровой экономики. Научная новизна исследования – авторами проведено исследование влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов и выявлено, что масштабная цифровая трансформация приводит к обновлению универсальных функций социальных институтов; дополнены ключевые социальные институты развития цифровой экономики, представлены и охарактеризованы их основные функции. Подытожив вышесказанное, сделаны следующие выводы. Влияние цифровой трансформации на фундаментальные основы развития социальных институтов, проявляется в обновлении универсальных функций социальных институтов. Авторы считают, что в условиях развития цифровой экономики, социальные институты выполняют следующие функции: функция закрепления и воспроизводства общественных отношений, регулятивная, интегративная, транслирующая, коммуникативная образовательная, а также функцию всеобщей оцифровки данных и функцию автоматизации и роботизации. Выделяют шесть групп социальных институтов развития цифровой экономики: институты нормативного регулирования; институты культуры; институты образования; институты науки; институты занятости; институты информационной безопасности. С точки зрения авторов, необходимо выделить и добавить к ключевым и важным социальным институтам развития цифровой экономики в Российской Федерации институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, и институты развития высокотехнологических рынков. Все институты развития цифровой экономики взаимосвязаны друг с другом и только в рамках этого взаимодействия могут представлять из себя мощный фактор цифрового развития экономики страны.

Таково основное содержание материалов 2-го (110-го) номера, уважаемые читатели. Как видите, они, действительно, представляют собой новые идеи для дальнейшей разработки выдвинутой нами ещё 14 лет назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают достойным продолжением всех предыдущих ста девяти номеров нашего издания.

В заключении рубрики, хотелось бы еще раз подчеркнуть важность и актуальность темы экономики в современном мире. Мы видим, что экономические процессы оказывают влияние на все сферы жизни, и поэтому важно понимать их механизмы и закономерности.

Мы благодарим всех авторов, принявших участие в формировании данного номера, за их вклад в развитие экономической науки и интерес к нашей теме. Мы также благодарим наших читателей за поддержку и интерес к нашим материалам. Ваше мнение и обратная связь очень важны для нас, и мы стремимся улучшать качество наших публикаций и делать их еще более интересными и

познавательными.

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: new thoughts to the development of the concept

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. This section offers an overview of the materials of the next, 2nd (110th) issue of the journal. In the opinion of the editor, the publication of this issue brings new ideas to the development of our concept of theoretical economy, which we have been carrying out on the pages of our publication for 14 years. This novelty is shown on the example of each published work. It is noted that it is manifested, of course, to varying degrees in the speeches of both well-known readers and new authors. The main attention in the content of the proposed issue is still paid to topical problems of theoretical economy, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, and the work of young researchers..

Keywords: theoretical economy, new industrialization, modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Генезис стимулов и мотивов в экономической деятельности: историко-теоретический контекст

Козлов Александр Вячеславович

кандидат экономических наук, заместитель генерального директора по экономике и производству

ГО «НПЦ НАН Беларуси по материаловедению», г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: Kozlov_alexandr@mail.ru

Аннотация. Человек устроен так, что в основе его деятельности лежат стимулы и мотивы. Именно поэтому в последнее время набирает популярность поведенческая экономика, которая составляет альтернативу технократическому способу повышения производительности труда. По причине относительной новизны данного научного направления термины «стимул», «мотив» и их производные не смотря на достаточно длительный период использования не в полной мере адаптированы к употреблению в экономическом смысле, что зачастую приводит к смешению их значений, является препятствием для определения объекта отношений и выстраивания различных механизмов воздействия на деятельность субъектов. Автор поставил цель – в ходе исследования проследить эволюцию в значении терминов, чтобы понять особенность их употребления на современном этапе. В статье проведен генезис и этимологический анализ терминологического аппарата. Установлено, что термины заимствованы из психологии, в зарубежной литературе они впервые упоминаются в начале XX века в научных трудах Ф.Тейлора, в отечественной же – стали широко использоваться позже, только с начала 50-х годов, в период, когда в Советском Союзе изменились институциональные условия и возникла необходимость реформирования экономики. На современном этапе многие экономисты уже не проводят разграничения между понятиями «стимулирование» и «мотивирование», употребляя их в большинстве случаев в синонимичном смысле. Автор обосновал то, что для науки и практики стирание различий между значениями этих терминов пока преждевременно поскольку они имеют разные побудительные основания для деятельности, хотя и могут приводить к одинаковому результату. Понимание подобных нюансов позволит правильно воздействовать на субъектов экономических отношений и правильно выстраивать механизмы стимулирования.

Ключевые слова: Генезис стимулов в экономике, стимулирование научно-технического прогресса, премирование как стимул, мотивация труда, мотивы в трудовой деятельности, разграничение стимулов и мотивов, поощрение в экономической деятельности, побуждение работников, материальные интересы, личная заинтересованность, меркантильные интересы, поведенческая экономика

JEL codes: J38, O31, O32, O33, O38, P20

Для цитирования: Козлов, А.В. Генезис стимулов и мотивов в экономической деятельности: историко-теоретический контекст/ А.В. Козлов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.12-31. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Введение

При проведении работы по теме стимулирования научно-технической деятельности автор столкнулся с противоречивым употреблением в экономической литературе достаточно распространенных терминов «стимулирование» и «мотивация». Одни ученые синонимично употребляют термины в контексте поощрения, другие все же какое-то различие делают, третьи избегают неоднозначно понимаемой терминологии, четвертые не разграничивая смысл терминов ассоциируют их с исключительно материальными выгодами и т.д. Поскольку для научно-практических изысканий требуется четкость, то для выяснения причин такого расхождения в значениях терминов была исследована справочная литература, изучены публикации как современных ученых так и ученых советского периода.

Установлено, что за последние несколько десятилетий в экономической практике действительно произошло смешение базовых терминов «стимул» и «мотив», а также их производных – «стимулирование», «мотивирование» и т.д. Такое положение вносит путаницу и искажает представление о воле и желании субъектов экономических отношений, что в конечном счете, если не

сводит на нет, то существенно снижает эффективность любого механизма взаимодействия. Следует отметить, что наличие даже минимальной неопределенности в терминологии создает сложности правильного понимания поступающей информации, подлежащих разрешению проблем, путей их решения, а также ожидаемого результата каждой из сторон и т.д.

Например, во многих современных компаниях для привлечения сотрудников на работу манящим является «пакет мотивации». После детального ознакомления с таким пакетом выясняется, что наниматель имеет в виду набор определенных зачастую стандартный для всех компаний мер стимулирующего характера. В такой ситуации расчет нанимателя на то, что предлагаемые им меры удовлетворяют требованиям мотивов или внутренних потребностей работника будет как минимум опрометчиво. Работнику прежде чем принять эти меры стимулирующего характера и заключить сделку необходимо разобраться удовлетворяют ли они его потребности, если же конечно речь не идет о том, что наниматель своим предложением желает сформировать какие-то определенно новые потребности (интересы) у будущего работника, которые соответственно сам и будет их удовлетворять.

Вот еще пример, в одной статье «Методы мотивации сотрудников в компании Google» [1] указано, что «система мотивации очень важна для организации эффективной работы любой компании». Безусловно это правильное утверждение, только осталось понять более точно, о чем идет речь – о мотивах работника либо о стимулах для этой работы со стороны нанимателя поскольку указанное выражение может относиться к любой из сторон трудовых отношений. Полное же прочтение этой статьи свидетельствует о том, что речь идет про стимулы со стороны нанимателя, как материальные, так и нематериальные. Таким образом в данной статье мотивация и стимулирования синонимичны.

Подобные примеры на практике не единичны. В этой связи генезис и этимология терминов «стимул», «мотив» и их производных представляет интерес для более глубокого понимания значения рассматриваемых терминов. Это позволит в будущем точно определять интересы сторон, мотивы, стимулы и объект правоотношений, что в последующем приведет к повышению эффективности механизмов стимулирования в различных областях экономической деятельности.

Результаты и их обсуждение.

Используя метод исторического анализа автор установил то, что понятия, связанные с терминами «стимул» и «мотив», стали использоваться для целей экономической деятельности еще в советский период с 50-х годов прошлого века. Экономические же механизмы, близкие по своей сути к стимулированию, применялись и ранее. При этом, первые подобные элементарные в сегодняшнем представлении механизмы описаны именно в зарубежной литературе.

Так, среди многочисленных иностранных ученых следует выделить основоположника научной организации труда и менеджмента американцев Ф.Тейлора, который уже в начале XX века помимо технократической организации производства сформулировал теорию трудовой мотивации и обосновал возможность повышения производственных показателей не только за счет оптимизации процесса, но и с помощью финансовых стимулирования работников, а также его последователя Ф.Гилберта. Труды прежде всего именно этих ученых привлекли внимание исследователей в дореволюционной России, а также произвели впечатление на В.И.Ленина, который сначала в 1913-1914 годах хотя их и критиковал, называя их «искусством выжимать пот» [2, 3], но затем в 1918 году после революции и возникновения необходимости восстановления хозяйства признал, что строительство социализма без повышения производительности труда и «тейлоризма» с привлечением американских инженеров невозможно [4].

Следует отметить, что значительный вклад в научную организацию труда в дореволюционной России внес петербургский инженер Л.А.Левенстерн, который первым проанализировал, перевел на русский язык и издал работы Ф. Тейлора, Ф.Гилберта и др. Он разделял взгляды ученых относительно актуального по тем временам механизма стимулирования рабочих, в основе единственной формой которого лежало премирование за перевыполнение норм выработки [5].

Возникает вопрос, что имели в виду ученые начала XX века, когда говорили о повышении

производительности труда и противопоставляли технократическую оптимизацию материальному стимулированию труда рабочих. Как показывает анализ литературных источников под технократической оптимизацией производственного процесса понималось внедрение собственником (владельцем) предприятия новых технологий и оборудования, существенно повышающих выпуск продукции, иногда в разы. Например, Ф.Тейлор в своей ранней работе 1906 г. «Искусство резать металлы» особое значение придает организации технических процессов и оптимизации при расположении станков [6]. В начале XX века эффект от оптимизации производственных процессов и использования нового оборудования исчислялся увеличением объемов выпуска продукции, зачастую, в несколько раз. В этой связи технократическое повышение производительности труда стало весьма популярным и получило широкое распространение, что побудило Ф.Тейлора организовать собственное дело по управленческому консультированию и проведению исследований по научной организации труда. Свои новые и весьма прогрессивные идеи Ф.Тейлор изложил в ряде публикаций о сдельной оплате труда [7], впервые опубликованные в 1896 году, и в монографии «Принципы научного менеджмента», опубликованной в 1911 году [8]. Следует отметить, что, если речь идет о технократической оптимизации производства, то еще до Ф.Тейлора или как минимум в примерно в одно время с ним, но независимо от него, схожими вопросами рационализаторства занимался российский ученый-технолог профессор Н.Н.Савин¹, который помимо всего занимался преподавательской деятельностью и смог создать свою научную школу. Среди его трудов следует отметить «О сопротивлении металлов резанию на токарном и строгальном станках».

Касательно же подходов материального стимулирования рабочих, то первым здесь по праву можно считать Ф.Тейлора. В его трудах впервые упоминается о доплатах «первоклассным рабочим» [5, с.139; 7, 8], которые производились, прежде всего, для стимулирования их участия в освоении новой техники и в работе по новым, научно обоснованным правилам. Следует отметить, что в соответствии с подходами стимулирования, которые практиковал Ф.Тейлор, у рабочего было два пути: первый – выполнение нормы и получение дополнительного заработка, второй – снижение заработка за невыполнение нормы выработки.

При изучении в оригинале трудов Ф.Тейлора установлено, что уже в то время он употреблял термины «stimulus – стимул» [7, с. 35, 44, 66, 84; 8, р. 72, 81, 94, 119], «motive – мотив» [8, р. 72, 106], «interest – интерес» [8, р. 10, 16, 22] и их производные на английском языке. Эти термины он употреблял в контексте побуждения работников к трудовой деятельности по новым, установленным им правилам. При этом четкого разграничения между терминами не было, они зачастую употреблялись в синонимичном значении, хотя и затрагивали как факторы внешнего воздействия на субъекта, так и его внутреннего состояния.

При изучении переводной зарубежной экономической литературы употребление терминов «стимул», «мотив» и таких их производных, как «стимулирование», «мотивация» и др. у российских авторов, включая В.И.Ленина и Л.А.Левенстерна, не установлено. Следует отметить, что последующее смешение значений терминов или их оттенков из зарубежной литературы перешло в отечественную, по причине чего, например, сложилась практика смешанного использования термина «стимулирование» и его использование для описания выгод как организаций, так и их работников.

В современном же представлении понятие «экономическое стимулирование» в активный оборот вошло только с началом проводимой в СССР хозяйственной реформы и совершенствованием экономического механизма, которая началась с мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС 1965 года. В тот период в соответствии с последующими решениями XXIII съезда ЦК КПСС (1966 год) по вопросам экономического развития государства экономические методы управления народным хозяйством выдвинулись на первый план, соответственно материальному стимулированию работников производства и трудовых коллективов отводилась, если не первостепенная, то особая роль. Повсеместно на предприятиях и в организациях сначала в порядке эксперимента, а затем –

¹ В некоторых источниках упоминается как М.А. Савин или Н.Н.Саввин

как само собою разумеющееся, стал внедряться новый тип планирования и экономического стимулирования.

Вместе с тем для справедливости следует уточнить, что в истории СССР был период, когда не смотря на то, что сам термин «стимулирование» и не употреблялся, но описываемые эти термином процессы в претворялись в жизнь. Это касается периода проведения (1921 – 1928) так называемой новой экономической политики (НЭП),

особенно его первой половины, пока не началась острая фаза внутривластной борьбы за власть. Этот период исследован автором на предмет существовавших подходов к стимулированию и уже описан в научной статье [9].

Рассуждая о проблемах личной заинтересованности субъектов, В.И. Ленин говорил о невозможности построить новое общество на одном лишь энтузиазме. Его нужно

строить «при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете». Он заявлял о необходимости определенного сочетания в управлении трудящимися методов убеждения (прямой мотивации) и побуждения (поощрения) [10; 11, с.151].

По этой причине в годы перехода к новой экономической политике в ряде нормативных документов правительства было рекомендовано отказаться от «уравниловки» в оплате труда и распределении продуктов. Уже тогда ставился актуальный вопрос о переходе предприятий на хозрасчет. Для скорейшего решения задачи по восстановлению промышленности В.И. Ленин даже допускал привлечение иностранного капитала. Кроме того, одним из способов, нематериального стимулирования экономических процессов (например, увеличение объемов выпуска продукции) он рассматривал и трудовые соревнования, которые описаны в одном из его трудов «Как организовать соревнование?» [12] и показали свою эффективность в институциональных условиях того времени, когда денежных средств в экономике жутко не хватало. Обращает на себя внимание то, что для распространения соревнования рекомендовалось применять не характерные для того времени меры, основанные на принуждении и насилии, а – премиальную систему оплаты труда [13].

Таким образом, можно утверждать, что в ранний период существования советского государства уже были заложены отдельные формы стимулирования экономических процессов, но при этом сам термин «экономическое стимулирование» не использовался. Также можно предположить, что в своих трудах В.И. Ленин под «личным интересом» и «личной заинтересованностью» как раз понимал внешнее воздействие на рабочих, соответствующее термину «стимулирование».

Для всестороннего рассмотрения вопроса на тему стимулов и мотивов целесообразно проверить переводное значение терминов, а затем – энциклопедическое или справочное описание их сути. В этой связи автор проанализировал ряд словарей иностранных слов [14–16], справочников [17–31] и для наглядности в таблице 1 привел ранние переводы терминов, в таблице 2 – сведения из трех изданий Большой советской энциклопедии, а в таблице 3 – данные из наиболее авторитетных толковых словарей русского языка. Изложенные сведения в своей совокупности могут свидетельствовать о примерном периоде появления терминов и их употребления в экономическом смысле.

Таблица 1 – Систематизация терминологического аппарата по словарям иностранных слов

Источник	Термин	Определение
Русско-английский словарь (1932 г.) [14]	Мотив	Motive, reason, cause, ground (побудительная причина); tune (в музыке); motif (в художественном произведении)
	Мотивировать	to motivate, motive
	Мотивировка	motivation, reason, justification
	Стимул	stimulus, spur, goad

Источник	Термин	Определение
Словарь иностранных слов (1917 г.) [15]	Мотив	От латинского <i>movere</i> – двигать. Побудительная причина, повод. В музыке – напев.
	Мотивировать	<i>Motiver</i> – приводить причины, доказательства
	Стимул	От латинского <i>stimulus</i> – побудительная причина, инстинкт
Англо-русский словарь (1927 г.) [16]	Motive	Мотив, основание, причина; движущий, двигательный; мотивировать, приводить основания, причины
	Motivity	Двигательная сила
	Stimulant	Возбудительный, возбуждающий; возбуждающее средство
	Stimulate	Возбуждать, подстрекать, подвигать, побуждать, поощрять
	Stimulation	Возбуждение, побуждение, поощрение. В физиологии – стимуляция (возбужденная деятельность организма)
	Stimulator	Возбудитель, поощритель, подстрекатель
	Stimulus	Стимул, двигатель, побудитель, возбуждающее средство

Примечание: разработка на основании данных словарных источников

Источник: составлено автором по источникам [14, 15, 16]

Из анализа словарей иностранных слов следует то, что термины «стимул» и «мотив» заимствованы из иностранного языка и вошли в литературное употребление еще в дореволюционной России. Термины первоначально использовались для употребления в контексте побуждения к каким-нибудь действиям. При этом, сделать вывод о допустимости использования терминов в экономическом смысле для того, чтобы подчеркнуть активацию именно деятельности, а не действий или поступка, из указанных словарей не представляется возможным.

Таблица 2 – Систематизация терминологического аппарата по данным Большой советской энциклопедии

Источник	Термин	Определение
Первое издание (1938 г., 1947 г.) [17, 18]	Мотив	Происходит от латинского <i>moveo, motum</i> – двигаю, в психологии – движение или повод наших желаний и поступков. Часто под мотивом подразумевают сознательную причину желания или действия. В соответствии с этим мотив считается необходимым элементом воли. Испытывая какое-нибудь желание, мы обдумываем возможность его осуществления и результаты этого осуществления. В связи с этим мы разбираем важность поводов, вызывающих и поддерживающих это желание, т.е. мотивы, побуждающие нас к известным поступкам. Иногда мотив понимается шире, как всякий повод к движению, как «импульс» к действию.
	Мотивация	Данный термин отсутствует
	Стимул	Побуждение к действию. В зоопсихологии употребляется для обозначения раздражителя или совокупности раздражителей, вызывающих ответную реакцию организма.

Источник	Термин	Определение
	Стимулирование	Примечание: термин «стимулирование» употребляется в контексте стимулирования семян и роста растений
Второе издание (1954 г., 1956 г.) [19, 20]	Мотив	В психологии – побудительная причина действий и поступков человека. Исходным побуждением человека к деятельности является его стремление удовлетворить свои материальные и духовные потребности.
	Мотив преступления	Побуждение, которым руководствовалось данное лицо при совершении преступления.
	Мотивация	Данный термин отсутствует
	Стимул	Происходит от латинского stimulus, буквально – остроконечная палка, которой погоняли животных – побуждение, толчок к каким-либо действиям; заинтересованность в совершении чего-либо.
	Стимуляторы	Примечание: термин «стимуляторы» употребляется в контексте биогенных стимуляторов и роста растений
Англо-русский словарь (1927 г.) [16]	Мотив	<p>В психологии, то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается.</p> <p>Бихевиористы обычно понимают под мотивами любые стимулы как внешние, так и внутренние («мотивационные переменные»), способные вызывать или активизировать поведение. В глубинной психологии роль главных мотивов приписывается заложенным в человеке биологическим инстинктам и влечениям, которые под влиянием социальных условий отчасти подавляются и выступают в своих непрямых, символических формах (психоанализ З. Фрейда и др.).</p> <p>В советской психологии проблема мотивов разрабатывается в связи с исследованием строения человеческой деятельности и сознания, общественно-исторических по своей природе. Соответственно мотивы определяются как то, что в отражаемой человеком реальности побуждает и направляет его деятельность.</p> <p>Первичная форма мотивов – вещественные предметы, отвечающие простейшим материальным потребностям. Впоследствии ими становятся предметы идеальные, выступающие в форме тех или иных побудительных представлений или сознательных целей («мотивы-цели»). Деятельность человека побуждается обычно одновременно несколькими мотивами, один из которых является основным, ведущим, а другие – подчиненными, иногда выполняющими лишь функцию дополнительной стимуляции (например, мотивы труда и его материальное стимулирование).</p>
	Мотивация	Двигательная сила
	Стимул	Возбудительный, возбуждающий; возбуждающее средство

Источник	Термин	Определение
	Стимуляторы	Возбуждать, подстрекать, подвигать, побуждать, поощрять

Источник: составлено автором на основе источников [17 - 22]

Из приведенного анализа данных Большой советской энциклопедии можно сделать вывод о том, что ее первые два издания до 1956 года не содержат сведений о возможном употреблении терминов «стимул» и «мотив» для целей описания вопросов стимулирования экономической деятельности. Только в третьем издании, начиная с 1974 года, энциклопедия содержит данные о возможном употреблении в контексте стимулирования деятельности человека. При этом, термины «стимул» и «мотив» получили метафоричное толкование для целей экономики.

Таблица 3 – Систематизация терминологического аппарата по данным толковых словарей

Источник	Термин	Определение
Толковый словарь В. Даля (1881-1882 г.) [23, 24]	Мотив	Побудительная причина.
	Мотивировать	Подкрепить доказательствами, подтвердить и объяснить доводами.
	Стимул	Данный термин отсутствует.
Толковый словарь русского языка Д.Н.Ушакова (1938 г., 1940 г.) [26, 27]	Мотив	Система доводов, аргументов в пользу чего-нибудь, мотивировка (книжное). Совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок (психология).
	Мотивация	Имеющий мотивировку, сопровождающийся ею (книжное).
	Мотивированный	Привести мотивы, доводы в пользу чего-нибудь.(книжное). Например, «мотивировать свое предложение».
	Мотивировать	Причина, побуждающая к деятельности, создающая благоприятные условия для развития чего-нибудь. Например, «распределение доходов по трудодням – важный стимул для роста производительности труда в колхозах». Раздражитель, вызывающий реакцию (психология).
	Стимул	Примечание: термин «стимуляторы» употребляется в контексте биогенных стимуляторов и роста растений
	Стимулировать	Побудить к деятельности, дать стимул, толчок к развитию чего-нибудь. Например, «стимулировать рост сельского хозяйства».
Толковый словарь русского языка Д.Н.Ушакова (1938 г., 1940 г.) [26, 27]	Мотив	Побудительная причина, повод к какому-нибудь действию (книжное). Довод в пользу чего-нибудь (книжное). Например, «привести мотивы в пользу своего предложения».
	Мотивация	Система доводов, аргументов в пользу чего-нибудь, мотивировка (книжное). Совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок (психология).
	Мотивированный	Имеющий мотивировку, сопровождающийся ею (книжное).

Источник	Термин	Определение
	Мотивировать	Привести мотивы, доводы в пользу чего-нибудь.(книжное). Например, «мотивировать свое предложение».
	Стимул	Причина, побуждающая к деятельности, создающая благоприятные условия для развития чего-нибудь. Например, «распределение доходов по трудодням – важный стимул для роста производительности труда в колхозах». Раздражитель, вызывающий реакцию (психология).
	Стимулировать	Побудить к деятельности, дать стимул, толчок к развитию чего-нибудь. Например, «стимулировать рост сельского хозяйства».
Словарь русского языка С.И.Ожегова (1949 г.) [28]	Мотив	Побудительная причина, повод к какому-нибудь действию. Довод в пользу чего-нибудь.
	Мотивация	То же, что и мотивировка – совокупность мотивов, доводов.
	Стимул	Побудительная причина. Например, «стимул работы».
	Стимулировать	Дать стимул, толчок к чему-нибудь. Например, «стимулировать развитие промышленности».

Источник: составлено автором на основе источников [23 - 28]

При изучении словарей русского установлено, что в словаре В. Даля по состоянию на 1882 год на возможность употребления термина «мотив» в экономическом смысле не указано, а термин «стимул» и вовсе отсутствует. В дополненной редакции словаря в 1909 году термин «стимул» был добавлен, но не в экономическом смысле. В дальнейшем в словарях сначала под редакцией профессора, член-корреспондента Д.Н.Ушакова, а затем профессора С.И.Ожегова допускалось употребление терминов «стимул» и «мотив» в некотором экономическом смысле. При этом, если из описания значения термина «стимул» и приведенных примеров можно сделать однозначный вывод о допустимости его употребления в экономическом контексте, то термин «мотив» содержит всего лишь схожее описание (синонимичное) его значения. Но в любом случае оба термина использовались в значении побуждения к чему-либо. Таким образом, можно сделать вывод о том, что словарные источники уже в 30-е годы прошлого века допускали употребление терминов экономическом значении, хотя и не имели специального обозначения в словаре об их отношении к экономике, в отличии, например, от психологии.

Сцелью установления более раннего употребления терминов «стимул», «мотив» и их производных в экономическом смысле автор настоящей статьи провел поисковую работу по базе литературных источниках с использованием электронного каталога Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. По результатам исследования установлено, что самое раннее употребление указанных терминов в названиях литературных источников датировано 1959 годом в трудах белорусского экономиста О.Н.Пашкевича [32]. До этого времени термины имели употребление в категории психология.

Генезис экономического стимулирования в советский период.

Обобщение советских литературных источников показало, что термин «стимулирование» в экономическом значении в довоенный период не применялся. При этом, следует отметить, что в трудах видных экономистов того времени академиков Г.М.Кржижановского, С.Г.Струмилина, профессора Е.Л.Грановского и др. находили отражение вопросы обеспечения оплаты труда, роста производительности и эффективности использования рабочего времени [33, 34, 35]. Ключевые показатели в экономике достигались за счет проведения получивших широкое распространение

социалистических соревнований, ставших в некотором смысле едва ли не единственным способом стимулирования граждан на трудовые подвиги. Страна решала первостепенные задачи по обеспечению национальной безопасности, шла по пути ускоренной индустриализации и в этой связи испытывала серьезную нехватку финансов. По указанным причинам для достижения цели использовались любые средства, чем объясняется распространенное использование принудительного труда. Из такой постановки вопроса следует, что работа в сложившихся институциональных условиях в основном была ориентирована на выполнение директивных требований и валовых показателей. Развитие же системных механизмов экономического стимулирования отдельных видов хозяйственной деятельности даже не предполагалось, а сам же термин «стимулирование» не использовался, ни в нормативных документах, ни в научной литературе.

В военный период стояла другая наиважнейшая задача – защитить страну и сохранить людей. По понятной причине вопросы стимулирования, а тем более материального, и вовсе не стояли на повестке – для начала нужно было выжить. Вопросы экономики по сути сводились к быстрой мобилизации на нужды фронта ресурсов страны, особенно природных, и организовать работу народного хозяйства. Для решения этой задачи государством привлекались лучшие ученые того времени из различных отраслей знаний. Такой вывод можно сделать, например, из присуждения в 1942 году Сталинской премии первой степени в области экономических наук (в размере 200 тыс. рублей) за научную работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» авторскому коллективу из 19 человек, среди которых помимо нескольких экономистов значатся ботаники, географы, металлурги, энергетики, ученые в области транспорта, горного дела и др. Фактически эта научная работа носит междисциплинарный характер, что может стать еще одним доказательством того, что экономика не может существовать самостоятельно в отрыве от других сфер жизнедеятельности общества. В части же самой премии следует отметить, что ее, как единичную награду, скорее следует расценивать как форму поощрения за конкретные заслуги, нежели как способ стимулирования научной деятельности в перспективе. Такая оговорка важна поскольку меры поощрения применялись и ранее, и тем более во время войны, но их не следует отождествлять в контексте статьи с мерами стимулирования конкретного вида экономической деятельности.

Первые годы послевоенного периода характеризуются необходимостью решения вопросов, связанных с восстановлением народного хозяйства и ликвидации последствий Великой Отечественной Войны, на что и делается акцент в научной литературе, представленной такими видными экономистами, как академик К.В.Островитянов, член-корреспондент А.В.Пашков и др. В течение этого времени снова вопрос стимулирования экономической деятельности в понимании близком к современному и не ставился. Граждане просто обязаны были работать много и на отлично, не считаясь личными интересами. Вообще следует сказать, что экономическая модель Советского Союза предполагала государственную форму собственности, труд был основой общего благосостояния, а любые личные меркантильные интересы и обогащения высмеивались на собраниях трудовых коллективов.

Вместе с тем в послевоенный период после восстановления разрушенной экономики в государстве постепенно пришло переосмысление существовавших подходов и назрел вопрос определения новых более эффективных путей дальнейшего развития экономики. Так, после смерти В.И.Сталина в 1953 году, на фоне директивного управления наметился курс либерализации и начался он с сельского хозяйства.

Первое упоминание о стимулировании. Анализ руководящих документов КПСС показал, что в вопросах трудовых отношений еще на XIX съезд КПСС (1952 год) материальному стимулированию труда внимание не уделялось. Новому этапу в развитии экономики положил начало Сентябрьский (1953 года) Пленум ЦК КПСС, а директивное управление народным хозяйством стало сочетаться с системными механизмами материального стимулирования отраслей. Так, на примере сельского хозяйства было провозглашено восстановление ленинского принципа «материальной

заинтересованности работников в развитии производства». В принятом ЦК КПСС постановлении пленума «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» помимо прочих изъянов указывалось на упущение в управленческой работе и предписывалось обеспечить материальную заинтересованность работников в развитии производства путем повышения их уровня доходов, материального благосостояния, включая строительство индивидуального жилья и наделение приусадебными участками, списания задолженности прошлых лет по обязательным поставкам продуктов животноводства, снижения норм обязательных поставок государству продуктов животноводства и т.п.[36 с.45; 37, 38].

Обращалось внимание, что «действовавшие до сих пор [низкие] закупочные цены на продукты животноводства, картофель и овощи слабо стимулировали материальную заинтересованность колхозов и колхозников в развитии этих отраслей сельского хозяйства». Кроме того, было признано, что нарушался «важнейший принцип артельной формы колхозного хозяйства – правильное сочетание общественного и личного в артели при подчинении личных интересов общественным», а также то, что «существующая система взимание натуральной оплаты за работы ... не стимулирует передовые колхозы в борьбе за высокий урожай».

Таким образом, названное постановление можно считать первым официальным нормативным документом, в котором системно затрагивались вопросы поощрения субъектов правоотношений (колхозов и колхозников) со стороны регулятора (государства), описанные с активным использованием термина «стимулировать». При этом, следует отметить, что не смотря на употребление термина «стимулировать» его четкое разграничение с термином «мотивацией» пока еще не проводится. Это видно из приведенных цитат выражений, использованных в постановлении. Так, например, в выражении «слабо стимулируют материальную заинтересованность колхозов и колхозников в развитии...», если исходить, что стимулирование это все же внешнее воздействие на субъект отношений, то соответственно скорее всего предполагалось стимулировать не «материальную заинтересованность», которая уже была сформирована в сознании работника, а работу колхозников путем более полного и быстрого удовлетворения их растущих материальных потребностей. В следующей приведенной цитате «существующая система взимание натуральной оплаты за работы ... не стимулирует передовые колхозы в борьбе за высокий урожай» суть уже изложена четко и однозначно понимаемо – речь идет о стимулировании колхозов и указано на какую деятельность – «борьбу за высокий урожай».

Справедливости ради следует сказать, что хотя подобного рода «неточности» употребления терминов по тексту нормативного документа неединичные, но они в целом не повлияли на понимание сути сказанного, что может объяснить отсутствие жестких требований использования терминов и в современной научной литературе. Вместе с тем смешение терминов на практике может иметь и критическое значение для правильного понимания более глубоких идей автора поскольку становится неясным объект отношений или то, на что осуществляется воздействие.

После принятия первых нормативных документов политику новую политику государства нужно было донести до сведения граждан. Так, с конца того же 1953 года в советском обществе начал активно обсуждаться вопрос сочетания общественных и личных интересов. Он рассматривался в соответствии с принципом социализма «От каждого по его способностям, каждому – по его труду». В центральной прессе даже появлялись публикации на эту тему, в которых отмечалось, что социалистический принцип распределения по труду является для работников «могучим стимулом для проявления их способностей и талантов», повышения уровня образования, квалификации и деловой активности, большего участия в общественно полезном труде [39]. Примерно с этого времени стала меняться парадигма экономических отношений. В качестве обоснования указывалось, что «в социалистическом обществе, в противоположность капитализму, производство подчинено не извлечению прибыли для частных лиц – собственников средств производства, а систематическому подъему материального и культурного уровня трудящихся» [39]. Изучение литературных источников

показало, что такое обоснование сделано для того, чтобы уйти на производстве от термина «прибыль», которая рассматривалась в разрезе эксплуатации одним классом другого и не могла быть совмещена с политикой государства. В качестве цели социалистического производства указывалась необходимость систематического подъема материального и культурного уровня жизни. При таком подходе личные интересы не противопоставляются общественным поскольку граждане в конечном счете все равно работают на общество и используются в том числе для расширения социалистического производства. Таким образом появилось обоснование того, что личные интересы работников в социалистической модели приспособлены к общественным.

В публичную дискуссию о материальной заинтересованности при социализме были вовлечены и видные ученые. Так, в своей статье «О принципах материальной заинтересованности при социализме» член-корреспондент АН СССР А.И.Пашков материальную заинтересованность работников в постоянном совершенствовании общественного производства называет стимулом развития народного хозяйства [40]. Он также рассматривает в качестве стимулов «сознательное отношение людей к труду, понимание ими необходимости труда на общую пользу». Одновременно он называет стимулами материальные выгоды работника, получаемые им за труд. Исходя из этого следует, что А.И.Пашков не проводит разграничение между стимулами и мотивами к труду. Из его рассуждений следует, что для него большее значение само повышение производительности труда для целей повышения общественного благосостояния, нежели способы (механизмы) вовлечения для этой цели работника. Такой подход зачастую встречается у ученых и в наши дни. Сложно вести речь о недостатках такого подхода, если автор не преследует цель построить сам механизм стимулирования. Когда же начинаешь рассуждать о механизме стимулирования то попадаешь в ловушку, когда под внутренний мотив необходимо подобрать внешнее воздействие – стимул, производимый, скажем нанимателем или иным заинтересованным субъектом. Называя стимулом для работника материальную заинтересованность мы по сути забегаем вперед и не разобравшись в мотивах, ошибочно взяв за основу материальную составляющую, можем применить неэффективный механизм воздействия, который не окажет на поведение работника должного влияния. Скажем, стимулируя размером оплаты труда сложно привлечь творческого работника в проект, где он не получит ожидаемую частичку славы. Это наглядный пример того, что смешение стимулов и мотивов возможно для целей развития экономической теории, но имеет недостатки для построения конкретных механизмов стимулирования, особенно в тех областях, в которых работники являются творческими личностями, требующими особых подходов.

Вместе с тем следует отметить, что данная статья А.И. Пашкова является революционной для сознания советского гражданина. Поскольку она предшествовала практическому внедрению государством хозяйственного расчета на предприятиях и в организациях, то возможно именно поэтому потребовалось общественное обсуждение самого принципа материальной заинтересованности. Сделано это было, скорее для того, чтобы подчеркнуть то, что усиление материальных стимулов для работника положительно скажется на результатах его труда и соответственно на работе предприятия.

Следует отметить, что А.Пашков употребляет термин экономическое стимулирование и как внешнее воздействие. Соответственно он не проводил разграничение между терминами стимул и мотив, внешним воздействием и внутренними потребностями субъекта.

На XX съезде КПСС (1956 год) особое место было отведено повышению производительности труда. Съезд провозгласил то, что социалистические соревнования являются могучей силой, а моральное и материальное поощрение передовиков производства необходимо сочетать таким образом, чтобы помимо переходящих знамен, грамот и т.п. им выплачивалось не менее 75 % премиальных средств [41, с.14].

Далее в 1961 году на XXII съезде КПСС вопрос о сочетании личных и общественных интересов в период развернутого строительства коммунизма был рассмотрен более детально. Парадигма общественных преобразований и было продекларировано то, что при социализме

интересы личности, коллектива и общества не противостоят друг другу, а находятся в такой взаимозависимости, при которой они удовлетворяются тем в большей степени, чем быстрее растет общественное производство [36, с.107]. Признавалось то, что одних только, хотя и имеющих прочную материальную основу, общественных стимулов, для обеспечения роста благосостояния трудящихся недостаточно. В этой связи принятая программа КПСС предусматривала необходимость уделять особое внимание коллективной материальной заинтересованности.

Так термин «экономическое стимулирование» постепенно вошел повседневную лексику, а начатая дискуссия относительно расширения самостоятельности предприятий с переводом их на хозрасчетную форму оплаты труда, вылилась в принятие ЦК КПСС и Советом Министров постановления от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» или так называемую «косыгинскую реформу» [42]. На XXIV съезде КПСС (1971 год) и вовсе было определено, что рост благосостояния народа рассматривается как высшая цель проводимой экономической политики [43, с.7; 44].

Стали проводиться научные исследования и обосновывается комплексность механизма стимулирования научно-технического прогресса (академики А.Л.Абалкин, Д.С.Львов, В.А.Трапезников [45, 46, 47]; члены-корреспонденты: П.Г.Бунич, Л.М.Гатовский [46, 48] и др. [49, 50]), реализуются экономические опыты [51] и описывается необходимость ускорения технического прогресса и совершенствования хозрасчетных отношений [52–55].

В дальнейшем намеченный тренд на усиление материальной заинтересованности всех категорий работников от результатов труда был продолжен и на XXV съезде КПСС (1976 г.) было объявлено о необходимости совершенствования методов хозяйствования и экономического стимулирования, а также усилении роли экономических стимулов в росте эффективности производства, повышении качества продукции, ускорении научно-технического прогресса, обеспечении ритмичной работы предприятий, улучшении использования трудовых и материальных ресурсов [56, с.93].

Материальное поощрение трудовых коллективов было поставлено в зависимость от конечных экономических результатов капиталовложений, получила развитие мысль о новой форме финансирования работ, связанных с научно-техническим прогрессом, которое предлагалось осуществлять через единый (специальный) фонд поощрения науки и техники в системе хозрасчетного управления [57, 58].

В 80-е годы началась перестройка, вскрылись определенные проблемы функционирования советского государства и началась дискуссия относительно эффективности использования государственной собственности; продолжился тренд на совершенствование новых методов хозяйствования, которые должны были отразиться на ускорении научно-технического прогресса [59, 60, 61]. При этом стала разрабатываться теория экономического стимулирования научно-технического прогресса (профессор М.И.Бижанова) [62]. Поднимаются вопросы качества продукции, стимулирования создания новых производств, внедрения изобретений, новой техники и рационализаторских предложений (академик Н.Г.Чумаченко) [63]. Имеются достаточно полные и интересные работы относительно стимулирования труда (профессор И.П.Поварич) [64].

Современный период. В 1991 году произошел распад Советского Союза и текущее десятилетие вошло в историю варварской приватизацией, сопряженной с «новым» первоначальным накоплением капитала. В этот период вопросы стимулирования труда в целом и научно-технического прогресса в частности отошли на второй план, опыт советского государства в один момент стал непопулярен и всяческим образом критиковался. Основная масса трудов ученых обусловлена сменой экономической модели и переходом от командно-административной системы к рыночной. Соответственно и большинство научных работ была связаны с этой новой набиравшей популярность тематикой.

Вместе с тем после некоторого перерыва работа над теорией вопроса экономического стимулирования продолжилась и нашла отражение в отечественной науке. Освещением данной с разных аспектов и в различных отраслях народного хозяйства занимались такие белорусские ученые

как академики В.Г. Гусаков, А.Е. Дайнеко, П.Г. Никитенко, Г.М. Лыч, член-корреспонденты Ф.А. Дронов, В.Ф. Медведев, профессора И.М. Абрамов, Н.И. Богдан, С.А.Константинов, В.И. Кудашов, П.С.Лемещенко, А.В. Микулич, Л.Н. Нехорошева, М.В. Петрович, А.Н. Сенько, С.Ю. Солодовников, А.Г. Шумилин и др.

Отдельно следует отметить, что тема государственного стимулирования научно-технической и инновационной деятельности занимает особое место в работе Института экономики Национальной академии наук Беларуси, где над данной проблематикой традиционно трудятся целые коллективы авторов. Особенностью их работы стало исследование подходов к стимулированию инновационного развития экономики Республики Беларусь в рамках государственной политики [65–68].

В ходе проведенного анализа трудов белорусских ученых установлено, что занимаясь вопросом стимулирования экономики, проблематика разграничения терминов «стимул», «мотив» и их производных, беспокоила не многих. Это произошло потому что их исследования в основном имели акцент на другие цели, вопросы же теории стимулирования и мотивации не носили предметный характер, что подтверждается соответствующими практическими достижениями в иных сферах. Вместе с тем в трудах отдельных ученых вопросы стимулов и мотивов были предметом пристального внимания. В качестве примеров, имеющих значения для данной статьи, можно назвать следующих ученых.

Так, отечественный ученый академик В.Г.Гусаков, посвятивший большую часть своих работ реформированию аграрной экономики, обосновал предложения по улучшению системы мотивации труда в сельскохозяйственных организациях. При этом, в своих работах он использует термин «мотивация» в значении синонимичном «стимулированию», что не противоречит контекстному содержанию и сути этих терминов [69].

С.А.Константинов также использует термин «мотивация» в синонимичном значении термину «стимулирование» и применяет его в контексте поощрения работников. Он пришел к выводу о том, что на современном этапе даже труды Ф.Тейлора, которым уже более 100 лет, являются недооцененными у современных экономистов и представляют научную и практическую ценность [70]. Следует согласиться с профессором в части того, что новые разработки в сфере материального стимулирования должны учитывать исторический опыт, включая труды основателя теории научной организации труда.

Профессор М.В. Петрович рассматривает мотивацию в качестве одной из функций управления организацией и представляет ее в виде системы действий и методов, которые способны активизировать персонал для достижения заранее определенных целей [71, с.115]. Стимулирование же у него представляет частный случай мотивации. При сравнении этих понятий он обосновывает то, что стимулирование является положительной мотивацией или процессом поощрения (вознаграждения) за фактический или ожидаемый результат [71, с.115]. Тогда, следуя этой логике, сама мотивация может иметь как положительное так и отрицательное воздействие на ожидания человека, что уже известно в литературе под названием «метод кнута и пряника».

Профессор Н.И.Богдан и А.Н.Онопrienко еще в 1977 году, описывая в опыт стимулирования создания и освоения новой техники на электротехнических предприятиях страны, указывали, что оно на практике выражается в воздействии на производителей экономическими или административными рычагами. Они также считают, что институциональные условия и характер производственных отношений определяют механизм стимулирования поскольку каждому способу производства присуща своя система стимулирования [72, с.17]. Как и большинство авторов полагают, что основным стимулом для производителей является способ распределения материальных благ, но при этом, проблемы внутренних мотивов не рассматривают. Они обосновали то, что материальное стимулирование более узкое понятие, чем экономическое стимулирование и выступает его составной частью. Под материальным стимулированием понимают все то, что затрагивает интересы отдельного работника, в то время как экономическое – связано с деятельностью предприятий организаций и

осуществляется посредством формирования правил ценообразования, финансирования и т.п.

Профессор Л.Н.Нехорошева большое внимание уделяет институциональным условиям развития инновационной деятельности, рассматривает венчурный бизнес, как способ коммерциализации результатов научно-технической деятельности и элемент системы стимулирования научно-технического прогресса [73]. Таким образом, Л.Н.Нехорошева рассматривает стимулирование больше, как способ воздействия на субъектов хозяйствования нежели на работников.

Профессор А.И.Лученок рассматривает экономические потребности, интересы и стимулы как исходные категории для построения механизма экономического стимулирования [74, с.24]. Он придерживается позиции о том, что экономические потребности отражают нужду субъектов отношений в получении материальных благ, в то время как экономические интересы выражают целенаправленность их деятельности на получение этих благ. Соответственно экономические интересы определяют пути удовлетворения экономических потребностей субъектов. Следует согласиться с профессором о возможном назначении стимулов, особенно, для побуждения носителей экономических интересов в достижении необходимых для регулятора результатов (например, обеспечение рационального использования ресурсов).

Отдельные исследователи конца 90-х обобщают «мотив действий», как «единство потребности, сознания, эмоций и интеллекта», которые создают «внутренний импульс», побуждающий к совершению действий [75, с. 43]. В итоге встречаются следующие определения терминов: 1) потребность – это нужда человека в чем-либо; 2) интерес – проявление внимания к достижению цели для удовлетворения потребности; 3) мотив – склонность к побуждению какой-либо деятельности человека, которая удовлетворяет его потребности; 4) стимул – единство потребности, интереса и мотива, направленное на реализацию конкретной экономической формы.

Подводя итоги изучению трудов белорусских авторов следует сказать, что многие из них признают проблему смешения при употреблении терминов «стимул», «мотив» и их производных. С одной стороны в научной литературе устоялась позиция, что мотивация, прежде всего связана, со сферой психологии или внутренним состоянием человека, а стимулирование уже относится через призму факторов внешнего воздействия. С другой – на практике значение этих терминов все чаще становится синонимичным, что при отсутствии необходимости контекстного сопоставления между внешним воздействием и внутренним интересом суть в целом не искажает. Так происходит поскольку названные понятия дополняют друг друга, когда речь идет о побуждении человека к занятию какой-либо деятельностью.

Если же, например, возникает необходимость сопоставления мотивов субъекта отношений (работник, трудовой коллектив и т.п.) со стимулами регулятора (государство, наниматель и т.п.) да еще пропущенного через сознание субъекта, которое нельзя исключать из модели взаимодействия, то безусловно, четкость использования терминологии нужно соблюдать. Работы, в которых проводится четкое терминологическое разграничение, представлены, как правило, учеными в области психологии, философии, социологии. Такие работы находятся на стыке дисциплин и по своей сути являются частью поведенческой экономики. Более четкое разграничение терминов наблюдается не в исследованиях чистых экономистов, а в трудах ученых указанных областей знаний поскольку термины «мотив», «стимул» и их производные им ближе поскольку в экономику были заимствованы из психологии.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно прийти к следующим выводам и констатировать:

1. Подходы стимулирующего характера в трудовой деятельности стали практиковаться в начале XX века, ее основателем считается американец Ф.Тейлор, который и ввел в оборот в англоязычной экономической литературе термины «stimulus», «motive» и их производные. Первоначально стимулирование сводилось к премированию за перевыполнение норм выработки, а вообще термины

«стимул», «мотив» и их производные заимствованы для целей обозначения экономических процессов из психологии. По этой причине теория вопроса о потребностях, стимулах и мотивах лежит не только в плоскости экономики, но и психологи, и социологи, и других наук. В активную отечественную экономическую лексику процессы, связанные с экономическим стимулированием, введены 1953 году и связаны с переходом экономики на новый тип развития и отказом от принудительного труда.

2. Исходя из анализа нормативных документов 1953 года и статей в газете «Правда» И.Патенкова и А.Пашкова можно сделать вывод о том, что понимание в решении проблем в экономике у государства сводилось к необходимости принятия, прежде всего, мер материального стимулирования. В обоснование такой позиции можно сказать то, что к 50-м годам изменились институциональные условия, экономика по большинству показателей восстановилась к уровню довоенного периода, а возросшее предложение товаров на рынке требовало баланса в виде платежеспособного спроса. В связи с чем стимулирующие меры не только побуждали граждан к развитию сельскохозяйственного, но имели более долгосрочную перспективу – формирования дополнительной платежеспособной прослойки населения.

3. Одной из причин смещения терминов «стимул», «мотив» и их производных в экономической литературе является то, что эти термины связаны с обозначением побудительного воздействия на поведение работника. Ситуация усложнилась еще и тем, что термины заимствованы из англоязычной литературы и первоначально при переводе не придавалось значения внутренним и внешним факторам поскольку у ученых все то, что побуждает человека к работе в начале прошлого века ассоциировалось с материальными выгодами. При этом, позже, когда речь идет о трудах в области поведенческой экономики, наблюдается разграничение при употреблении терминов.

4. Институциональные условия оказывают существенное влияние на то значение, которое вкладывалось авторами и которое несли термины. Так, например, то, что сейчас считается обычным делом еще сто лет назад рассматривалось, как новелла (речь о премиях). Или, скажем то, что сейчас недопустимо (принудительный труд), в определенный период истории не вызывало критики. Но в любом случае то, что считалось стимулом имело действительную силу только в том случае, если он удовлетворяет потребностям, интересам и мотивам работника и человека.

5. Исходя из изложенного термин «мотив» и «мотивация» целесообразно употреблять по отношению к персоналу, а «стимулирование» – к субъектам хозяйствования в виде юридических лиц и организаций. В свою очередь термин «стимул» одинаково подходит для описания воздействия как на субъекты хозяйствования, так и на работников. Термин «интерес» в зависимости от контекста может иметь синонимичное значение с термином «мотив» и термином «стимул».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров А. Методы мотивации сотрудников в компании Google // Век. URL: <https://vek.ru/metody-motivacii-sotrudnikov-v-kompanii-google> (дата обращения: 24.01.2024).
2. Ленин В.И. «Научная» система выжимания пота // Полное собрание сочинений: [в 55 т.]. 5-е изд. М., 1980. Т. 23: Март – сентябрь 1913. С. 18–19.
3. Ленин В. И. Система Тейлора – порабощение человека машиной // История советской психологии труда: тексты (20–30-е гг. XX в.) / Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М., 1983. С. 37–39.
4. Ленин В.И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // История советской психологии труда: тексты (20–30-е гг. XX в.) / Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М., 1983. С. 41–42.
5. Тэйлор Ф. Административно-техническая организация промышленных предприятий. 3-е изд. М.: Л.А. Левенстерн, 1918. 195 с. (Административно-техническая библиотека горного инженера Л.А. Левенстера ; № 2).
6. Тэйлор Ф. Искусство резать металлы. 2-е изд. Берлин: Бюро иностр. науки и техники, 1922. 356 с.
7. Taylor F. W. Two papers on scientific management: A piece-rate system and notes on belting. London: George Routledge a. Sons, 1919. 230 p.
8. Taylor F. W. The principles of scientific management. New York ; London: Harper a. Brothers Publ., 1911. 144 p.
9. Козлов А.В. Подходы к стимулированию инновационной деятельности в период формирования социалистической системы хозяйствования (1920–1924 гг.) // Вестник Института экономики НАН Беларуси. 2023. № 6. С. 27–42.
10. Ленин В.И. Предложение в Политбюро ЦК РКП(б) о премировании предприятий // Полное собрание сочинений: [в 55 т.]. 5-е изд. М., 1982. Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. С. 66.
11. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полное собрание сочинений: [в 55 т.]. 5-е изд. М., 1982. Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. С. 144–152.
12. Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений: [в 55 т.]. 5-е изд. М., 1981. Т. 35: Октябрь 1917 – март 1918. С. 195–205.
13. Примечания [к работам В. И. Ленина, помещенным в т. 42] // Полное собрание сочинений: [в 55 т.]. 5-е изд. М., 1981. Т. 42: Ноябрь 1920 – март 1921. С. 437–493.
14. Русско-английский словарь: 50000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике / Сост. С.К. Боянус, В.К. Мюллер. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОГИЗ РСФСР : Совет. энцикл., 1932. 1484 стб. (Иностранные словари / под общ. ред. О. Ю. Шмидта ; вып. 7).
15. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней / [Сост. И.Ф. Бурдон, А.Д. Михельсон]. 12-е изд. М. ; Петроград: Панафикина, 1917. 476 с.
16. Александров А. Полный англо-русский словарь, составленный А. Александровым. New York: Hebrew Publishing Co, [1927]. 908 с.
17. Большая советская энциклопедия: [в 65 т. / редкол.: О.Ю. Шмидт (гл. ред.) и др.]. М.: Совет. энцикл., 1926–1944. Т. 40: Монада – Нага. 1938. 784 с.
18. Большая советская энциклопедия: [в 65 т. / редкол.: О.Ю. Шмидт (гл. ред.) и др.]. М.: Совет. энцикл., 1926–1944. Т. 52: Сознание – Стратегия. 1947. 942 с.
19. Большая советская энциклопедия: [в 51 т. / редкол.: Б.А. Введенский (гл. ред.) и др.]. Изд. 2-е. М.: Большая совет. энцикл., 1949–1958. Т. 28: Многоножки – Мятлик. [1954]. 664 с.
20. Большая советская энциклопедия: [в 51 т. / редкол.: Б.А. Введенский (гл. ред.) и др.]. Изд. 2-е. М.: Большая совет. энцикл., 1949–1958. Т. 41: Стилтон – Татартуп. [1956]. 657 с.
21. Большая советская энциклопедия: [в 30 т. / редкол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) и др.]. Изд. 3-е. М.: Совет. энцикл., 1969–1978. Т. 17: Моршин – Никиш. 1974. 615 с.

22. Большая советская энциклопедия: [в 30 т. / редкол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) и др.]. Изд. 3-е. М.: Совет. энцикл., 1969–1978. Т. 24, кн. 1: Собаки – Струна. 1976. 607 с.
23. Даль В. Толковый словарь: [в 4 т.]. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 2: И – О. 807 с.
24. Даль В. Толковый словарь: [в 4 т.]. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 4: Р – V. 704 с.
25. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. 3-е, испр. и значит. доп. изд. под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М.: Т-во М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 4: С – V. 1909. 1619 с.
26. Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] / сост.: В.В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934–1940. Т. 2: Л – Ояловеть. 1938. 1040 стб.
27. Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] / сост.: В.В. Виноградов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934–1940. Т. 4: С – Ящурный. 1940. 1502 стб.
28. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 50 000 слов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 с.
29. Словарь синонимов: справ. пособие / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [сост.: Л.П. Алекторова [и др.] ; под ред. А.П. Евгеньева. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 648 с.
30. Экономический словарь / Ин-т новой экономики ; авт.-сост.: А.Н. Азрилиян, О.М. Азрилиян, Е.В. Калашникова [и др.] ; под ред. А.Н. Азрилиян. Изд. 2-е. М.: Ин-т новой экономики, 2008. 1152 с.
31. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 480 с.
32. Пашкевич О.Н. Пути совершенствования хозрасчетных стимулов в использовании основных фондов на промышленных предприятиях (на примере промышленности Белорусской ССР): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.00. Минск, 1959. 231 л.
33. Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке: [Сборник] / Под ред. Е.Л. Грановского, Г.М. Кржижановского, М.И. Рубинштейна, Б.М. Таля ; Ком. акад. Ин-т экономики. Секция техн. реконструкции. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 392 с.
34. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: Очерки и этюды. М.: Вопросы труда, 1925. 224 с.
35. Труд в СССР: Экономико-статистический справочник / Под ред.: З.Л. Миндлина, С.А. Хеймана. Л.: Гос. экон. изд. ; М.: 1 тип. НКПС в М., 1932. 182 с.
36. XXII съезд КПСС и некоторые вопросы политической экономии: [Сб. ст.] / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Моск. ордена Ленина авиац. ин-т. ; Под ред.: Н. А. Кокарева, В. И. Трифонова. М.: [б. и.], 1962. 147 с.
37. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР: постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355213-postanovlenie-plenuma-tsk-kpss-7-sentyabrya-1953-g-o-merah-dalneyshego-razvitiya-selskogo-hozyaystva-sssr>. (дата обращения: 29.01.2024).
38. О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих: Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. // Правда. 1953. 26 сент. С. 2–4.
39. Патенков И. Сочетание общественных и личных интересов в колхозах // Правда. 1953. 5 окт. С. 2.
40. Пашков А. О принципе материальной заинтересованности при социализме // Правда. 1953. 30 окт. С. 4.
41. Дьяченко В.В. XX съезд КПСС о повышении производительности труда в промышленности в шестой пятилетке: Метод. разработка к лекции. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 16 с.
42. О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 // Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1965. № 19/20. Ст. 153.

43. Актуальные проблемы политической экономии в свете решений XXIV съезда КПСС / Редкол.: С. Н. Малинин (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 247 с.
44. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: 30 марта – 9 апр. 1971 г.: стеногр. отчет: в 2 т. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. 599 с.
45. Абалкин Л. Сущность, структура и актуальные проблемы совершенствования хозяйственного механизма // Экономические науки. 1978. № 8. С. 33–44.
46. Совершенствование хозяйственного механизма / Д.С. Львов, А.А. Кеерн, Л.И. Абалкин [и др.]; под ред. П. Г. Бунича. М.: Экономика, 1976. 230 с.
47. Управление НИОКР: исследования, разработки, внедрение / Б.Е. Патон, Ф.М. Рудич, В.Г. Кириллов-Угрюмов [и др.]; под ред. В.А. Трапезникова. М.: Экономика, 1979. 221 с.
48. Гатовский Л.М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971. 374 с.
49. Научно-технический прогресс и материальное стимулирование труда: сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т труда; редкол.: Н.А. Сафронов (пред.) [и др.]. М.: НИИ труда, 1984. 134 с.
50. Веселков Ф., Горбатов Б. Об оценке работы объединений (предприятий) в зависимости от степени интенсификации производства // Экономические науки. 1978. № 7. С. 32–39.
51. О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники: Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. № 760 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901984812> (дата обращения: 20.06.2023).
52. Методы измерения и стимулирования роста производительности труда: [материалы конф.] / Акад. наук СССР, Ленингр. сектор Ин-та экономики, Ленингр. фил. Науч. совета Акад. наук СССР по комплекс. проблеме «Науч. основы хозрасчета»; под ред. А.В. Сигиневича, Б.И. Табачника. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 188 с.
53. Вопросы совершенствования хозрасчетных отношений в СССР / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; отв. ред. Р.А. Отсасон. М.: Наука, 1976. 199 с.
54. Любимов В.Д. Ускорение технического прогресса в машиностроении. М.: Знание, 1977. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Промышленность; № 2).
55. Милюков А.И. Механизм стимулирования роста эффективности труда. М.: Экономика, 1977. 151 с.
56. XXV съезд КПСС о путях дальнейшего повышения эффективности и качества труда / В.И. Голиков, Б.М. Бака, Д.П. Богиня [и др.]; отв. ред. В.И. Голиков. Киев: Наук. думка, 1978. 194 с.
57. Совершенствование хозрасчетного механизма развития производства / В.Г. Стародубровский, Д.С. Львов, Р.А. Отсасон [и др.]; под ред.: В.Г. Стародубровского, Р. А. Отсасона. М.: Экономика, 1978. 247 с.
58. Милюков А.И. Поощрительные фонды на предприятии (проблемы образования и использования). М.: Экономика, 1974. 239 с.
59. О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.
60. Петухов А.И. Эксперимент в пищевой промышленности: опыт, проблемы. Минск: Беларусь, 1986. 78 с.
61. Астафьев В.Е. Экономический эксперимент в электрической промышленности. М.: Энергоатомиздат, 1984. 111 с.
62. Бижанова М.И. Механизм стимулирования научно-технического прогресса. М.: Мысль, 1981. 181 с.
63. Повышение эффективности производства: в 3 т. / Ин-т экономики пром-сти; редкол.: Н.Г. Чумаченко (отв. ред.) [и др.]. Киев: Наук. думка, 1983–1990. Т. 2: Планирование и стимулирование

технического развития предприятий / З.П. Коровина, Т.Я. Локшина, Л.Е. Добычина [и др.]. 1990. 227 с.

64. Поварич И.П., Прошкин, Б.Г. Стимулирование труда. Системный подход. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 193 с.

65. Бусько В.Н., Плащинский А.А. Исследование проблем стимулирования труда, планирования и размещения производительных сил учеными института экономики НАН Беларуси в 60–80 гг. XX века: 75-летию Ин-та экономики НАН Беларуси посвящается. Минск: Право и экономика, 2005. 62 с.

66. Стимулирование коммерциализации инноваций / В.И. Кудашов, И.И. Сержинский, В.А. Колотухин [и др.] ; под ред. П.Г. Никитенко. Минск : Право и экономика, 2006. 178 с.

67. Мировой опыт стимулирования инновационного развития экономики: механизмы, инструменты, перспективы адаптации для Республики Беларусь / Д.В. Муха, Д.А. Рогатко, Н.Е. Скуратович [и др.] ; под науч. ред. Д. В. Мухи. Минск: Беларус. навука, 2020. 381 с.

68. Механизмы инновационного развития экономики Республики Беларусь / Д.В. Муха, Н.В. Кудревич, Т.В. Сергиевич [и др.] ; науч. ред. Д.В. Муха. Минск: Беларус. навука, 2022. 446 с.

69. Старовойтова Н.А. Новые формы мотивации труда сельскохозяйственных производителей в современных условиях. Минск: Ин-т экономики, 2006. 59 с.

70. Гуца П.В., Константинов С.А. Научные положения Ф. Тейлора и их влияние на развитие систем материального стимулирования труда // Проблемы экономики. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda/viewer> (дата обращения: 07.02.2024).

71. Петрович М.В. Управление организацией: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2023. 590 с.

72. Оноприенко А.Н., Богдан Н.И. Стимулирование производства и освоения новой техники (опыт электротехнических предприятий Белоруссии). М.: Экономика, 1977. 86 с.

73. Нехорошева Л.Н. Развитие экосистемы венчурной деятельности и формирование новых бизнес-моделей в Республике Беларусь в контексте диджитализации и коммуникаций четвертой промышленной революции // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / Белорус. гос. экон. ун-т. Минск, 2018. Вып. 11. С. 306–316.

74. Лученок А.И. Экономические стимулы использования оборотных средств в промышленности. Минск: Наука и техника, 1984. 118 с.

75. Бутеня В.Е. Природа экономических стимулов. Минск: ФУАинформ, 1998. 64 с.

The genesis of incentives and motives in economic activity: historical and theoretical context

Kozlov Alexander Vyacheslavovich

Candidate of Economic Sciences, Deputy General Director for Economics and Production

Scientific and Practical Center of the National Academy of Sciences of Belarus for Materials Science, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: Kozlov_alexandr@mail.ru

Annotation. A person is designed in such a way that his activities are based on incentives and motives. That is why behavioral economics, which is an alternative to the technocratic method of increasing labor productivity, has been gaining popularity recently. Due to the relative novelty of this scientific direction, the terms «incentive», «motive» and their derivatives, despite a fairly long period of use, are not fully adapted to use in the economic sense, which often leads to a confusion of their meanings, is an obstacle to determining the object of relations and building various mechanisms of influence on the activities of subjects. The author set a goal – in the course of the study to trace the evolution in the meaning of terms in order to understand the peculiarity of their use at the present stage. The article presents the genesis and etymological analysis of the terminological apparatus. It is established that the terms are borrowed from psychology, in foreign literature they were first mentioned in the early twentieth century in the scientific works of F. Taylor, in the domestic sphere, they began to be widely used later, only from the beginning of the 50s, at a time when the institutional conditions in the Soviet Union changed and the need arose to reform the economy. At the present stage, many economists no longer distinguish between the concepts of «stimulation» and «motivation», using them in most cases in a synonymous sense. The author justified that it is premature for science and practice to erase the differences between the meanings of these terms, since they have different motivations for activity, although they can lead to the same result. Understanding such nuances will allow you to properly influence the subjects of economic relations and correctly build incentive mechanisms.

Keywords: genesis of incentives in the economy, stimulation of scientific and technological progress, bonuses as an incentive, motivation of work, motives in work, differentiation of incentives and motives, encouragement in economic activity, motivation of employees, material interests, personal interest, mercantile interests

Собственность vs налог

Мерцалов Виктор Леонидович

кандидат философских наук,

г. Пятигорск, Российская Федерация

E-mail: mertsalov50@mail.ru

Аннотация. В литературе, посвященной исследованию феномена собственности, признается тот факт, что с теоретической точки зрения одновременное существование и концепции собственности, и концепции налогов невозможно. Их не удастся совместить без ущерба для какой-то из них. При этом, если налогообложение рассматривается в качестве атрибута государственности, то образуется теоретическая ситуация, в которой оказывается, что само наличие государства исключает существование в обществе института собственности. И наоборот, учреждение полноценного института собственности влекло бы за собой упразднение института государственности. Противоречие между собственностью и налогом выступает, таким образом, фундаментальной проблемой теоретической экономики. И эта проблема до сих пор не нашла решения. Не объяснено даже ее происхождение. В данной статье эта проблема рассматривается с помощью методологии исследования логических структур научной теории на основании материалистического истолкования собственности как общественного отношения, не зависящего от воли людей, складывающегося стихийно и – в отличие от «волевых», как определял их К. Маркс, отношений по поводу налогов, – выступающего в качестве базисного общественного отношения. Такой подход не содержит никакой оценки, ни негативной, ни позитивной, налоговой практики, не предполагает никаких вариантов совершенствования налоговой системы, что отличает его от подавляющего большинства работ на эту тему. Он приводит к выводу о неотвратимости отмирания института налогообложения и замену его безналоговым механизмом финансирования бюджета государства. Предлагается один из вариантов безналоговой модели, отвечающей этой задаче.

Ключевые слова: Собственность, право собственности, безналоговая экономика, государственная власть, демократия.

JEL codes: K10, K11, K34, O19, O23

Для цитирования: Мерцалов, В.Л. Собственность vs налог / Ю.В. Бекренёв.- Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.32-45. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Введение.

Неотвратимость будущего – это неотвратимость перемен, неотвратимость пересмотра привычных убеждений.

Одно из них отчеканено в афоризме, приписываемому Б.Франклину: «Налоги неизбежны как смерть». Между тем, если подойти к вопросу о налогах с позиции материалистического воззрения на процесс развития общества, в его экономической эволюции обнаруживается перспектива, никак не учитываемая ни в теоретических исследованиях, ни в государственных программных документах – неизбежность смерти самих налогов. Не директивное их упразднение, а естественное отмирание вследствие перехода на иную, более эффективную систему финансирования бюджета.

Налог и собственность.

Любой доход гражданина, домохозяйства, любой фирмы, независимо от ее размера, словом, любого физического или юридического лица, становится его собственностью лишь после уплаты налогов. Любой доход, а следовательно, в конечном счете – все его имущество. Платеж налога является, таким образом, процедурой легализации собственности. Не заплатив его, можно лишиться и дохода, и всего состояния. В итоге весь национальный продукт, произведенный обществом, становится собственностью общества в лице тех или иных субъектов только после уплаты налогов. Тем самым и национальное богатство страны, о котором принято говорить, что оно «принадлежит народу», достается ему только после того, как народ рассчитается с государством.

Но, разумеется, обществу достается не весь «пирог» национального продукта. Фискальная – основная – функция налоговой системы в том как раз и заключается, чтобы разделить этот «пирог» на две части: на ту, которую государство предназначает для потребления обществом, и ту, которая остается в пользовании государства для финансирования всех его служб и проектов. Подчеркнем:

это разделение совершается отнюдь не обществом, а государством. При этом под государством в данном случае имеется в виду не страна, а совокупность институтов власти – представительной, исполнительной и судебной, образующих государственный аппарат, то есть, ограниченная, организованная и структурированная группа чиновников. Именно этот аппарат делит национальный «пирог», делит по собственной воле, сообразно своим представлениям о нуждах общества и целесообразности порядка потребления «пирога». Делит, не спрашивая общество. Не спрашивая вовсе не из пренебрежения к нему, а потому, что нет эффективного механизма такого опрашивания. Таким образом, налоговая система выступает как механизм распределения национального продукта между государством и обществом, находящийся в руках государства.

Но и та часть продукта, которую общество, создавшее его, покупает у государства ценой уплаты налогов, и которая будто бы после ее оплаты делается его собственностью, не оставляется государством без внимания. Она, в ее денежном выражении, подлежит дополнительному распределению между разными категориями населения. И эту – распределительную – функцию налоговой системы вновь реализует государство, демонстрируя свое господство в определении размеров доходов и состояний тех или иных лиц или социальных групп, т.е. свое право залезать в карман любого гражданина и любой фирмы на всю глубину его кармана. При этом постоянно совершая «налоговые маневры»: кому-то сегодня предоставит налоговые преференции (отраслевые или территориальные), сделав его завтра богаче, кому-то повысит ставки (скажем, с 13 до 15%), сделав беднее. Кто хозяин денег в этом кармане, кто их собственник?

Право распределения собственности принадлежит собственнику. И в нашем случае это не общество. Исполнение роли собственника, как видим, берет на себя государство. Но по многим причинам и оно не может быть действительным собственником! Оно даже не имеет юридического лица. Оно безлико, лишено каких-либо собственных потребностей (кроме потребностей частных лиц, образующих состав госаппарата). Потребности, ради удовлетворения которых оно существует, суть потребности общества, которому оно обязано служить. Но если исключить и его, тогда кого же можно назвать собственником?

Это, конечно, обескураживающее обстоятельство, но это факт. Давайте констатируем его и назовем вещи своими именами. У нас в стране нет собственников. Нет института собственности! У общества есть деньги, остающиеся у него после уплаты налогов. Будто деньги ребенка, данные отцом на мороженное и контролируемые отцом. Деньги на пользование, но не в собственность. Но даже и это сравнение слабовато. На самом деле картина такова, как если бы это ребенок давал отцу деньги, заработанные отцом.

Таково практическое положение дел. Подчеркнем: нарисованная картина отнюдь не является плодом теоретизирования. Она просто отражает ту реальность, в которой существует наша экономика. «Ты создал какой-то продукт, но, чтобы стать его собственником, ты должен заплатить налог, причем, за отказ платить тебе может грозить наказание. Иными словами, ты в обязательном порядке должен купить право собственности на свой продукт у государства по цене, которую назначает само государство. Эти деньги частью пойдут в казну, а частью – в пользу тех, кто либо произвел гораздо меньше тебя, либо по тем или иным причинам не произвел вообще ничего. Что останется – тем и пользуйся, пока государство не пересмотрит свои расценки. Пользуйся как законный собственник своего продукта, точнее, того, что от него тебе перепадет». Такова объективная реальность без каких-либо ее модальных оценок.

А что на этот счет говорит экономическая теория?

Давайте вспомним определение собственности.

Во-первых, как мы знаем, это не вещь, а отношение людей по поводу вещей. Или каких-то иных благ. Во-вторых, это отношение объективно, или, как говорил К. Маркс, материально, т.е. не создается людьми и не зависит от их воли.

На это обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо, судя по литературе, далеко

не все авторы его отчетливо сознают. «В общественном производстве своей жизни, – писал К. Маркс, – люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения... Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [1, с. 6-7]. Эти производственные отношения он, подчеркивая их объективную природу, именовал «материальными», а их юридическое выражение, поскольку оно декларируется в форме закона людьми, – «волевым» определением собственности. Так, едва ли не главную ошибку П. Прудона он видел в том, что тот не умел отличать собственность как объективное, не зависящее от воли людей производственное отношение от собственности как отношения юридического, созданного по воле людей: «На вопрос: что она (собственность – В.М.) такое? — можно было ответить только критическим анализом «политической экономии», охватывающей, совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений» [2, с. 26]. Таким образом, согласно классическому учению, собственность как отношение, регламентированное законом, «есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [3, с. 94]. Различая базис и надстройку, в частности, экономическое отношение собственности и его юридическое выражение, следует отчетливо сознавать их разницу, сознавать тот факт, что первое является объективным, не зависящим от воли людей. Оно объективно в том же смысле, как и закон Паскаля для жидкостей и газов. Только собственность – закон для людей. Именно поэтому она служит базисом общества, тем надежным основанием, на котором строится вся конструкция общественных отношений, в том числе учреждаемых людьми. А коль она объективна, то ее не может не быть. Так же, как не может не быть закона Паскаля.

В-третьих, природным назначением этого отношения является определение субъекта потребления объекта собственности за счет его отличия от других субъектов. А на него указывает сам объект собственности, указывает своим происхождением. Кто его создал, тот именно этим и отличается от остальных субъектов, тот и есть его собственник. Других объективных признаков, отличающих собственника от несобственника, в природе не существует.

Таким образом, с точки зрения классической теории, собственность – это не зависящее от людей общественное отношение, источником которого, как и источником объекта собственности, служит труд, индивидуальный или коллективный.

Но тут возникает тот же вопрос. Ведь в реальности, при дележе национального пирога, источником собственности, как мы видели, выступает у нас вовсе не труд, а воля государства. Ее при желании можно считать источником чего угодно, но только не собственности. По определению. Повторим: по определению источником объективного отношения не может быть воля людей. Этим источником может служить только нечто столь же объективное, материальное. Таким «нечто» в данном случае является только реальный труд реального субъекта, воплощающийся, «кристаллизующийся» в реальном объекте. Только труд, но вовсе не чья-либо воля! Воля не создает объективного отношения, она в принципе не создает и не может создать собственности! В итоге мы вновь получаем тот же вывод, но теперь уже с позиции теории: мы живем в обществе, в котором нет собственности. Нет как таковой, ни с какой точки зрения. У нас в стране (впрочем, и вообще нигде) нет института собственности. Можно декларировать сколько угодно законов о собственности, но если они не будут опираться на экономическое отношение собственности, если содержание этих «волевых» продуктов человеческого сознания будет определяться представлениями людей о собственности, а не воспроизводить в себе содержания безразличного к представлениям людей материального отношения собственности, весь их свод на самом деле явится не более чем юридической фантазией, но вовсе не институтом собственности. Точнее, даже не фантазией, а «карикатурой» на действительную собственность [4].

Таково реальное положение вещей. Это не публицистическое преувеличение, а вывод, имеющий

и практическое, и теоретическое подтверждение, вывод, представляющий собой едва ли не самый актуальный предмет научного осмысления. Если мы хотим всерьез говорить о проблемах экономики и общества, то надо исходить из этой реальности, надо иметь мужество признать ее.

Впрочем, этот вывод следует уточнить. Коль скоро собственность – отношение объективное, ее не может не быть. И она, конечно же, есть. Она циркулирует в хозяйственном обороте, но – вне нормативного пространства, в котором этот оборот регламентируется государством. А что же есть в этом пространстве? Не может же быть, чтобы вся нормативная конструкция экономики лишилась базиса, чтобы весь уклад гражданского общества, включая и его политическую систему, и всю юридическую надстройку, повис в воздухе, утратив опору.

Как уже сказано, то, что у нас принято именовать «собственностью», имеет своим источником волю государства. Эта воля не создает собственности. Она выражается в форме законов и создает право. В нашем случае – право собственности. Вот оно и кладется в основание общественного устройства, оно и заменяет отношение собственности. Получается, что идеологическое право подменяет материальный базис. Вся конструкция общественного мироздания за счет налогов оказывается перевернутой с ног на голову.

Право по своему предназначению есть осмысление и оглашение в нормативной форме тех правил общественного бытия, которые диктуются обществу самой его природой. Если право отвечает этим условиям, оно обеспечивает полноценное развитие общества и ограждает его от следования противоестественным правилам, которые препятствовали бы его развитию. В марксизме такая ситуация именуется как «соответствие надстройки своему базису». Но право все же декларируется людьми и его формулировки зависят от многих обстоятельств, не только от того, насколько правильно истолковываются людьми требования общественной природы, но и от обстоятельств привходящих, сиюминутных, конъюнктурных. Право – это все же субъективное отражение объективного порядка вещей. Это то, что исходит не от природы непосредственно, а от преломления требований человеческого естества в человеческом сознании. Поэтому оно может и расходиться с этими требованиями. Однако, отвечает ли право естественному порядку вещей или расходится с ним, течение общественной жизни во всякий данный момент регулируется именно правом. Каждый обязан соблюдать оглашенный закон, независимо от того, согласуется ли он с природой человека или нет. В природе человека – быть свободным и быть собственником. Но человеку приходится подчиняться закону и тогда, когда он лишает человека и того, и другого.

Можно ли организовать общество на основе права собственности, неверно истолковывающего отношение собственности? Как видим, можно. Во всяком случае, на какое-то время. В истории немало примеров неверного истолкования явлений природы, неверных теорий, достаточно долгое время служивших практической деятельности и обеспечивших немалые достижения в ней. Например, птолемева система мироустройства («Альмагест»). Алхимия с ее теплородом, флогистоном и философским камнем. То же и с представлением о собственности – с правом собственности, – допускающим налогообложение и поэтому расходящимся с природным отношением собственности.

Обратим внимание вот на какое обстоятельство. Собственность, как материальное отношение, может быть и законной, и незаконной. Незаконная собственность достаточно широко присутствует в гражданском обороте любой страны, внося свой вклад в рост благосостояния общества. При этом она делима: конечный цельный продукт, созданный трудом нескольких лиц, может быть поделен в его денежном выражении между этими лицами пропорционально их участию в его производстве. А вот право собственности, хотя бы это право противоречило материальному отношению, незаконным быть не может. Оно, при соблюдении процедуры его приобретения, законно всегда, независимо от своего содержания. И оно неделимо: право собственности у данного лица либо есть, либо его нет. Однако ему присуща другая оценка, совершенно, казалось бы, не экономического порядка. Оно может быть справедливым и несправедливым. Понятие справедливости вообще выглядит слишком субъективным, неопределенным, скорее эмоциональным, нежели рациональным, чтобы

его можно было использовать в качестве убедительного аргумента. Но в некоторых случаях его можно определить достаточно корректно и отчетливо. Справедливо совпадение действительного с должным. И если «должное» имеет объективный характер – как в нашем случае, когда «должным» выступает объективное отношение собственности, а действительным – право собственности, – то различие между справедливым и несправедливым делается абсолютным. Отсюда следует, что право собственности является справедливым только тогда, когда им наделяется создатель (индивидуальный или коллективный) объекта собственности. А правовой институт собственности справедлив только тогда, когда является отражением объективного отношения собственности. То есть, когда надстроечное право собственности опирается на базисное общественное отношение. Таким – справедливым – это право признавалось во все времена во всех концах света. Таким оно повсюду признается и в наши дни. В то же время, право собственности, хотя бы оно и декларировалось государством, хотя бы и являлось безукоризненно законным, никогда и нигде не признавалось справедливым, если опиралось лишь на волю государства, а не на труд творца объекта собственности.

Пожалуй, наиболее выразительным примером законного, но несправедливого в указанном смысле применения права собственности может служить в нашей стране история приватизации девяностых годов. Будто в насмешку авторы ее идеологии, заявлявшие своей целью «покончить с марксизмом в экономике», положили в ее основание как раз марксистский тезис о приоритете собственности на средства производства над собственностью на любые другие объекты. И занялись приобретением этих «средств», легализуя свою деятельность изданием нужных им законов. Им не хватило ума понять, что главным, определяющим объектом собственности во все времена и при любом экономическом укладе является труд в его процессе и результате. Труд, но вовсе не средства, используемые при его совершении. И что тот способ приватизации, который не повлек бы катастрофических последствий в экономике и не вызывал бы негодования в обществе, должен был бы опираться как раз на идею приватизации труда. Это был бы более долгий, но справедливый процесс создания прочного нового экономического порядка.

Нетрудно понять, кстати, что право собственности, основанное на воле государства, а не на объективном отношении собственности, лежит в основании и всей мировой экономической системы, следовательно, всех видов и сортов несправедливости, свойственной ей, в частности, в основании практики колониального ограбления одних стран другими, в основании экономических кризисов и войн, сопровождающих всю историю мировой экономики.

Итогом этих соображений является вывод, сводящийся к следующему. Собственность может быть законной и незаконной. Использование в хозяйственном обороте и той, и другой служит подъему уровня общественного благосостояния. Право собственности законно всегда, но может быть справедливым и несправедливым. Эти понятия вполне определяемы корректным образом. При этом, если справедливое право способствует экономическому процветанию общества, то несправедливое губительно для него. К сожалению, в нашей стране, как и во всех остальных, право собственности, вследствие легитимности налоговой системы, является заведомо несправедливым.

Впрочем, налоговая система, хотя с теоретической точки зрения и является конструкцией столь же несостоятельной, как и «Альмагест», все же, как и «Альмагест», немало послужила на благо людям. Однако ее ждет судьба всякого ошибочного представления. Строить общество на праве собственности, противоречащему закону собственности – все равно что строить паровой двигатель, неверно формулируя закон Паскаля. Такой двигатель, возможно, какое-то время и будет пыть, но, если не взорвется, его мощность заведомо будет гораздо меньшей, чем могла бы быть при верном отражении в его конструкции законов природы. Современное общество как раз и представляет собой аналог такого двигателя. Двигателя, сконструированного по нормативам права собственности, расходящимися с требованиями естественного отношения собственности. Чтобы устранить это расхождение, необходимо вернуть человеку статус полноценного собственника, а значит, избавиться от налоговой системы.

Конечно, в приведенных суждениях, в сущности, не содержится ничего нового. Общепринятое в теории представление на этот счет заключается в том, что «посредством налога правительство отнимает собственность в самом узком смысле слова, так что в конце концов берет себе в собственность и владение то, что прежде находилось в частных руках... Налогообложение является очевидным изъятием частной собственности» [5, с. 100].

Всякий, даже далекий от экономической науки, человек хорошо понимает, и что такое собственность, и что такое налог. Достаточно обладать здравым смыслом. Всякому очевидно, что если из двух субъектов, А и Б, субъект А может в принудительном порядке изымать какую-то долю имущества Б, причем, какую именно – решает сам субъект А, и он же диктует субъекту Б сроки и порядок этого изъятия, к тому же если такая практика обществом признается законной, то действительным собственником имущества Б – всего имущества, без остатка – является субъект А. В этих условиях назвать собственником субъекта Б – значит погрешить против здравого смысла, против истины. Вот такой грех и совершает вся наша экономическая и юридическая наука. Будто слепая, она не видит никакой проблемы в том, чтобы признавать собственником не действительного собственника, не того, кого наделяет атрибутом собственника сама природа, а того, кого назначает быть собственником государство. Эта проблема в ней вообще не обсуждается, о ней не принято говорить. Хотя она известна столетия, с античных времен. Почему она замалчивается? Потому, что признать истину – значит утратить почву под ногами. На собственности держится весь общественный строй. Это базисное отношение. А наша экономическая наука разводит руками: что тут поделать? Так уж сложилось! Да, реальная картина – зрелище неприятное, раздражающее, но лучшей реальности у нас нет. Поэтому давайте закроем глаза на эту проблему и сделаем вид, что ее нет. Займемся привычными академическими перверсиями, позволяющими все что угодно объяснить, тем самым и оправдать. Другая причина: налоги – решение скверное. Это как есть. Но для финансирования государства у нас нет другого механизма. Отказаться от налогов – значит отказаться от государства. А это сулит обществу гораздо большие бедствия, чем те, которые создаются налогами, сулит полный распад. Ничего лучше налогов мы не придумали. Поэтому и терпим их.

А почему не придумали? Не оттого ли, что никто и не пытался подумать об этом? Налогами недовольны все, но нет следов серьезного поиска безналогового способа финансирования государства.

Так все же, можно ли предложить иной механизм государственного кормления и какой именно?

Ответ лежит на поверхности. Речь идет о деньгах. Следовательно, ответ нужно искать в сфере предпринимательства. И он очевиден.

Механизм безналогового финансирования бюджета.

Для чего предприниматель начинает свое дело? Для получения прибыли. Но это цель. А потребность? В чем его основная потребность? В гарантировании получения этой прибыли. Он начинает работать, рассчитывая на нее, но сам не может гарантировать себе ее получение. Потребность в такой гарантии есть у каждого предпринимателя, независимо от размеров его бизнеса. Так почему бы государству не ответить на эту потребность? Вот есть спрос, спрос на такую гарантию. Спрос чрезвычайно высокий. Почему бы в ответ на него не создать соответствующее предложение? Ведь никто, кроме государства, этого сделать не может. Частично эту нишу заполняют страховые компании, но их возможности весьма ограничены. Государство могло бы взять на себя полноценное страховое попечение над всей предпринимательской деятельностью в обществе.

Одним из решений этой задачи, вероятно, может быть введение в практику хозяйствования взамен налоговой системы механизма государственного гарантирования безубыточности добросовестного гражданского оборота.

Суть его проста. Заключая законную сделку, любой предприниматель получает возможность застраховать предусмотренную по ней прибыль на случай недобросовестности партнера. Если партнер нарушит условия контракта, то предприниматель получит возмещение в денежном выражении, равное предусмотренной контрактом прибыли, из казны, одновременно передав в порядке цессии

государству в лице его специального органа свои права по сделке. Средства в виде платежей за приобретение такой страховки как раз и заменят налоговые поступления. Они и наполнят бюджет. Разумеется, страхование такого рода будет делом совершенно добровольным, не нарушающим право собственности предпринимателя.

У людей, впервые знакомящимися с этим предложением, сразу возникает множество вопросов. Вот некоторые из них.

«А где же государство возьмет столько денег, чтобы выплатить всем предпринимателям, пострадавшим от недобросовестности контрагента?» Это очевидное, но совершенно напрасное опасение. На практике при грамотном подходе к делу такие выплаты не будут стоить государству ни копейки. Особенность этой модели страхования состоит в том, что если при страховании, например, от пожара, выплаты погорельцу производятся за счет средств, внесенных теми, у кого по счастью пожара не случилось, то в нашем случае всегда есть ответчик, виновный в создании страховой ситуации – недобросовестный партнер. К пожару претензий предъявить невозможно, а недобросовестного предпринимателя вполне можно взять на прицел и истребовать от него не только всю сумму, которую государство должно выплатить пострадавшему предпринимателю, но и штраф за недобросовестность, и издержки по истребованию долга. Таким образом свои страховые выплаты государство сможет возместить с лихвой. На это, конечно, потребуется время, но ведь и с самого начала государство может совершать свои выплаты не живыми деньгами, а долговыми обязательствами со сроком погашения, соответствующим сроку, необходимому для взыскания долга с провинившейся стороны. А если пострадавшему предпринимателю нужны будут именно живые деньги, эти ценные бумаги он сможет продать на фондовой площадке, которая неизбежно возникнет, едва начнется их эмиссия. Так что свою прибыль он гарантированно получит, причем, за счет как раз виновного партнера, а не государства. А его страховой платеж без изъятия пойдет в казну как платеж за приобретенный им продукт – эту самую гарантию.

А вот у недобросовестного предпринимателя возникнут серьезные проблемы. Он вдруг окажется стороной по сделке не с прежним партнером, а с государством. Уклониться от исполнения обязательств перед государством ему не удастся уже хотя бы потому, что государство – сторона, обладающая законотворческими возможностями. Оно может взять его в клещи: свои требования к предпринимателю оно может формулировать в виде закона или иных нормативных предписаний. Тут уж никакие хитрости не помогут. Ему придется заплатить государству, причем, неотвратимо и существенно больше, чем это изначально предполагалось сделкой. Плюс понести иные потери, в том числе репутационные. Сознывая это, станет ли предприниматель жульничать, даже если это жульничество будет сулить ему дополнительную выгоду? Едва ли. Скорее, он даже пойдет на некоторые убытки, лишь бы исполнить все свои обязательства перед партнером. Такая ситуация выглядит сказочно! Предприниматель окажется стороной сделки, которая больше заботится о благополучии своего контрагента, чем о своем! Видано ли такое в современной экономике? А ведь на самом деле это просто норма деловых отношений. Норма, считавшаяся общим правилом, скажем, в среде русского купечества. Вошедшая даже в поговорку: «Не давши слово, крепись, а давши – держись». А это ведь и есть оптимальный вариант делового партнерства. Можно сказать, что это есть вариант возвращения к «традиционным ценностям» предпринимательства. В итоге обе стороны сделки в равной степени и весьма энергично будут стремиться к ее завершению в оговоренный срок и в полном объеме, стремиться, как к собственной выгоде, к тому, чтобы партнер получил свою прибыль. Кстати, тогда и количество неисполненных контрактов резко сократится, а значит, сократится и число страховых случаев, предусматривающих казенные выплаты. Сохранится лишь поток платежей по страховке.

Другой вопрос: а станут ли предприниматели покупать эту страховку?

Конечно, не предложив ее – не узнаем. Но по общему правилу люди всегда платят за то, что им нужно. Если им нужен хлеб – они идут в магазин. Идут не потому, что их к этому кто-то принуждает, а потому, что хлеб нужен им самим. При этом никому не придет в голову, что кто-то обязан

предоставить им этот хлеб бесплатно. Он тебе нужен – ты плати и бери. Не платишь – останешься без хлеба. А разве гарантия получения прибыли не является в бизнесе потребностью едва ли не столь же острой, как потребность в хлебе? Без хлеба человек умрет, но и без прибыли умрет его предприятие. Чтобы оно выжило, он должен себе ее гарантировать. А значит, как и за хлеб, ему надо будет заплатить за эту гарантию.

Есть множество и других вопросов, связанных с высказанной идеей, например, о цене страховки. Но она при грамотной реализации данной модели будет устанавливаться не государством, а обществом в ходе выборов главы государства, и поэтому никак не сможет быть выше, чем совокупная цена современных налоговых платежей. То есть страховая система для предпринимателя будет заведомо соблазнительней, чем налоговая.

Теперь обратим внимание на то, что возрождение института собственности на основе приведения права собственности в соответствие с базовым общественным отношением, повлечет не менее, даже более радикальные перемены во всех надстроечных институтах общества. Прежде всего в его политической конструкции.

Налог и государство.

Налоговая система – это не только механизм финансирования государства. Это механизм материальной власти государства над обществом. Лишившись его, государство лишится не денег, а власти. Власти во всех ее проявлениях, не только экономической, но, в частности, и политической, и информационной власти над своими гражданами.

Казалось бы, такая перспектива выглядит угрожающей. Ведь государство во всех источниках определяется как «институт власти». Поэтому упразднение института государственной власти представляется в глазах многих как упразднение самого института государства. Но и это опасение ошибочно. На самом деле угрозу несет как раз сохранение этой власти.

Третья статья Конституции гласит: «...источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Источником власти над кем? Над этим самым народом, над самим собой. Получается, что, руководствуясь этим законом, мы сами, своими руками, отдаем власть над собой в чужие руки. Нас никто не лишает свободы со стороны, мы сами отказываемся от нее. Разве это не унижительное, не оскорбительное правило?

Материальная власть государства универсальна и проявляется прежде всего во власти даже не над кошельками, а над умами людей. Благодаря ей государство посредством программ образования, СМИ, пропаганды, цензуры и прочих инструментов диктует обществу ту идеологию, тот образ мыслей, создает в нем те настроения, которые считает нужным. Результаты этого известны из недавней истории (Камбоджа времен Пол Пота, Китай времен «культурной революции»), на наших глазах свою власть над народом демонстрирует государство Украины. И западный мир своей деградацией тоже обязан именно ей. Наши политики призывают различать правительства стран и их народы. Но никак не умеют объяснить, за счет чего образуется это различие. Ведь правительства избираются народом, в большинстве добродушным, миролюбивым народом, не желающим враждовать с народами других стран, и правительства, казалось бы, должны были бы отражать настроения и чаяния своих народов. Но этого не происходит как раз потому, что не народы господствуют над правительствами, а правительства – над своими народами. Люди избирают своих правителей вовсе не для того, чтобы правители властвовали над ними. Как раз наоборот: люди хотят быть свободными и новых правителей избирают, когда те обещают им еще больше свободы. Выборы – это для народа процедура реализации своей мечты о свободе. Но, как писал В. Ленин, имея в виду властное государство: «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы» [6, с. 95]. Всякий выбранный правитель получает в свои руки инструмент универсальной власти над народом – материальную власть, обеспечиваемую принудительной налоговой системой. После чего лицо страны делается лицом этого правителя, а не народа. Хорошо, если эти лица оказываются схожи.

Но чаще происходит иное. Обретя власть, правитель избавляется от обязанности служения, отчего его физиономия меняется до неузнаваемости. И в итоге по всему миру начинают тлеть очаги войн и разгораются вооруженные конфликты, растет напряженность в межгосударственных отношениях, мир оказывается на пороге ядерного апокалипсиса. Хотят ли этого народы? Разумеется, нет. Но это происходит и человечество само себя ставит на грань самоубийства.

Вот ведь какая удивительная зависимость: наличие налоговой системы во всех странах мира создает угрозу самоуничтожения человечества. Вот в чем настоящая угроза, исходящая от налоговой системы, питающей материальную власть государства над народом!

Для иллюстрации последнего утверждения представим себе муравейник. Если в уклад муравейника окажется внесено неверное правило, противоречащее природе самого муравейника, то возможны лишь два исхода. Либо муравейник, пережив какие-то невзгоды, бедствия, преодолеет это правило, откажется следовать ему и вернется к естественному укладу жизни, либо погибнет. Так и с человечеством. Право собственности, оторванное от отношения собственности, сделавшееся независимым от него и поэтому легитимирующее налоговую систему – это и есть неверное правило в архитектуре его организации. Оно – источник и экономических, и политических, и мировоззренческих, и даже религиозных кризисов, переживаемых человечеством. «Нам будет представляться самоочевидным, – писал Ч. Адамс во «введении» своей книги, – что в большинстве великих исторических явлений и событий – таких, как процветание и упадок наций, восстания и революции, свобода и рабство и, прежде всего, войны – налоговый фактор сыграл важную роль, которая легко ускользает из вида на драматическом фоне этих великих явлений» [7, с. 12]. По мере роста воли народов к свободе, под гнетом налоговой системы, накал этих кризисов может только расти. Отсюда и вывод: либо человечество обречено, либо обречена налоговая система.

Но безвластное государство – как его себе представить? Нужно ли оно будет в таком качестве обществу? Сможет ли оно исполнять свои обязанности перед ним?

Тот, кто пребывает в шорах нашей политологии, скорее всего решит, что сама мысль об этом является не более чем безрассудной утопией. Но на самом деле ответ заключается в том, что не просто сможет, но только тогда и сможет. Непонимание этого происходит от смешения понятий «сильное государство» и «властное государство». Государство – это своеобразное учреждение, создаваемое и финансируемое обществом для решения ряда жизненно важных для общества задач. Таких, например, как защита национального суверенитета, личной безопасности и собственности граждан, создание системы образования и службы здравоохранения, доступных каждому, и т.д. Понятно, что с этой точки зрения понятие «сильное» является характеристикой такого государства, которое способно эффективно эти задачи решать. Всякое общество хочет иметь сильное государство. А как этого добиться? Отдать государству власть над собой? Но это все равно, как если бы хозяин поместья нанял слугу для управления своим хозяйством, а чтобы тот лучше справлялся с этой задачей, отдал бы ему в собственность все свое имущество, а с ним и власть над собой. Разумный, честный, добросовестный слуга, может быть, и поднял бы хозяйство. Но это в случае, если хозяину повезет. Так и с государством. Есть только один способ сделать государство сильным – заставить его быть таковым. Но для этого общество должно иметь власть над ним. В этом нет ничего экзотического. Государство по своему естественному назначению – учреждение служебное. Не общество для государства, а государство для общества. Сколько можно путаться в выражениях, именуя чиновников, сидящих во «властных кабинетах», возглавляющих «органы власти» - «слугами народа»? Тут ведь либо-либо: либо властвование, либо служение. Одно исключает другое. Государство должно служить народу. Роль народа – быть носителем власти над исполняющей его волю организацией, но вовсе не источником власти этой организации над собой. Правда, приводные ремни, процедуры, обеспечивающие подчинение государства воле народа, нам еще долго предстоит создавать. Пока их нет. Пока властвует государство, в них нет нужды и им неоткуда взяться. По-настоящему народ обретет власть над государством, когда выработает приемы, позволяющие диктовать ему свою волю

в форме закона. Парламент этому условию отвечает лишь в ничтожной степени, а других процедур реализации воли общества в нормативной сфере пока нет. Их создание – это и есть часть картины будущего.

Между прочим, как назвать общественный строй, при котором власть в стране принадлежит народу? По-русски – народовластие. По-гречески – демократия. С этим словом связано немало споров и путаницы. Чего только, какого только мусора не нанесли под него, как под гоголевский забор. Вот некий француз, Жан-Поль Ганьон, насчитал в своем каталоге более 2 тысяч дескрипторов демократии, т.е. понятий, идентифицирующих ее разновидности [8, pp. 92-113]. И оговорил, что это только малая их часть. Может быть, хватит, может быть пора прекратить и самим заниматься пустой болтовней на этот счет, и тем более слушать западных экспертов-недоумков, не имеющих ни малейшего представления о демократии, и столько же сведущих в ней политиков, в общении с другими странами превративших это слово в кистень. Всем, кто берется рассуждать о демократии, хотелось бы напомнить пожелание Л.Н. Толстого: ««Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розги» [9, с. 438]. А ведь определить демократию совсем не сложно. Демократия есть форма общественного устройства в отсутствие государственной власти над обществом. Все! Ее главный признак – отсутствие налоговой системы как механизма материальной власти государства над своими гражданами. Там, где есть налоговая система – там нет демократии. Нет по определению. Нет на корню. Есть то, что правильнее назвать этакратией. Если угодно, более привычно, – бюрократией, режимом властвования чиновника. Именно бюрократический общественный строй – где-то более, где-то менее бездушный – царит сегодня во всем мире. Его господство мы и ощущаем на своих боках.

Что в условиях современной реальности сулит нам будущее?

Главное событие, которое нас ожидает в обозримой перспективе – если не апокалипсис, то отмирание налоговой системы за счет замещения ее системой принудительного финансирования бюджета. Не обязательно такой, о которой говорилось выше. Возможно, будет предложена и лучшая. Главное, чтобы ее механизм не противоречил объективному отношению собственности, не содержал в себе никаких средств принуждения собственника. Такая перемена позволит вернуть содержание права собственности в гармонию с содержанием объективного отношения собственности, утвердить в обществе полноценный институт собственности и на нем, как на прочном материальном основании, построить демократическое общество. Сейчас можно только предполагать, как это будет происходить. Процедур и организационных форм народовластия, подчинения государства народу, повторю, ни у нас, ни у кого еще нет. А копировать те, что известны в истории разных народов – афинскую агору, новгородское вече, – конечно, уже не получится. Но так или иначе общественный уклад изменится до неузнаваемости. Будущее общество – это царство, в котором не будет налогов, в котором государство будет в распоряжении общества, а не наоборот, в котором общество будет располагать сильным государством именно потому, что это государство станет безвластным.

Впрочем, что можно сказать о будущем наверняка? Во-первых, если и есть что-то совершенно неотвратимое в настоящем, то это будущее. Оно наступит независимо от наших желаний и как бы мы ему ни сопротивлялись. И, во-вторых, оно потому и будет будущим, что будет отличаться от настоящего. Оно будет иным. Прав Экклесиаст в наставлении: «Что было, то и будет» [10, с. 618]. Но лишь в том смысле, в каком был прав и Гераклит, утверждая: «В ту же реку вступаем и не вступаем» [11, с. 276]. Как прежде менялось настоящее, перетекая в будущее, так перетечет и нынешнее – неизменна лишь изменчивость. И если мы хотим попасть в будущее, то нам не надо держаться за все те взгляды, которые нам привычны в настоящем. От многих убеждений и догм придется отказаться. Так было всегда, так всегда и будет.

Человечество взрослеет, оставаясь пока еще подростком, но, как и подросток, взрослеет, набираясь духа свободы. И на этом пути неизбежно избавляясь от всех и всяких форм принуждения – классового, колониального, теперь – налогового и государственного.

Заключение.

У регулярной налоговой практики всегда было немало критиков, и не только среди экономистов-теоретиков. Точнее, у нее, пожалуй, никогда и ни в каком обществе не было друзей. Как отмечал Р. Пайпс: «История, таким образом, свидетельствует, что в период, простирающийся от классической античности до двадцатого века, постоянное (в отличие от связанного с чрезвычайными обстоятельствами) налогообложение считалось в западном мире незаконным, если только речь не шла об обложении данью покоренных народов; платить налог правителям своей страны означало нести на себе клеймо социальной приниженности» [12, с. 308]. (Это, заметим, слышится и в звучании слова «подданный»). Но и в двадцатом веке ситуация едва ли изменилась. Экономическая теория осталась верна прежней традиции: о налогах либо ничего, либо ничего хорошего. Так, «враг государства», М. Ротбард, насылая на государство проклятия, именно в налоге видит причину, определяющую его «паразитическую сущность»: «Другими словами, Государство организовано системным воровством, организованным ограблением, организованной эксплуатацией. И этот существенный характер Государства в высшей степени определяется тем фактом, что Государство в своем обеспечении опирается в основном на налогообложение» [13, с. 16]. Говорящее название дал одной из своих работ Ф. Ходоров: «Налог: корень зла». Взяв в качестве образца прямого налога подоходный, он констатирует: «Таким образом, подоходный налог — это не просто налог, но еще и инструмент общественного разрушения» [14, с. 49].

То, что налоги никому не нравятся – вполне естественно. Но из этого вовсе не следует, что их нужно отменить. Оказаться на морозе в легкой одежде тоже неприятно, но это не повод требовать отмены зимы. Вывод о необходимости отказа от налогов нужно доказывать, а само по себе недовольство ими не обладает доказательной силой. Но необходимого доказательства в литературе, возмущающейся налогами, нет. И это тоже понятно. Всем «врагам налогов» присуща убежденность в том, что налог есть признак государственности. Они исходят из того, что государство существует как раз благодаря налогам, поэтому как бы налог ни был плох, к каким бы скверным последствиям ни приводило его применение, никто из них, кроме анархистов, не заходит настолько далеко, чтобы вместе с налогом отвергнуть и государство. Поэтому, как правило, свою задачу они видят лишь в том, чтобы призвать государство к облегчению «налогового бремени», к замене тяжкого «ярма» каким-нибудь другим, полегче.

Но есть главная проблема, не имеющая решения в экономической теории. Заключается она в том, что институт налогообложения и институт собственности – это два взаимно исключающие и вместе с тем одновременно действующие в экономике институты. Налог и собственность – «две вещи несовместные». Вот этот факт не только издавна доказан, но и стоит у всех перед глазами. «Изъятие собственности помимо воли собственника», как бы абсурдна по содержанию ни была эта фраза, является законом. Но можно ли считать здоровой экономику, несущую в себе такое противоречие? Как его разрешить, как преодолеть эту «несовместность»? Чем-то поступиться? Так, Р. Пайпс отдает предпочтение собственности: «Права собственности снова должны занять подобающее им место на шкале ценностей, а не приноситься в жертву недостижимому идеалу социального равенства и всеобщего экономического благополучия» [12, с. 373]. Но очевидно, что, пока сохраняются налоги, все предложения такого рода остаются всего лишь паллиативом. В итоге в реальной хозяйственной практике царит налог.

Литературе, занятой обличением налогов, экономическая теория, наверное, должна быть благодарна за то, что в этой литературе всегда, с большей или меньшей экспрессией, формулируется названная проблема. Но критическая слабость этой литературы заключается в том, что она не находит ее решения. Не находит именно потому, что никто из ее авторов не отдает себе отчета в подлинной природе собственности.

Человечество возникло не на пустом месте. Природа создала его на прочном основании. Это основание – не сами люди, а отношения, в которых они пребывают друг с другом. В этих отношениях,

во-первых, совершается воспроизводство индивидуального существования человека – создание и присвоение благ, необходимых для продолжения жизни. Создание этих благ есть труд, который имеет смысл лишь в том случае, если произведенные или добытые блага достаются тому, кто этот труд затратил. Если это условие признается всеми людьми, если в их отношениях оно становится законом, обязательным для каждого, то только в этом случае труд каждого определяется в своем назначении – служить источником витальных благ. Без исполнения этого условия труд теряет смысл, не может и совершаться. Люди не придумали себе правило: «Чтобы жить, надо трудиться». Оно продиктовано им их собственной природой. И точно так же продиктовано правило присвоения продукта своего труда. Отношения людей по поводу этого продукта есть отношения собственности. Отсюда становится понятно, что собственность – не изобретение человека, а коренное объективное условие воспроизводства его жизни.

Но в отношениях людей воспроизводится и их видовое существование. Воспроизводство существования вида *Homo sapiens* совершается в отношениях половозрастных. Они тоже, как и «производственные отношения», не выдуманы людьми, а даны им природой. Природой диктуются и правила этих отношений, правила союза мужчин и женщин, обеспечивающего продолжение человеческого рода и именуемого семьей. В этом смысле семья – это не «ячейка общества», а наименование того порядка отношений разных по возрасту и полу людей, того общего для всех и непреложного закона, при исполнении которого только и возможно существование общества. Иными словами, это сила, превращающая множество разрозненных разновозрастных и разнополых людей в единый организм. Прав был П. Прудон, ставя семью выше государства: «Без брака и семьи нет общества, нет справедливости: господствует эгоизм, междоусобная война, разбой» [15, с. 281].

Таким образом, собственность и семья – вот объективные основания воспроизводства индивидуального и видового существования человечества, вот базис общества – настоящий, природный, неписанный, – та твердь, на которой зиждется вся остальная конструкция общественной, и частной жизни людей, и которая от их воли, сознания, желаний ни в малейшей мере не зависит.

Но от людей зависит умение сознавать требования материальных отношений и готовность следовать им. Человечество еще слишком молодо, чтобы отдавать себе отчет о себе самом. Отсюда и иллюзия, будто оно может устраивать свою жизнь по правилам, придумываемым ими самими, хотя бы эти правила и расходились с естественными правилами их жизни.

Оба эти института обречены. Не потому, что они кого-то возмущают, что кто-то требует их упразднения, а просто потому, что их существование противоречит базовым отношениям, объективно, помимо воли людей управляющим воспроизводством общества во всех формах его бытия. Человечество взрослеет под присмотром этих двух стражей его эволюции – Семьи и Собственности. Эти стражи всегда исправят его ошибки, хотя и не могут уберечь его от их совершения.

В этом и заключается решение указанной проблемы. Отсюда понятна и задача, стоящая перед экономической теорией. Она – в осознании неотвратимости отмирания налогов, а вместе с ними и государственной власти, в теоретическом осмыслении масштаба грядущих перемен и подготовки к ним за счет поиска и разработки модели финансирования государства без нарушения закона собственности. Это задача теоретической экономики. Прикладные исследования в различных отраслях экономической науки необходимы для разработки актуальных планов и программ развития. Но задача фундаментальной теории – ее главная задача – состоит в том, чтобы указать цель этого развития, увидеть и показать обществу то будущее, достижение которого наполнит смыслом и явится оправданием всех текущих затрат сил на реализацию прикладных программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 13.
2. Маркс К. О Прудоне. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 16.
3. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23.
4. Мерцалов В. Л. «Собственность (Образ будущего)» // Журнал философских исследований, т. 6, № 4, Инфра-М, 2020 г.
5. Эпштейн Р. Выручка. Кембридж, Массачусетс, 1985
6. Ленин В.И. Государство и революция. // ПСС, т. 33. М.: «Политиздат», 1969.
7. Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации. М.: «Интермедиатор», 2018.
8. Jean-Paul Gagnon (2018). 2,234 Descriptions of Democracy. Democratic Theory, 2018, 5 (1). Pp. 92-113.
9. Толстой Л. Н. Письмо Н. Страхову, 5 сентября 1878 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 62. Письма 1873–1879 Государственное издательство художественной литературы, 1953.
10. Экклесиаст 1.9. Библия. М.: Московская патриархия, 1988.
11. Гераклит. Антология мировой философии. В четырех томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч.1. М.: «Мысль», 1969.
12. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.; «Московская школа политических исследований», 2000.
13. Ротбард М. Оппенгеймер «Государство». Анатомия государства. М.: «RUSTATE.ORG», 2019.
14. Ходоров Ф. Налог: корень зла. М.: «RUSTATE.ORG», 2019.
15. Прудон П. Что такое собственность? М.: «Республика», 1998.

Property vs tax

Mertsalov Viktor Leonidovich

Candidate of Philosophy Sciences

Pyatigorsk, Russian Federation

E-mail: mertsalov50@mail.ru

Annotation. The literature devoted to the study of the phenomenon of property recognizes the fact that, from a theoretical point of view, the simultaneous existence of both the concept of property and the concept of taxes is impossible. They cannot be combined without damaging one of them. Moreover, if taxation is considered as an attribute of statehood, then a theoretical situation arises in which it turns out that the very presence of a state excludes the existence of the institution of property in society. And vice versa, the establishment of a full-fledged institution of property would entail the abolition of the institution of statehood. The contradiction between property and tax is thus a fundamental problem in theoretical economics. And this problem has not yet found a solution. Even its origin is not explained. In this article, this problem is examined using the methodology of studying the logical structures of scientific theory on the basis of a materialist interpretation of property as a social relationship that does not depend on the will of people, that develops spontaneously and, – in contrast to “volitional”, as K. Marx defined them, relations regarding taxes – acting as a basic social relationship. This approach does not contain any assessment, neither negative nor positive, of tax practice, and does not imply any options for improving the tax system, which distinguishes it from the vast majority of works on this topic. It leads to the conclusion that the institution of taxation is inevitable and will be replaced by a tax-free mechanism for financing the state budget. One of the variants of a tax-free model that meets this task is proposed.

Keywords: Property, labor, property rights, tax system, entrepreneurship, state power, democracy, the future.

Перспективы использования цифровых решений и возможностей «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности

Балашов Алексей Михайлович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: Ltha1@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время распространение цифровых технологий задает тенденции для трансформации производства и повышения эффективности бизнес-процессов компаний. В промышленном производстве все чаще говорят о переходе к «Индустрии 4.0», что подразумевает внедрение ключевых компонентов и устройств, которые существенно модернизируют производственные процессы, делают их более прозрачными, безопасными и эффективными. Автор данной статьи рассматривает возможности цифровой трансформации горнодобывающих предприятий, показывает, что внедрение цифровых решений позволяет повысить производительность труда и может в некоторой степени нивелировать тенденцию повышения операционных расходов в горнодобывающей промышленности, а также должно способствовать возникновению инновационных подходов к организации бизнеса и расширению производственного потенциала предприятий.

Цель данной статьи – рассмотреть актуальность и необходимость применения современных цифровых технологий в настоящее время, показать возможности использования достижений «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности и проанализировать особенности цифровой трансформации производства. Использование цифровых технологий дает возможность сделать более оптимальным потребление ресурсов, повысить качество выполнения работ и уровень их безопасности, обеспечить экономию средств, избавить сотрудников от рутинных процедур и увеличить производительность труда. Это позволяет повысить эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на их реализацию данных инициатив. На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что цифровизация горнодобывающей индустрии постепенно становится драйвером развития, затрагивает большинство технологических процессов предприятий и диктует необходимость системных изменений в них.

Ключевые слова: цифровизация, трансформация производства, «Индустрия 4.0», производственные процессы, производительность труда, эффективность

JEL codes: L26; L 86; O10

Для цитирования: Балашов, А.М. Перспективы использования цифровых решений и возможностей «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности /А.М. Балашов. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.46-53. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Введение

В настоящее время становится очевидно, что цифровая трансформация приводит к кардинальным изменениям в мире, и цифровые разработки, которые изначально были ориентированы на автоматизацию задач конкретных работников, стали опорой для создания новой технологической парадигмы - цифровой экономики. К инфраструктуре цифровой экономики относится большое количество новейших информационных и коммуникационных технологий, [1]:

- облачные вычисления (Cloud Computing) - информационно-технологическая концепция, предусматривающая обеспечение удобного сетевого доступа по запросам пользователей к общему объему вычислительных ресурсов различной конфигурации, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с наименьшими эксплуатационными издержками или без обращений к провайдерам;

• Big Data (большие данные)- технология, применяющая различные подходы, инструменты и методы для обработки структурированных и неструктурированных данных (в том числе из независимых источников). Благодаря автоматизации обработки больших данных BigData имеет широкие возможности объединения и анализа отраслевых данных по тому или иному аспекту деятельности. Поэтому, используя эту технологию, можно прогнозировать и предупреждать крупные затраты, выявлять риски для продуктов или услуг, сокращать время на принятие решений. Чаще всего Big Data применяются в нейромаркетинге, поведенческой экономике и управлении цепочками поставок;

• интернет вещей (Internet of Things, IoT)- объединение технологий, подразумевающее оснащение датчиками и подключение к интернету различных приборов и оборудования для осуществления удаленного мониторинга, контроля и управления процессами в реальном времени (в том числе в автоматическом режиме). Интернет вещей позволяет, в частности, отслеживать движение товаров, удаленно оказывать услуги и поддерживать самообслуживание клиентов;

• технологии распределенных вычислений, обеспечивающие доступ к глобально распределенным ресурсам с помощью специального инструментария и применяемые для решения ресурсоемких экономических задач с учетом конкретики и специфики каждой из них;

• когнитивные технологии- программные и аппаратные средства, имитирующие деятельность мозга человека и работающие с пользователем: оценивающие его внимание, отслеживающие его состояние, следящие за работой мозга и пытающиеся «понять» человека. К этим технологиям относятся искусственный интеллект и машинное обучение;

• блокчейн- распределенные (не имеющие централизации) базы данных, каждая запись в которых содержит историю обо всех операциях и владении, надежно защищенную от фальсификаций. Blockchain применяется в торговом финансировании, P2P-транзакциях, заключении смарт-контрактов;

• криптовалюта- виртуальная валюта, эмиссия («добыча», майнинг) которой основана на специализированном применении криптографических алгоритмов.

В настоящее время вопросы цифровизации и перехода к новому технологическому укладу рассматриваются учеными разных стран мира. Л. Гринин, А. Коротаев в одной из своих работ ведут аргументированную дискуссию о переходе к новому технологическому укладу, очертания которого начинают уже складываться в экономиках развитых стран и характеризуются нацеленностью на развитие «высоких» технологий [2]. Э. Ансонг, Р. Боатенг описывают и анализируют бизнес-модели цифровых компаний и их влияние на возможности и человеческий потенциал предпринимателей и наемных сотрудников в цифровом окружении [3]. По-мнению Юдиной Т.Н. и Купчишиной Е.В. цифровая экономика способствует достижению технологического прорыва, созданию новых точек экономического роста и, как следствие, инновационному развитию экономики в целом [4, с.11].

Р. Мец показывает, как новые технологии все более превращаются в необходимые ресурсы жизнедеятельности человека, без которых практически невыполнима современная деловая активность, невозможно совершать банковские платежи, покупки, выбирать места отдыха и заказывать билеты для этой цели. От компьютеров зависит даже безопасность перелетов [5]. К. Эрнандес, Б. Фейт и др. показывают влияние цифровых технологий на экономический рост, производительность труда, формирование новых рынков, а также исследуют такую актуальную на сегодняшний день проблему, как занятость населения [6].

В настоящее время распространение цифровых технологий задает тенденции для трансформации производства и повышения эффективности бизнес-процессов компаний. Согласно данным Росстата, цифровая индустриализация в Российской Федерации в большей степени коснулась отрасли добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств, отрасли обеспечения энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, то есть тех отраслей, которые выпускают высокотехнологичную и сложную продукцию и услуги [7].

Основная часть.

В промышленном производстве все чаще говорят о переходе к «Индустрии 4.0». Этот переход подразумевает внедрение следующих ключевых компонентов, которые существенно модернизируют производственные процессы, [8, с. 49]:

- обработка больших данных, применение возможностей нейросетей и искусственного интеллекта;
- цифровая и дополненная реальность, которые значительно повышают эффективность многих технологических процессов;
- концепция Интернета вещей, организующая движение информации между некоторыми физическими объектами, имеющими необходимое технологическое оснащение;
- технология роботизации, которая замещает ручной труд в некоторых технологических процессах;
- облачные технологии, дающие возможности сбора и хранения информации, минуя физические носители.

В контексте горнодобывающей индустрии, первоочередной целью реализации данной программы является увеличение производительности. В частности, сформулирована стратегическая цель достижения роста указанного показателя в пять раз и улучшения ключевых экологических критериев как минимум в 2-3 раза [9, с. 209]. Кроме того, возможности цифровой трансформации могут в некоторой степени нивелировать тенденцию повышения операционных расходов в горнодобывающей промышленности. Согласно оценкам экспертов в данной области, за последнее десятилетие наблюдается рост данного показателя на 90%.

Для обоснования данного утверждения можно предоставить следующие показатели, отражающие средние результаты от процесса внедрения цифровых технологий, [10, с. 39]:

- увеличение прибыли благодаря повышению производительности и сокращению расходов составляет приблизительно 10-15%;
- рост объемов производства при сокращении времени простоя технологического оборудования достигает в среднем 10-15%;
- увеличение скорости процессов разработки в 1,5-2 раза;
- сокращение расходов на реализацию физических тестов продукции благодаря применению технологий имитации составляет от 50% до 70%;
- уменьшение расходов на менеджмент логистических цепочек на уровне 20-30%.
- оптимизация технологических процессов, которая ведет к сокращению расходов приблизительно на 30%.

В странах Западной Европы в течение длительного времени осуществлялось активное создание цифровых продуктов, которые позиционировались как «Горно-геологические информационные системы» (далее - ГГИС) и нашли применение в горной индустрии. Существенное влияние на данный процесс оказало распространение компьютерных технологий, ПЭВМ и расширение инструментов программирования. Данные разработки пришли в нашу страну два десятилетия назад, при этом некоторые из них активно эксплуатируются на сегодняшний день горнодобывающими компаниями, геологоразведочными организациями, проектными и исследовательскими фирмами.

В качестве примера успешной реализации цифровых технологий в горнодобывающей промышленности можно упомянуть австралийскую компанию Rio Tinto Group. Помимо широкой цифровизации бизнес-процессов, данная компания активно внедряет беспилотные транспортные средства, в частности уже использует 73 автономных роботизированных грузовика на своих четырех месторождениях для транспортировки железной руды. Данные транспортные средства функционируют круглосуточно, а их внедрение снижает транспортные расходы на 15%, что составляет значительную долю текущих издержек в деятельности данной компании [7, с. 65].

Обсуждение. Концепция Индустрии 4.0 в контексте текущего состояния горнодобывающей

отрасли.

Текущая интерпретация концепции «Индустрия 4.0» используется для охвата новейших и востребованных технологических достижений, в том числе комплексной цифровой трансформации и использования возможностей искусственного интеллекта и нейросетей. Данная концепция охватывает повсеместную интеграцию цифровых решений в технологические процессы и разработку интегрированных цифровых модулей.

Основные составляющие управления в этой перспективе включают в себя совершенствование и цифровую трансформацию технологических процессов с целью достижения максимальных результатов использования горнотранспортных средств и оборудования. Горнодобывающие предприятия активно продолжают работать над повышением уровня прозрачности, возможностью оперативных ответных действий и усилением технологического контроллинга с использованием возможностей анализа информации. Согласно ожиданиям, количество горнодобывающих предприятий, применяющих цифровые решения в сфере анализа информации, должно вырасти как минимум на треть [11, с. 31].

Процесс цифровой трансформации предполагает создание и развитие цифрового клона или виртуальной копии, которая функционирует синхронно с физическим оригиналом. Кроме того, применение таких цифровых средств, как облачные хранилища и дистанционная оценка оборудования, должно способствовать возникновению инновационных подходов организации бизнеса и расширению потенциала предприятий, а также образованию передовых технологических инициатив. Согласно мнению экспертов, в нашей стране возможно достижение высокой степени автоматизации горных работ с применением беспилотного оборудования, но в ближайшем будущем полноценная замена ручного труда невозможна с экономических и организационных позиций [12, с. 64].

Обеспечение необходимого результата эксплуатации современного оборудования обеспечивается не только путем соблюдения установок по применению, оптимизации и сокращения расходов на проведение ремонтных работ, но также за счет совершенствования их эргономических характеристик. Значительное количество модификаций, внесенных в действующее или новое оборудование, подвергается комплексному анализу эффективности перед созданием физических прототипов. Тем не менее, трактовка этих данных может оказаться нетривиальной, и визуализация результатов, в том числе, в таблично-графической форме, не всегда является полноценным обоснованием при принятии конкретных технических решений.

Текущие инженерные подходы, нацеленные на имитационные технологии, представляют собой надежный инструмент в рассматриваемом контексте. Они включают в себя разработку цифровых прототипов и, в конечном итоге, клонов, что дает возможность провести всестороннюю оценку эргономики оборудования различного уровня в заданных исходных условиях и при их изменении. Важной характеристикой данных моделей выступает высокая наглядность динамических процессов, что часто способствует изменению взглядов заинтересованных лиц на необходимые модификации.

В итоге, применение ключевых аспектов «Индустрии 4.0» является сложным процессом в области науки и техники. Успешная реализация данного процесса требует существенных инвестиций в технологическое оборудование и нематериальные активы в области добычи природных ресурсов [13, с. 88].

Структурные компоненты и функциональные характеристики ГГИС MINEFRAME обеспечивают возможность разработки компьютерных систем для инженерного сопровождения работ на открытых и в подземных горных объектах, которые могут адаптироваться к особенностям каждой горнодобывающей компании. Практически, это означает формирование унифицированного виртуального окружения, способного в будущем поддерживать внедрение автоматизированных технологий в горнодобывающей индустрии [14, с. 64].

Основные структурные компоненты и функциональные характеристики ГГИС MINEFRAME:

1. Редактор изображений GEOTECH-3D разработан с целью создания моделей оборудования горной промышленности и автоматизации выполнения задач, базирующихся на них. GEOTECH-3D оборудован базовым набором средств для создания и управления объектами и специализированными инструментами, служащими для автоматизации выполнения локальных и специфических проблем в данной сфере. Информацию о моделях можно получить через опцию «Инспектор объектов», позволяющую редактировать множество показателей созданных моделей. Важным свойством данного структурного компонента выступает возможность изменения геометрических параметров моделей.

2. Система управления базами данных GEOTOOLS разработана для создания необходимых баз данных геологического характера (включая скважины, борозды и шламовые образцы), их последующего накопления, анализа и вывода отчетной информации. Возможности данной СУБД позволяют автоматизировать задачи с определением рудных интервалов на основе установленных условий и выполнением автоматических переходов в соответствии с заранее выставленными последовательностями действий.

3. Система управления базами данных для производственных средств MINEGEAR разработана с целью эффективной обработки информации о технических устройствах и материальных ресурсах. Эти сведения служат основой для создания технологических систем, а их показатели применяются при планировании производства и анализе расходов на него.

4. ПО (программное обеспечение) для обслуживания баз данных GEOUSERS представляет собой инструмент администрирования, создания копий и изменения составов трех типов баз данных: производственных средств, геологического характера и технологических объектов. GEOUSERS выполняет важные задачи, включая управление правами доступа к моделям и запись действий пользователей в отдельный журнал, что обеспечивает поддержку многопользовательского режима работы самой информационной системы. Возможность отслеживания динамики необходимых данных дает возможность выявить автора изменений и, при необходимости, вернуть объект к предыдущему состоянию.

Опыт интеграции MINEFRAME на множестве отечественных горнодобывающих компаний свидетельствует о ее способности эффективно настраиваться под любые горногеологические условия и объемы выпуска продукции. На текущий момент данная информационная система успешно внедрена на более чем 500 автоматизированных рабочих местах.

В рамках системного подхода, базирующегося на имитационных технологиях, комплексная технологическая система выступает в виде взаимосвязанных компонентов, которые моделируют характеристики физических аналогов. Это наиболее ярко видно при выполнении задачи проектирования подземных работ на участках с высоким напряжением. Здесь важно отметить, что технические решения обязаны подвергаться геомеханической оценке за счет наличия значительных рисков.

Идея, которая реализована с помощью инструментов описываемой информационной системы, состоит в применении итерационного подхода для выявления наилучшего технологического решения. Этот метод подразумевает перебор альтернативных вариантов с учетом показателя напряженно-измененного статуса горных образований.

Итоги определения данного показателя можно представить графически при помощи модуля GEOTECH-3D, что предоставляет дополнительные данные для более глубокой аналитики. По завершении комплекса итераций выявляется экономически эффективная альтернатива, которая гарантирует безопасное осуществление производственных процессов. Также стоит отметить, что в процессе планирования работ итоги, представленные в GEOTECH-3D как участки микроразрушений, дают возможность определения реакции горных образований на приложенные действия [15, с. 27].

Также следует подчеркнуть, что использование информационной системы MINEFRAME покрывает значительный спектр научных и коммерческих задач, в частности, в области аргументации

применения определенных технологий выполнения открытых и подземных работ. Это включает в себя анализ технико-экономических аспектов методов добычи природных ресурсов. Реализация данных задач способствует расширению возможностей MINEFRAME, которая в настоящее время включает в себя более 200 инструментов для автоматизации многих аспектов геотехнологических процессов.

Заключение

Очевидно, что внедрение достижений «Индустрии 4.0» приведет к повышению производительности, повышению конкурентоспособности предприятий, созданию и выходу принципиально новых продуктов на рынок [16]. Также следует отметить, что процессы цифровизации отечественных компаний совершаются в трудных для нашей страны условиях, при этом роль цифровых продуктов в экономическом пространстве только увеличивается. Но, чтобы выжить в цифровой экономике, предприятиям приходится перестраивать бизнес-модели, трансформируясь под заданные тренды «Индустрии 4.0» [7].

Анализируя изложенную информацию, можно сделать вывод о том, что цифровизация в горнодобывающей индустрии постепенно становится драйвером развития, затрагивает большинство технологических процессов предприятий и диктует необходимость системных изменений в них. Использование цифровых технологий дает возможность сделать более оптимальным потребление ресурсов, повысить качество выполнения работ и уровень их безопасности, обеспечить экономию средств, избавить сотрудников от рутинных процедур и увеличить производительность труда. Это позволяет повысить эффективность бизнеса и получать дополнительную прибыль, несмотря на значительные дополнительные затраты на реализацию данных инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беловинцева Д.Ю. Новейшие технологии в сфере экономики и бизнеса. // Наука молодых – будущее России. Сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых (в 5-ти томах). Том 1. Курск, Издательство: Юго-западный государственный университет, 2022. С.72-75.
2. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer. 2015.
3. Ansong E., Boateng R. Surviving in the digital era — Business models of digital enterprises in a developing economy.// Digital Policy, Regulation and Governance. 2019. 21(2), 164–178. <https://doi.org/10.1108/DPRG-08-2018-0046>
4. Юдина Т.Н., Купчишина Е.В. Формирование институциональной инфраструктуры «цифровой экономики» в Российской Федерации.// Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т.12. №4. С.9-19.
5. Metz R. (2012) Augmented Reality Is Finally Getting Real. MIT Technology Review (2 August). Available at: (доступны на) <http://www.technologyreview.com/news/428654/augmented-reality-is-finally-getting-real/>
6. Hernandez K., Faith B., Prieto Martín P., Ramalingam B. The impact of digital technology on economic growth and productivity, and its implications for employment and equality: An evidence review. IDS Evidence Report. Brighton: Institute of Development Studies. 2016.
7. Сахапова Т.С., Исмагилов Т.Ш., Тихонов В.А. Цифровой двойник производства как этап новой цифровой бизнес-модели промышленного предприятия.// Горная промышленность. 2023. №2. С.62-68.
8. Кабалдин Ю.Г., Шатагин Д.А., Аносов М.С., Колчин П.В.. Разработка цифровой модели (двойника) механообрабатывающего предприятия.// Journal of Advanced Research in Technical Science. 2019. № 13. С. 45-54.
9. Стадник Д.А., Габараев О.З., Стадник Н.М., Григорян К.Л.. Повышение качества цифровых «двойников» горнодобывающих предприятий на базе стандартизации атрибутивного наполнения технологических 3D-моделей в ГГИС. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2020. № 11-1. С. 202-212.
10. Доррер, М. Г. Реализация цифрового двойника бизнес-процессов на базе системы ELMA.// ИТНОУ: Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2021. № 1(17). С. 35-43.
11. Паршина И. С., Фролов Е.Б. Разработка цифрового двойника производственной системы на базе современных цифровых технологий. // Экономика промышленности. 2020. Т. 13, № 1. С. 29-34.
12. Шпак, П. С., Сычева Е.Г., Меринская Е.Е. Концепция цифровых двойников как современная тенденция цифровой экономики. // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 18, № 1. С. 57-68.
13. Головцова, И. Г., Ким А.А. Цифровой двойник как инструмент повышения эффективности и качества бизнес-процессов. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 11-1(93). С. 85-94.
14. Казаков, О. Д., Азаренко Н.Ю. Цифровые двойники бизнес-процессов: пространственно-временной слой.// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2022. № 4-2. С. 60-67.
15. Пономарев, К. С., Феофанов А.Н., Гришина Т.Г. Стратегия цифрового двойника производства как метод цифровой трансформации предприятия.// Вестник современных технологий. 2019. № 4(16). С. 23-30.
16. Гаврилкович, А. О. Индустрия 4.0: понятие и основные технологии.// Молодой ученый. 2022. № 3 (398). С. 154-158.

Prospects for the use of digital solutions and the capabilities of Industry 4.0 in the production processes of mining enterprises

Balashov Alexey Mikhailovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: Ltha1@yandex.ru

Annotation. Currently, the spread of digital technologies sets trends for the transformation of production and improving the efficiency of companies' business processes. In industrial production, they are increasingly talking about the transition to «Industry 4.0». This implies the introduction of key components and devices that significantly modernize production processes, make them more transparent, safe and efficient. The author of this article examines the possibilities of digital transformation of mining enterprises, shows that the introduction of digital solutions can increase labor productivity and can to some extent offset the trend of increasing operating costs in the mining industry, and should also contribute to the emergence of innovative approaches to business organization and expansion of the production potential of enterprises.

The purpose of this article is to consider the relevance and necessity of using modern digital technologies at the present time, to show the possibilities of using the achievements of «Industry 4.0» in the production processes of mining enterprises and to analyze the features of digital transformation of production. The use of digital technologies makes it possible to make resource consumption more optimal, improve the quality of work and the level of their safety, ensure cost savings, relieve employees of routine procedures and increase labor productivity. This makes it possible to increase business efficiency and earn additional profit, despite significant additional costs for their implementation of these initiatives. Based on the conducted research, it can be concluded that the digitalization of the mining industry is gradually becoming a driver of development, affects most of the technological processes of enterprises and dictates the need for systemic changes in them.

Keywords: digitalization, transformation of production, «Industry 4.0», production processes, labor productivity, efficiency

Анализ состояния здоровья работников предприятия в условиях эпидемии Ковид-19, как фактора производительности труда. Исследование отдельного случая

Попова Ирина Викторовна

доктор социологических наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский технический университет», Ярославль, Россия
E-mail: pivik@list.ru

Голубева Анна Романовна

студент
ФГБОУ ВО «Ярославский технический университет», Ярославль, Россия
E-mail: anna.golubeva.03@mail.ru

Разгуляева Полина Сергеевна

студент
ФГБОУ ВО «Ярославский технический университет», Ярославль, Россия
E-mail: razgulyaeva_03@mail.ru

Аннотация. В статье на результатах эмпирического исследования показано, что проблема повышения производительности труда применительно к Российской Федерации на протяжении нескольких десятилетий является насущной. Рассматривается один из существенных факторов влияния на производительность труда – состояние здоровья работников предприятия. Актуальность исследования определяется тем, что прошедшая пандемия Ковид-19, существенно повлияла на состояние здоровья работников, ухудшив качество рабочей силы. Необходимость эмпирического исследования обусловлена тем, что люди столкнулись с заболеванием, которое отличается не только опасностью возбудителя, но и последствиями от осложнений. Приведены результаты, показывающие с какими осложнениями столкнулись переболевшие, что позволило установить связь состояния здоровья с производительностью их труда. Применялась методика исследования отдельного случая. В данном исследовании объектом было выбрано предприятие ООО «ХБК «Навтекс» - ранее известно как Наволокский хлопчатобумажный комбинат «Приволжская коммуна». Основной вид деятельности предприятия – производство хлопчатобумажных тканей и изделий медицинского назначения. Положение каждого конкретного предприятия зависит от места его нахождения, отрасли, численности, оснащенности и других факторов, что сказывается на трудовом поведении рабочих. Наиболее высока дифференциация уровня производительности труда по регионам, которая основана на региональных различиях в структуре экономики и технико-технологическими факторами. Были опрошены рабочие основного производства. Проведен сплошной опрос методом анкетирования. Цель статьи – дать описание состояния здоровья работников на отдельном предприятии после пандемии Ковид-19 и ее влияния на производительность труда работающих. Научную новизну обеспечивают результаты эмпирического исследования с использованием авторского инструментария.

Ключевые слова: производительность труда, качество рабочей силы, изучение отдельного случая, коронавирус, самооценка здоровья, показатели качества рабочей силы

JEL codes: A14, A12, C01

Для цитирования: Попова, И.В. Анализ состояния здоровья работников предприятия в условиях эпидемии Ковид-19, как фактора производительности труда. Исследование отдельного случая. // И.В. Попова, А.И. Голубева, П.С. Разгуляева . - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.54-65. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Введение

Уровень здоровья как фактор производительности труда в отечественной экономической теории чаще только упоминается, но мало исследован. В России не стоит вопрос использования тех факторов повышения производительности труда, которые принято считать второстепенными, так как не исчерпаны другие возможности, такие, как модернизация производства, материальное стимулирование. В то время, как западные специалисты не только в теории, но и на практике используют состояние здоровья людей как механизм, влияющий на результативность деятельности компании. Изучение влияния качества рабочей силы на производительность труда является сложной исследовательской задачей, прежде всего, с точки зрения измерения этого влияния. В настоящее время необходимо уделить данному фактору особое внимание, что связано с возникновением и развитием пандемии Корона-вируса.

Обзор литературы

Экономическое развитие в современном мире базируется на росте производительности труда. Именно производительность труда в большей степени, чем какой-либо другой фактор, определяет уровень и качество жизни всего общества и является в долгосрочной перспективе наилучшим показателем экономической эффективности хозяйственного комплекса. Вопросы повышения производительности труда всегда актуальны для любого государства, в любой экономической системе. Россия, обладая богатейшим ресурсным потенциалом, по уровню производительности труда отстает от развитых стран в 5 – 7 раз, и, как следствие, не входит в число лидеров в мире по уровню благосостояния населения. Преодоление массовой бедности предполагает поддержание высоких темпов экономического роста, для чего необходимо обеспечивать устойчивое повышение производительности труда.

Сформировалось ложное представление, что в рыночных условиях главный смысл деятельности сводится к получению прибыли независимо от роста производительности труда. Вопросами труда и его производительности занимались многие известные ученые, начиная с В. Петти, А. Смита и К. Маркса. В нашей стране этим проблемам уделяли внимание такие экономисты, как А. И. Анчишкин [1], Е. В. Борисов [2], Л. С. Бляхман [3], Р.В Гаврилов [4], Е. Л. Маневич [5], В. С. Немчинов [6] и другие. В последние годы теоретические аспекты производительности труда нашли отражение в работах О. Е. Германовой [7], В. А. Дергунова [8], В. Я. Ельмеева [9], А. В. Золотова [10] и других

Теоретические подходы к производительности труда, характерные для неоклассического и связанных с ним направлений, представлены в работах М. Альберта, Р. Барра, С. Брю, К. Макконнелла, М. Портера и др.

Несмотря на значительную историю исследований производительности труда, данная проблема остается актуальной и требующей постоянной разработки. В настоящее время в научной литературе выделяют несколько причин низкой производительности труда:

- устаревшие методы производства, оборудование и мощности;
- нехватка профессиональных навыков;
- слабое развитие финансовой системы;
- редкое использование комплексного подхода в отношении планирования развития территории;
- уровень мотивации персонала;
- организационные факторы.

Изменение ситуации, по мнению экспертов, может произойти, если руководители государственных и частных компаний будут больше уделять внимания обучению персонала, обновлению основных фондов и улучшению условий труда [11, 12].

Рост общественной производительности труда служит неременным условием развития производства и национальной экономики в целом, оказывая влияние на воспроизводственные процессы, социальную структуру общества, возможности развития работника и всех

производительных сил. Он является выражением всеобщего экономического закона повышающейся производительности труда, который выражает причинно–следственную связь между трудом и его результатами [13].

Различают производительность труда в масштабе страны, региона, отрасли, производительность труда на предприятии и производительность индивидуального труда отдельного работника.

Каждое предприятие отличается конкретным уровнем производительности труда. Изменение этого уровня во времени показывает динамику производительности. Изменения происходят в сторону увеличения и в сторону уменьшения, что вызывается совокупностью различных факторов. Однако непременным условием развития производства служит рост производительности труда, который является экономической необходимостью для развития общества независимо от господствующей в нем системы хозяйствования. На уровень производительности труда оказывает влияние величина экстенсивного использования труда, интенсивность труда, а также технико– технологический и организационный уровень производства [14 С. 57–58].

В мировой производственной практике постоянно ведется поиск наиболее рациональных форм и моделей организации труда и управления персоналом, предполагающих комплекс мер не только по развитию технологической инфраструктуры, но и по учету влияния «человеческого фактора» на рост производительности труда.

Промышленное предприятие представляет собой сложную социально–экономическую (производственную) систему, представляющую собой совокупность технической, технологической, социальной, организационной и экономической подсистем. Каждая из указанных подсистем имеет свои характеристики и предназначение:

- техническая (производственно–технический комплекс) – пропорциональное соотношение производственных мощностей;
- технологическая (последовательность процессов и процедур) – обеспечение требуемого качества продукции;
- социальная (профессиональное объединение работников) – рациональный подбор и развитие персонала;
- организационная (организация производства, труда и управления) – эффективное функционирование и взаимодействие персонала;
- экономическая (показатели деятельности) – эффективное и рациональное использование имеющихся ресурсов.

Существует три типа производительности труда:

- индивидуальная (подразумеваются трудозатраты одного сотрудника, которые зависят от его навыка и опыта работы в конкретной сфере);
- локальная (понимается вся отрасль или уровень производительности труда в каком–то определённом регионе);
- общественная (представляет всеобщее состояние экономики страны в целом).

Производительность труда приобретает огромную значимость, так как благодаря её росту предприятия должны изучать все факторы, влияющие на уровень производительности труда и выявление резервов её роста. Именно поэтому необходимо рассмотреть факторы производительности труда. Под факторами производительности труда понимается совокупность преобразований определенных условий, которые способны привести к изменению затрат труда на производство единицы продукции или оказания услуг. Нужно подчеркнуть, что все факторы взаимосвязаны между собой, но для лучшего исследования производительности труда, её динамики правильнее разобрать каждый фактор по отдельности. Основными из них являются следующие:

- материально–технические;
- организационно–экономические;
- экономико–правовые;

- материально–стимулирующие;
- социально–психофизиологические.

На уровне отдельного предприятия (организации) все факторы можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние факторы включают уровень технической вооруженности предприятия, эффективность применяемой технологии, организацию труда и производства, квалификацию и системы стимулирования персонала, условия труда, инновации, то есть все то, что зависит от коллектива предприятия и его руководителей. К внешним факторам следует отнести политическое положение в стране и в мире, уровень развития рыночных отношений, конкуренцию, научно–технический прогресс, общий уровень экономического развития, качество и количество трудовых ресурсов страны, наличие природных ресурсов, развитие социальной и производственной инфраструктуры (работа пассажирского транспорта, медицинское обслуживание, организация культурно–просветительной и спортивно–оздоровительной работы, жилищно–бытовые условия) [15 с. 309].

Ряд авторов, анализируя влияние рыночного отбора на рост фирм в России, понимают под ростом увеличение доли на рынке и повышение выручки, используя декомпозицию агрегированной производительности труда на уровне отрасли. Для ускорения производительности труда в российской экономике в ближайшие годы необходимы не только количественные, но и качественные изменения. Уровень производительности труда вновь выходящих на рынок фирм ниже уровня производительности труда уже работающих на рынке, поэтому рост количества таких фирм также не может автоматически увеличить агрегированный показатель производительности труда [16, с. 102; 17, с. 112].

Ключевую роль в любой системе играют люди, участвующие в производственном процессе, неразрывными частями которого являются технологический и трудовой процессы. Производительность труда на предприятии зависит от множества причин: от имеющегося оборудования, применяемых технологических процессов, используемых материалов, организации производства, условий труда, но также во многом определяется мастерством рабочих и состоянием их здоровья. Поэтому изменять уровень производительности труда можно, как повышая технический уровень производства, так и улучшая качество рабочей силы. Понятно, что внедрение нового оборудования является сильным резервом роста производительности труда, но надо понимать, что этот фактор невозможно использовать постоянно, так как оборудование обновляют не часто, однажды закупленное, оно работает длительное время. Такой фактор, как организация производства и труда, можно рассматривать в постоянной положительной динамике, так как любое предприятие всегда совершенствует этот процесс. Что касается качества рабочей силы, то оно всегда претерпевает изменения по разным причинам: текучесть кадров, увеличивающаяся из–за наличия как внутренних проблем на предприятии, так и экономических проблем в стране.

Даже самый совершенный уровень организации труда и производства на предприятии при рабочей силе низкого качества не даст желаемого повышения производительности труда. Таким образом, качество рабочей силы — это как раз тот фактор, на который замыкаются все факторы, оказывающие влияние на изменение уровня производительности труда. Поэтому можно определённо сказать, что, управляя качеством рабочей силы предприятия, можно при прочих равных условиях управлять уровнем производительности труда.

В связи с возникшей пандемией качество рабочей силы становится актуальной проблемой повышения производительности труда. Изучение качества рабочей силы берет свое начало в работах А. Смита и Д. Рикардо, заложивших основы экономической теории. Новое развитие данной категории было придано К. Марксом, который предложил считать рабочую силу специфическим товаром на рынке труда. В современной экономической теории большое внимание уделяется составным частям качества рабочей силы. Большинство ученых определяют качество рабочей силы как совокупность человеческих характеристик, которые проявляются в производственном

процессе. В современных условиях экономического развития среди определяющих факторов как отечественные, так и зарубежные ученые отмечают качество человеческих ресурсов, рабочей силы, человеческий потенциал. Конкурентные преимущества приобретают те предприятия, которые способны обеспечить более высокую производительность труда, а она напрямую связана с качеством рабочей силы.

Как экономическая категория качество рабочей силы выражает отношения работника и работодателя по формированию и реализации его способностей к труду и представлено как совокупность таких свойств человека, как профессиональные, медико-физиологические личностные характеристики работника: компетентность, наличие навыков, опыта, состояние здоровья, мотивируемость [18, с.87].

Рассматривая рабочую силу как комплекс человеческих характеристик, которые проявляются в процессе труда и позволяют обеспечивать качество коллективного труда, мы выбрали для исследования такой фактор, как состояние здоровья, под которым понимается определенный уровень физической и социальной адаптации человека. Он проявляется в комфортности физического, умственного и социального самочувствия человека [19, с. 257].

Среди всех перечисленных характеристик качества рабочей силы основополагающим элементом является здоровье человека. Здоровье человека является основной заданной от природы характеристикой. Качество рабочей силы напрямую связано с совокупностью физических свойств человека, требуемых для выполнения определенного вида и сложности труда. При отсутствии здоровья снижается работоспособность человека. Как правило, под здоровьем принято понимать интегральный показатель полного физиологического, психического и социального состояния человека. По определению Всемирной организации здравоохранения под здоровьем на уровне индивидуальном понимают отсутствие выявленных расстройств и заболеваний. Если рассматривать здоровье на популяционном уровне, то это — процесс снижения уровня смертности, заболеваемости, инвалидности. Классическим определением понятия здоровья принято считать следующую формулировку: «здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [20].

Методология исследования

Исследование внутренних факторов производительности труда требует такой методики, как изучение отдельного случая. Положение каждого конкретного предприятия зависит от места его нахождения, отрасли, численности, оснащенности и других факторов, что сказывается на трудовом поведении рабочих. Наиболее высока дифференциация уровня производительности труда по регионам, которая основана на региональных различиях в структуре экономики и технико-технологических факторах. Отношение между максимальным (Ненецкий АО) и минимальным (Ивановская область) значением данного показателя по регионам превышает 18 раз.

Исследование проводилось методом анкетирования в гугл-форме, был опрошен 71 человек что составляет 8% генеральной совокупности.

Цель исследования – дать описание качества рабочей силы предприятия ООО «ХБК «Навтэк» после пандемии COVID-19.

Предмет исследования – взаимосвязь качества рабочей силы с производительностью труда.

Объект – рабочие основного производства ООО «ХБК «Навтэк».

В нашем исследовании главным было то, что предприятие находится в условиях локального рынка труда, является одним из старейших предприятий текстильной отрасли и прошло этап технического перевооружения.

ООО «ХБК «Навтэк» – ранее был известен как Наволокский хлопчатобумажный комбинат «Приволжская коммуна». Основной вид деятельности предприятия – производство хлопчатобумажных тканей и изделий медицинского назначения.

ООО «ХБК «Навтэк» имеет в своем составе три основных производства: ткацкое, отделочное

и бинторезное.

Ткацкое производство выпускает хлопчатобумажные ткани бязевой группы и марли. В ткацких цехах установлены ткацкие станки, станки отечественного производства и чехословацкие станки.

Отделочное производство специализировано на выпуск отбеленных бязей, полотенечной ткани, медицинской марли и изделий из неё.

Бинторезное производство выпускает изделия медицинского назначения.

Ткани и марля выпускаются с различными поверхностными плотностями. Предприятие имеет сертификат соответствия международной Системе Менеджмента Качества. Продукция ООО «ХБК «Навтекс» реализуется как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

ООО «ХБК «Навтекс» является крупнейшим российским производителем марли, марлевых перевязочных средств, в том числе инновационных. Контролируя весь производственный процесс, отвечают за качество выпускаемой продукции и предлагают своим партнерам оптимальные условия сотрудничества, в том числе выпуск продукции под собственной торговой маркой (СТМ).

Вся продукция сертифицирована по системе Международного стандарта качества изделий ISO 13485, и соответствует требованиям не только российского ГОСТа, но и европейского стандарта качества.

Ассортимент импортируемых медицинских изделий представлен эластичными и гипсовыми бинтами, шприцами и системами, медицинской одеждой из нетканых материалов, латексными перчатками.

ООО «ХБК «Навтекс» выбирают крупные торговые и аптечные сети, фарм-дистрибьюторы, и свыше 5000 лечебно-профилактических учреждений по всей стране.

Преимущества предприятия:

- производитель – собственное производство позволяет предоставлять лучшие условия клиентам;
- качество и надежность – предприятие зарекомендовало себя как надежный поставщик медицинских изделий высокого качества;
- крупный импортер – сотрудничают только с надежными, проверенными производителями, совместно контролируя качество приобретаемых товаров;
- развитая логистика – широкая логистическая сеть позволяет одновременно закрывать потребности нескольких регионов.

Продукция компании реализуется через широкую сеть крупнейших фарм-дистрибьютеров по линии государственного заказа, а также экспортируется. Основной ассортимент составляют: марля, марлевые отрезки, медицинские бинты, салфетки, в том числе салфетки с рентгеноконтрастной нитью.

Вся продукция изготавливается в строгом соответствии с требованиями российского ГОСТа и ТУ. В 2016 году началась реализация масштабного инвестиционного проекта по созданию современного производства перевязочных средств, приобретено ткацкое и отделочное оборудование, вторая линия отбели, расширено бинторезное производство. Общая стоимость проекта свыше 700 миллионов рублей. Кроме собственных средств на его реализацию выделен льготный займ от фонда развития промышленности, привлечены кредитные средства от надежных российских банков.

Новое оборудование уникально – оно спроектировано немецкими и российскими инженерами специально для предприятия ООО «ХБК «Навтекс». Перед специалистами двух стран стояла задача создать не просто универсальную линию, а исключительно под заданные параметры. Установленное оборудование высокопроизводительно и эффективно. Продукция компании – готовое решение для операционных и процедурных кабинетов. Незаменимы при любых медицинских манипуляциях стерильные салфетки в несколько сложенных. Быстро обнаружить и ликвидировать оставленный во время полостной операции материал позволяют салфетки с рентгеноконтрастной нитью. Хорошо впитывают и надежно фиксируют качественные хлопковые бинты. Предприятием планируется выпускать до 300 миллионов погонных метров в год перевязочных материалов на тканной основе.

ООО «ХБК «Навтекс» – социально–ответственный работодатель. На предприятии созданы новые рабочие места, привлекательные для молодых специалистов. Кроме достойных условий труда, компания предлагает обучение, решая системную проблему профтехнического образования. Особенностью является получение двойных профессий. Специалист может работать на нескольких линиях современного оборудования, выполняя различные технологические операции.

Реализация масштабного инвестиционного проекта по созданию современного высокотехнологичного производства марлевых перевязочных средств позволила увеличить производственные мощности, повысить объемы экономии энергоресурсов, улучшить условия труда для сотрудников предприятия.

Результаты исследования.

Актуальность проблемы исследования связана с пандемией корона–вируса, продолжающейся на протяжении последних трех лет. По данным медицинских исследований данное заболевание имеет осложнения, которые сказываются на состоянии здоровья продолжительное время после болезни. Однако этот факт не учитывается при определении срока нетрудоспособности и не имеет продолжения в период, когда листок нетрудоспособности закрыт. Управление здоровьем персонала после пандемии выходит на одно из первых мест в решении проблемы повышения производительности труда. Новизна исследования заключается в возможности описания уровня здоровья работающих людей, живущих в условиях пандемии. Научная задача исследования – показать, как с помощью эмпирического исследования можно зафиксировать взаимосвязь качества рабочей силы через изучение его основного компонента – состояния здоровья – с производительностью труда.

Для определения показателей, которые могут быть использованы для исследования влияния здоровья работников на производительность труда необходима операционализация понятий. Проведенная процедура позволила нам выделить следующие показатели:

- самооценка собственного здоровья;
- наличие профессиональных заболеваний;
- наличие хронических заболеваний;
- частота плохого самочувствия;
- последствия перенесенного корона–вируса;
- оценка настроения;
- вредные привычки;
- качество питания;
- частота посещения врачей;
- самооценка производительности труда;
- связь самочувствия с выполнением дневной нормы [21, с. 285].

Дать описание состояния здоровья определенной группы людей можно через их самооценку. Для получения самооценки состояния здоровья в исследовании был задан вопрос: «Как бы Вы в целом оценили свое здоровье?» Получен результат рисунок 1

Фактором, влияющим на производительность труда, является самочувствие, которое бывает разным в зависимости от различных условий, в которых человек живет. Поэтому сопоставление состояния здоровья и самочувствия является необходимым условием при описании качества рабочей силы. На вопрос: «Как Вы оцениваете свое самочувствие чаще всего?» получен следующий результат: 62,3% – иногда бывает плохое самочувствие, что–то болит; 31,9% – в основном у меня всегда хорошее самочувствие, ничего не болит; 5,8% – почти всегда плохое самочувствие, всегда что–то болит. Из полученного результата видно, что из тех, кто оценивает состояние здоровья как хорошее, есть люди, которые иногда чувствуют себя плохо, что может оказывать влияние на производительность их труда.

В качестве уточняющего задавался вопрос: «Что из перечисленного, беспокоит Вас и как часто?»

Рисунок 1 – Самооценка респондентами состояния здоровья (% от числа опрошенных)

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Таблица 1 – Причины плохого самочувствия (% от числа ответивших)

	Часто беспокоит	Иногда беспокоит	Не беспокоит
Головные боли	29,0	58,2	12,8
Повышенное давление	17,0	44,6	38,4
Головокружение	7,5	52,5	40,0
Боли в области сердца	5,1	51,3	43,6
Боль в суставах	24,5	40,8	34,7
Расстройство желудочно-кишечного тракта	11,9	50,0	38,1
Расстройство сна	34,0	31,9	34,1
Боль в спине	32,0	50,9	17,1
Слабость	31,2	41,7	27,1
Тяжесть и боль в ногах	29,2	37,5	33,3
Раздражительность	28,8	42,4	28,8

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Фактором, повлиявшим на качество рабочей силы и вызвавшим необходимость выявления связи между пандемией и производительностью труда, стал характер прошедшей эпидемии COVID-19. Отражение ее в медицинской статистике не дает возможности качественной оценки самого заболевания. Резкое падение интереса к такому существенному для здоровья миллионов людей событию, концентрация внимания только на вопросах лечения и смертности не оправданно. Последствия после перенесенного заболевания остаются долговременными и серьезными. Именно это и ставит задачу выявления взаимосвязи между состоянием здоровья и, как следствие, с производительностью труда работников физического труда.

Для выявления и фиксации такой связи, единственным методом исследования является

социологический опрос, позволяющий получить информацию от самих людей через их самоощущения.

Для оценки масштабов эпидемии в исследовании задавался вопрос: «Сколько раз Вы переболели Ковидом за период пандемии (за последние три года)?»

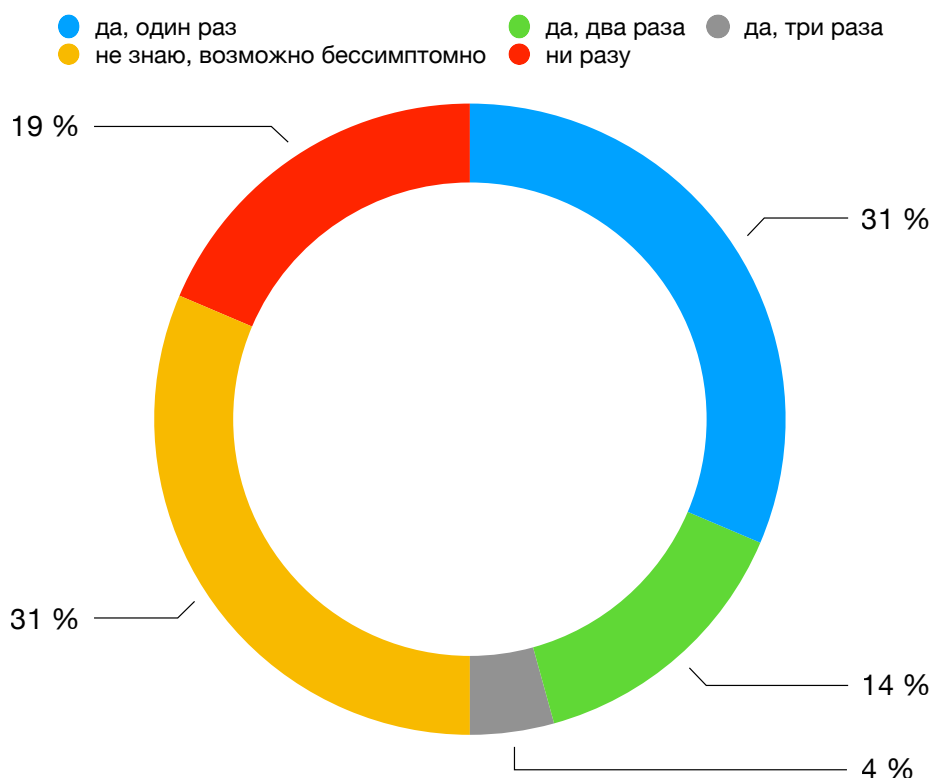

Рисунок 2 – Частота перенесенного заболевания
(% от числа опрошенных)

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Следует обратить внимание на результат, полученный по вопросу: «Ковид Вам поставили по результатам анализа?»

49,3% – нигде не обращались, медицинского подтверждения не имеют, лечились самостоятельно; у 11,9% тест не подтвердил, но симптомы были; 35,8% знают об этом по результатам анализа; 3,0% диагноз поставили по симптомам в поликлинике.

Этот результат подтверждает гипотезу исследования о том, что медицинская статистика не дает полного представления о картине прошедшей эпидемии. Кроме того, на основании полученного результата можно сделать важный вывод об организации системой здравоохранения оказания помощи населению во время пандемии. Не была организована бесплатная процедура тестирования, качество тестов было недопустимо низким, работа скорой помощи при закрытых на карантин медицинских учреждениях не обеспечивала населению возможности получения своевременной, бесплатной, качественной помощи.

Нельзя не отметить, что в этом результате проявила себя и такая проблема, как культура сохранения здоровья самим населением. Вся история организации системы здравоохранения и особенно все, что происходило за последние десятилетия ее реформирования, привели к тому, что люди обращаются за медицинской помощью только в крайнем случае. Это подтвердили результаты ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете врачей?»

Сгруппировав по смыслу полученный результат получили: 21,4%, когда что-то беспокоит, сразу иду к врачу и еще 11,4% каждые полгода прохожу профилактический осмотр. Таким образом, количество обладающих культурой сохранения здоровья – каждый третий. Остальные обращаются

к врачам только, когда нужно взять больничный (14,3%), только в крайнем случае, когда уже невозможно терпеть (35,7%), редко, предпочитаю лечиться своими средствами (17,1%). Это могло усугубить ситуацию с последствиями перенесенного заболевания.

Для описания последствий пандемии на примере работников одного предприятия, задавался вопрос: «Из перечисленных осложнений, что есть (было) у Вас?» можно было выбрать несколько вариантов, поэтому сумма больше 100%. В порядке убывания:

Пропадало на некоторое время обоняние – 32,4%

Выпадение волос – 20,6%

Боли в суставах – 20,6%

Ухудшение памяти – 19,1%

Головные боли после выздоровления – 16,2%

Расстройство сна – 10,3%

Обоняние не восстановилось – 8,8%

Тревожность, панические атаки – 7,4%

68,6% опрошенных считают, что система здравоохранения обязательно должна уделять внимание лечению осложнений так как таких людей много.

Для установления связи между перенесенным заболеванием и производительностью труда в исследовании задавался вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после перенесенного Ковида Вам стало тяжелее справляться с работой из-за плохого самочувствия?»

Из числа переболевших:

52,8% не усматривают такой связи

13,2% иногда бывает и это точно появилось после Ковида

5,6% да, могу определенно сказать, что самочувствие ухудшилось после Ковида и мне стало тяжелее работать

28,4% – не могу оценить.

Таким образом, каждому пятому работнику стало труднее работать после перенесенного Ковида.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

– исследование проблемы влияния качества рабочей силы на производительность труда в условиях эпидемии Ковид-19 является актуальной научной задачей;

– связь между состоянием здоровья после болезни и производительностью труда существует;

– выявленный уровень осложнений позволяет говорить о том, что система здравоохранения не уделяет должного внимания восстановлению людей после перенесенного заболевания;

– низкий уровень культуры здоровьесбережения является фактором ухудшения качества рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчишкин А.И. Наука – техника - экономика. М.: Экономика. 1986. – 384 с.
2. Борисов Е.В. Экономическая теория. Учебник. – 3-е изд., перераб. И доп. М.: Юрайт-Издат, 2015. – 399 с.
3. Бляхман Л.С. Экономика, организация управления и планирование научно-технического прогресса. Москва: высш. шк., 1991. – 286 с.
4. Гаврилов Р.В. Производительность труда: показатели планирования и методы измерения. – Москва: Экономика, 1985. – 118 с.
5. Маневич Е.Л. Проблемы общественного труда. М., 1966. – 190 с.
6. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. - Москва: Экономика. 1963. – 74 с.
7. Германова О.Е. Производительность: экономическое содержание и проблемы измерения. Рост. гос. ун-т. – Москва: Наука, 1996. 187 с.
8. Дергунов В.А. Организационно-экономические условия формирования кадрового потенциала в сельском хозяйстве. (На материалах Республики Мордовия): Автореферат дис....канд.экон.наук. Москва., 2010. – 23 с. 003490210.
9. Ельмеев В.Я. К созданию теории воспроизводства на основе законов движения потребительской стоимости. // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2010. Вып. 2. – с. 35-45.
10. Золотов В.А. Реализация принципов безусловного базового дохода как ответ на вызовы коронавируса. // Уровень жизни населения регионов России. 2020. - Том 16. - № 4. - С. 96-104
11. Экономические проблемы современной России [Электронный ресурс] - <http://investtalk.ru/forum/topic/17247-ekonomicheskie-problemy-sovremennoj-rossii/>
12. Проблемы современной экономики России [Электронный ресурс] - <http://www.protown.ru/information/hidden/6584.htm>
13. Морозова Н.А. Производительность труда: теоретические основы и факторы ее роста в современной экономике: Автореферат дис. ... канд. экон. наук. – НН., 2007. – 23 с. – 003160120.
14. Остапенко Ю. М. Экономика труда: Учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 2007. - 272 с.
15. Титов В. И. Экономика предприятия: Учебник - М.: Дашков и К, 2004. - 461 с.
16. Савин И.В., Мариев О.С., Пушкарев А.А. Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение. // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 101-124.
17. Бессонова Е.В., Морозов А.Г., Турдыева Н.А., Цветкова А.Н. Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий. // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 98-115.
18. Разумов А.А., Дрямов В.П. Качество рабочей силы: от теории к практике. //Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 8-9. С. 87-92.
19. Кулебакина О.И. Современные подходы к исследованию качества рабочей силы. //Вестник КемГУ. № 1. 2013. С. 256-259.
20. Преамбула к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения
21. Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А. Здоровье работников как фактор производительности труда. Проблемы измерения. //Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - № 6. - 2014. - С. 284-289.

Coronavirus: impact on labor productivity. Investigation of an individual case.

Irina V. Popova

Doctor of Sociology, Associate Professor
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia
E-mail: pivik@list.ru

Golubeva Anna Romanovna

student
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia
E-mail: anna.golubeva.03@mail.ru

Razgulyaeva Polina Sergeevna

student
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia
E-mail: razgulyaeva_03@mail.ru

Annotation. Based on the results of an empirical study, the article shows that the problem of increasing labor productivity in relation to the Russian Federation has been pressing for several decades. One of the significant factors influencing its growth is considered - the quality of the workforce. The relevance of the study is determined by the consequences of the past Covid-19 pandemic. With the help of the results of the study, the relationship between the health status of employees and labor productivity is proved. Finding such a connection is due to the fact that people have experienced a pandemic of a disease that differs not only in the danger of the pathogen, but also in the consequences of complications. The results are presented, showing what complications those who have been ill have encountered and how this affects their labor productivity. The methodology of the study of an individual case was used. In this study, the object was chosen by the enterprise LLC «КБК «Navtex» - formerly known as the Navolok cotton mill «Privolzhskaya Commune». The main activity of the enterprise is the production of cotton fabrics and medical products. The position of each particular enterprise depends on its location, industry, number, equipment and other factors, which affects the labor behavior of workers. The differentiation of the level of labor productivity by regions is the highest, which is based on regional differences in the structure of the economy and technical and technological factors. The workers of the main production were interviewed. A continuous survey was conducted using the questionnaire method. The purpose of the article is to describe the health status of workers at a separate enterprise after the Covid-19 pandemic and its impact on the productivity of workers. Scientific novelty is provided by the results of empirical research using the author's tools.

Keywords: labor productivity, labor force quality, case study, coronavirus, health self-assessment, labor force quality indicators

Использование постулатов школы обучения стратегического менеджмента в интересах развития персонала организации с учетом вызовов XXI века

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор

МГИМО МИД России, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Tebekin@gmail.com

Аннотация. Актуальность представленного исследования заключается в том, что учитывая, что развитие экономики осуществляется по спирали в соответствии с диалектической философией Г. Гегеля, а также, что протяженность одного витка этой спирали в соответствии с большими циклами экономической активности Н. Кондратьева составляет примерно полвека (50 лет), представляет интерес рассмотреть ключевые положения школ стратегического менеджмента, сформировавшихся к 1970-м годам, в интересах их использования в современных условиях для преодоления текущего глобального экономического кризиса 2020-х годов, принявшего затяжной характер. Целью представленных исследований является рассмотрение с философских позиций постулатов школы обучения стратегического менеджмента Чарльза Линдблума, сформировавшейся в преддверии глобального мирового экономического кризиса 1970-х годов, в интересах поиска путей их использования для формирования стратегий менеджмента, направленных на эффективное преодоление глобального мирового экономического кризиса, возникшего на новом витке спирали экономического развития в 2020-е годы и развития системы обучения персонала с учетом вызовов XXI века. Научная новизна полученных результатов заключается в исследовании пяти ключевых постулатов школы обучения стратегического менеджмента сквозь призму реализации основных законов диалектики в современных условиях и формулировании предложений по развитию системы обучения персонала с учетом вызовов XXI века. Практическая значимость полученных в работе результатов заключается в возможности использования предложенных рекомендаций по реализации основных постулатов школы обучения в современных кризисных условиях для повышения эффективности стратегического развития.

Ключевые слова: использование постулатов, школа обучения, стратегический менеджмент, интересы развития, система обучения персонала, вызовы XXI века

JEL codes: G34, H12, M11, M38, O32

Для цитирования: Тебекин, А.В. Использование постулатов школы обучения стратегического менеджмента в интересах развития персонала организации с учетом вызовов XXI века /А.В. Тебекин . - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.66-79. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Введение

В период стагнации мировой экономики 1960-х годов, предшествовавшей мировому экономическому кризису 1970-х, большое развитие получили школы стратегического менеджмента (рис.1) [42], демонстрирующие необходимость смещения акцента с управления, ориентированного преимущественно на реализацию краткосрочных процессов с помощью текущих планов, на управление, ориентированное на среднесрочные и даже долгосрочные процессы, подразумевающие опору на прогноз будущих событий с целью выявления как ожидаемых угроз, так и предоставляемых возможностей, учитываемых при формировании стратегических планов развития.

Учитывая, что развитие экономики осуществляется по спирали, то есть подчиняется диалектической философии Г. Гегеля [25], а также, что протяженность одного витка этой спирали в соответствии с большими циклами экономической активности Н. Кондратьева [27] составляет примерно полвека (50 лет), представляет интерес рассмотреть ключевые положения школ

стратегического менеджмента, сформировавшихся к 1970–м годам, в интересах их использования в современных условиях для преодоления текущего глобального экономического кризиса 2020–х годов (рис.2), принявшего затяжной характер [30]. Что, впрочем, было ожидаемо.

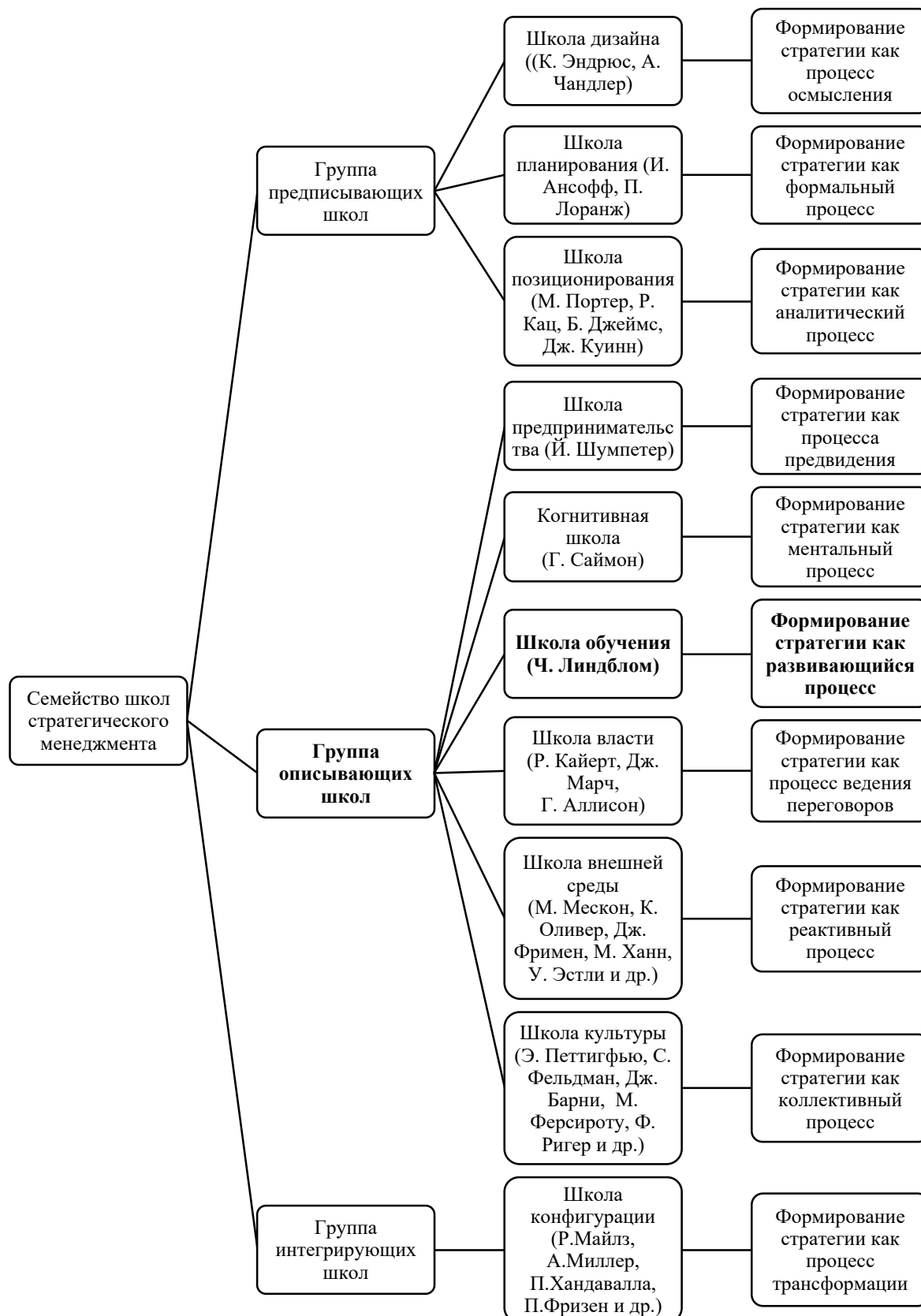

Рисунок 1 – Классификация научных школ стратегического менеджмента, по Г. Минцбергу [42]

Источник: составлено автором

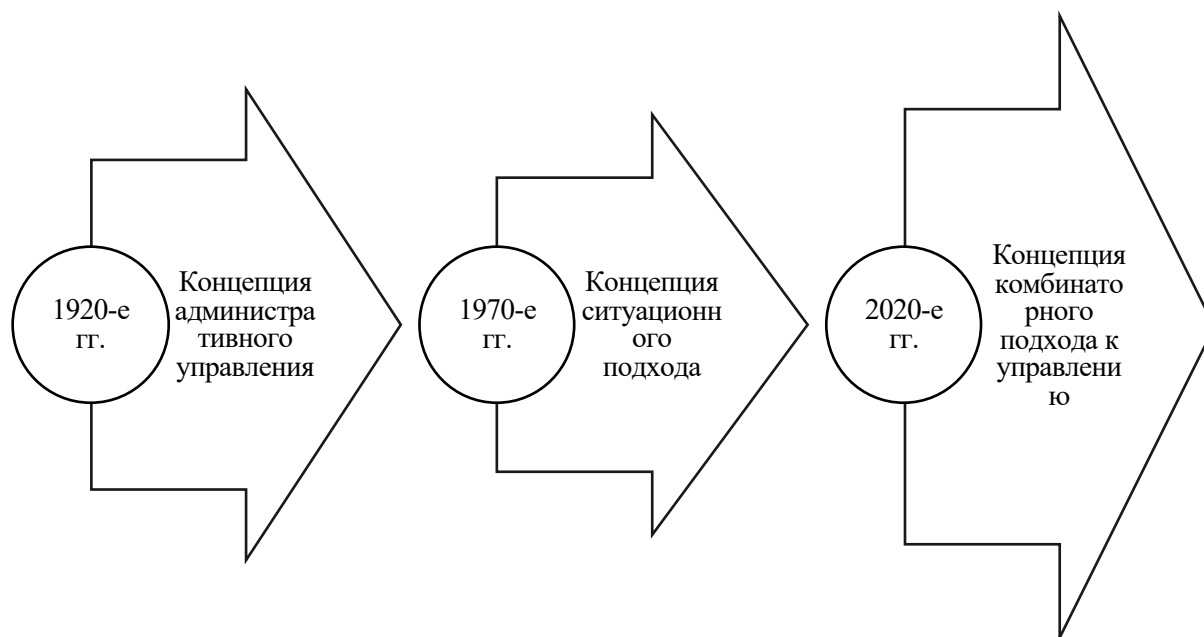

Рисунок 2 – Концепции менеджмента, приходящиеся, в соответствии с закономерностями развития экономики по спирали, на фазу мировых экономических кризисов, обусловленную сменой технологических укладов в рамках больших циклов Н.Д. Кондратьева

Источник: составлено автором

При этом следует отметить, что если в условиях относительной рыночной стабильности, а значит и высокой предсказуемости будущих событий, целесообразно использовать постулаты группы предписывающих школ стратегического менеджмента (рис.1), то в условиях нестабильности событий, происходящих на рынке, характерных, в частности, для экономических кризисов, происходящие на рынке события вначале необходимо должным образом описать, поскольку, несмотря на известную степень подобия кризисных явлений в экономике, каждый из экономических кризисов имеет свои особенности. Что свидетельствует о целесообразности обращения к описывающим школам стратегического менеджмента (рис.1).

Указанные обстоятельства предопределили выбор темы исследований, связанных с постулатами школы обучения стратегического менеджмента, представляющей группу описывающих школ (рис.1).

Цель исследования

Целью представленных исследований является рассмотрение с философских позиций постулатов школы обучения стратегического менеджмента Чарльза Линдблома, сформировавшейся в преддверии глобального мирового экономического кризиса 1970–х годов, в интересах поиска путей их использования для формирования стратегий менеджмента, направленных на эффективное преодоление глобального мирового экономического кризиса, возникшего на новом витке спирали экономического развития в 2020–е годы.

Методическая база исследований

Методическую базу исследований составили известные научные работы, посвященные рассмотрению постулатов школы обучения стратегического менеджмента таких авторов, как Бауэр Дж., Доз Ю. [3], Брейбук Д. [4], Кичел У. [7], Куинн Дж. [15–17], Линдблом Ч. [8,9], Минцберг Г. [10,33], Питерс Т., Уотерман Р. [14], Рэпп Г. [18], Харди К. [5] и др.

Основные результаты исследований

Исследование основных постулатов школы обучения стратегического менеджмента Чарльза Линдблома в данном исследовании осуществлялось сквозь призму рассмотрения основных

направлений развития указанной школы, архитектура которых представлена на рис.3.

Рисунок 3 – Архитектура основных направлений развития школы обучения стратегического менеджмента

Источник: составлено автором

Проведенные исследования основных направлений развития школы обучения стратегического

менеджмента (рис.3) позволили выделить основные их постулаты и проанализировать возможности использования этих постулатов в условиях современного экономического кризиса с философских позиций.

Во-первых, в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей, сложный, а порой и непредсказуемый характер внешней среды управляемой организации (что характерно для кризисных условий 2020-х годов), с одной стороны, требует постоянного обновления необходимых для выработки стратегии развития знаний (причем порой с достаточной степенью интенсивности). С другой стороны, эта же вариативность характеристик внешней среды существенно затрудняет (а порой и вовсе препятствует) проведению взвешенного контроля, поскольку требуемые значения эффективности деятельности в контрольных точках подвержены очень высокой волатильности.

Таким образом, в соответствии с первым постулатом школы обучения стратегического менеджмента выработка стратегии развития управляемой системы должна на начальных этапах обрести форму процесса обучения и оставаться таковой до тех пор, пока процессы формулирования стратегии и ее внедрения будут оставаться неразделимыми [33].

Представляется, что отсутствие должного учета именно этого постулата школы обучения стратегического менеджмента является существенным препятствием на пути успешной реализации национальной стратегии социально-экономического развития на период до 2030 года [1,39] (Стратегии – 2030) на современном этапе, поскольку условия их формулирования до начала СВО в 2021 году существенно отличаются от условий, наступивших после начала этой операции в 2022 году [37].

Хотя справедливости ради следует отметить, что одним из факторов, приведших к критике экспертным сообществом стратегии социально-экономического развития РФ на период до 2030 года [1, 39] еще на этапе ее формирования [22, 32, 35, 40], явилось отсутствие даже учета ошибок, совершенных при осуществлении Стратегии-2020 [28], о чем также свидетельствуют оценки многочисленных экспертов [21, 23, 24, 31, 41]. Как следствие процесс выработки стратегии социально-экономического развития страны до 2030 года (Стратегии-2030) на начальных этапах так и не обрел форму процесса обучения.

Во-вторых, согласно постулатам школы обучения, в процесс обучения при выработке стратегии развития организации должно быть вовлечено как можно больше сотрудников, предполагаемых в качестве возможных участников ее формирования (поскольку в реализации стратегии развития будет задействован весь коллектив). В этом постулате представители школы обучения исходят из того, что «в большинстве организаций (в первую очередь крупных и средних – прим. автора) есть достаточно много потенциальных стратегов» [33]. И следует отметить, что такой подход одновременно обеспечивает и воспитание сотрудников в духе обучения процессам формирования стратегий, и создает соревновательную атмосферу здоровой конкуренции между сотрудниками в вопросах формирования стратегии развития организации. Это с одной стороны.

С другой стороны, согласно второму постулату школы обучения, «возможно (то есть это не обязательное требование – прим. автора) лучшим «учеником» (при обучении процессам формирования стратегии – прим. автора) в организации должен быть ее руководитель» [33]. В данном случае речь идет о том, что, когда сотрудники видят, что их руководитель не только не стесняется учиться вместе со всеми, что само по себе способствует росту эффективности их взаимодействия, согласно теории ситуационного лидерства П. Херси и К. Бланчарда (поддерживающий стиль – рис.4) [6], но и придает уверенность своим сотрудникам, демонстрируя лидерские качества как «лучший ученик» (наставнический стиль – рис.4) [6].

Таким образом, второй постулат школы обучения стратегического менеджмента фактически демонстрирует действие закона диалектики о переходе количественных изменений в качественные.

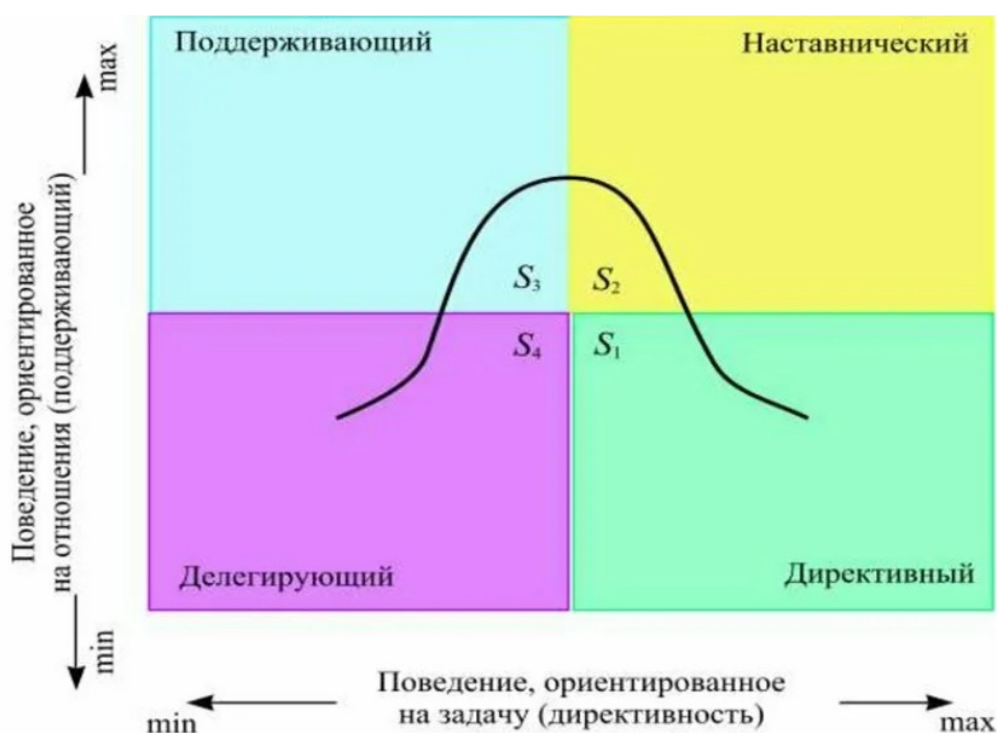

Рисунок 4 – Модель ситуационного лидерства П. Херси и К. Бланчарда

Источник: Hersey, P., & Blanchard, K. H. (1977)

Следует отметить, что именно недостаток конкурентных вариантов стратегий при их разработке, а также недостаток компетенции руководителей организаций, которые, в стремлении как можно меньше демонстрировать этот факт, как правило, не участвуют в процессе обучения, и приводит к низкой эффективности стратегий развития, но только в части реализации, но и в части постановки процессов их формирования.

В-третьих, постулат школы обучения, гласящий, что «процедура обучения (при формировании стратегий – прим. автора) носит развивающийся характер» [33] по сути является логическим продолжением предыдущего постулата. При этом особый акцент делается на формирование у разработчиков стратегии поведения, способствующего ретроспективному мышлению, направленному на осмысление действий, предпринимавшихся при реализации предыдущих стратегий [33]. Следует отметить, что указанный подход полностью соответствует принципу преемственности и непрерывности стратегического планирования [44]. На практике же именно отсутствие этого «взгляда назад» (рис.5) [11] в системе стратегического мышления и приводит к повторению уже ранее совершавшихся ошибок [41].

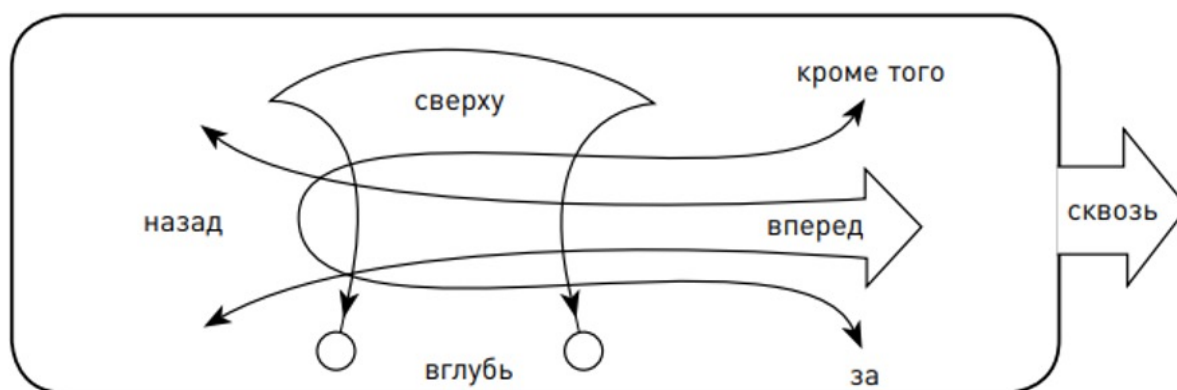

Рисунок 5 – Схема стратегического мышления, представляемой в форме «зрительной системы»

Источник: Mintzberg, H. «Strategic Thinking as 'Seeing.'»(1991)

Комментируя третий постулат школы обучения, где отмечается, что «стратегические инициативы осуществляются теми, у кого есть способности и ресурсы для обучения» [33], следует отметить, что указанные необходимые условия, чтобы они превратились в достаточные, следует дополнить условием желания обучения. Поскольку реализация модели квазимонополистического капитализма в национальной экономике как раз и приводит к тому, что в большинстве случаев у монополистов (на региональных и отраслевых рынках в рамках отечественного пространства) отсутствует такое желание. Ибо положение «царя горы», в соответствии с моделью матрицы General Electric (GE) / McKinsey (победитель №1 – см. рис.6) их вполне устраивает.

Рисунок 6 – Модель матрицы General Electric (GE) / McKinsey

Источник: составлено автором

Это же замечание касается и тезиса, относящегося к третьему постулату школы обучения о том, что «стратегии могут возникать в самых неожиданных местах и самым необычным образом» [33]. Дело в том, что такое возникновение стратегий возможно только при условии свободы формирования «полевых стратегий» [13] на рынке свободной конкуренции, и практически невозможно при формировании «парников стратегий» [12], к которым их создатели, охраняя свою квази-монополию, никого не допускают, особенно когда в основе реализации этих стратегий заложены бюджетные ресурсы государства.

Так, комментируя подготовку Правительством РФ стратегии социально-экономического развития до 2030 года, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Александр Широв заявил, что «в документе (проекте Стратегии-2030 – прим. автора) вообще не упоминаются никакие неправительственные структуры (структуры экспертного сообщества – прим. автора)... есть желание (у правительства – прим. автора) сделать так, чтобы все решения принимались на уровне правительства без внешнего воздействия» [29].

При наличии же достаточной свободы творчества развитие стратегий, согласно третьему постулату школы обучения, происходит в соответствии с алгоритмом, представленным на рис.7.

Рисунок 7 – Алгоритм развития стратегий, согласно третьему постулату школы обучения, при наличии достаточной свободы творчества

Источник: составлено автором

Таким образом, третий постулат школы обучения стратегического менеджмента демонстрирует действие и закона о переходе количественных изменений в качественные, и закона отрицания отрицания.

В-четвертых, роль руководства организации в процессах создания стратегии развития, согласно четвертому постулату школы обучения, «заключается не в попытках заранее представить, какими будут сознательно разработанные стратегии, а в том, чтобы управлять процессом стратегического обучения там, где могут развиваться новые стратегии» [33].

Следует признать, что, несмотря на наличие большого числа институтов развития предпринимательства в Российской Федерации, и даже выделения проблемы развития предпринимательства в самостоятельный национальный проект [34], эффективность их функционирования крайне невелика. И эта проблема связана с тем, что «выделение ростков стратегий» этими институтами производится не на основе принципа поиска вариантов, обеспечивающих достижение максимального социально-экономического эффекта, а на основе принципа кумовства и коррупции, обеспечивающего максимальный учет индивидуальных и групповых коростных целей при распределении бюджетных средств. И даже практика решений, связанных с изменением состава институтов развития и их подчиненности, например [36], диктуются лишь сменой в этой системе групп экономических агентов, также преследующих корыстные цели.

В этой связи приходится констатировать, что в современных условиях в отечественной практике не находит продуктивного воплощения подход, рекомендуемый четвертым постулатом школы обучения, согласно которому, «стратегический менеджмент включает в себя мастерство распознавания трудноуловимых взаимосвязей» [33], представленных на рис.8.

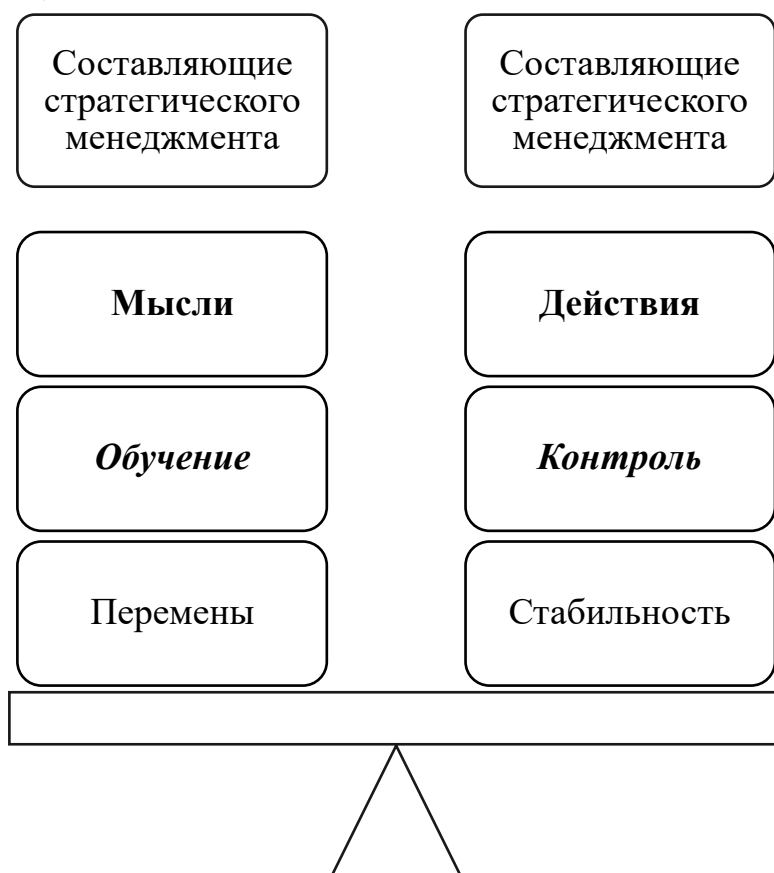

Рисунок 8 – Стратегический менеджмент как мастерство распознавания трудноуловимых взаимосвязей между составляющими.

Источник: составлено автором

Хотя в свое время на уровне Правительства РФ такая задача ставилась АСИ [38]. Но практика решения этой задачи за более чем десятилетний период так и не подтвердила ее эффективность, о чем свидетельствует многочисленная критика [2, 19, 20, 26, 43].

Таким образом, четвертый постулат школы обучения стратегического менеджмента является воплощением закона единства и борьбы противоположностей.

В-пятых, согласно постулатам школы обучения, «стратегии первоначально появляются как схемы действий из прошлого» [33], воплощая закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные. По сути, этот пятый постулат, гласящий, что «схемы действий из прошлого превращаются в планы на будущее» [33], определяющие стратегические перспективы развития, воплощающий закон о переходе количественных изменений в качественные, также сильно коррелирует с принципом преемственности и непрерывности стратегического планирования [44], и является прямой противоположностью распространённой практике стратегического управления, основанной на принципе трех конвертов («вали все на предыдущего», «обещай все», «готовь три конверта»), отрицающем преемственность.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, проведенные исследования позволили с философских позиций проанализировать основные постулаты школы обучения стратегического менеджмента, включая:

Постулат 1 – выработка стратегии развития управляемой системы должна на начальных этапах обрести форму процесса обучения и оставаться таковой до тех пор, пока процессы формулирования стратегии и ее внедрения будут оставаться неразделимыми (воплощающий закон единства и борьбы противоположностей);

Постулат 2 – в процесс обучения при выработке стратегии развития организации должно быть вовлечено как можно больше сотрудников, предполагаемых качестве возможных участников ее формирования (воплощающий закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные);

Постулат 3 – процедура обучения при формировании стратегий носит развивающийся характер (воплощающий закон о переходе количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания);

Постулат 4 – роль руководства организации в процессах создания стратегии развития заключается не в попытках заранее представить, какими будут сознательно разработанные стратегии, а в том, чтобы управлять процессом стратегического обучения там, где могут развиваться новые стратегии (воплощающий закон единства и борьбы противоположностей);

Постулат 5 – стратегии первоначально появляются как схемы действий из прошлого и превращаются в стратегические планы на будущее (воплощающий закон о переходе количественных изменений в качественные).

Показано, что отсутствие соблюдения этих постулатов в отечественной практике часто приводит к низкой эффективности стратегического развития на микро-, мезо- и макроэкономическом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 N 2765-р) (с изм. от 24.12.2021). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения 10.10.2023)
2. «Идиотизм или коррупция?»: Делягин заподозрил АСИ в организации «подставного конкурса». https://tsargrad.tv/news/idiotizm-ili-korrupcija-deljagin-zapodozril-asi-v-organizacii-podstavno-go-konkursa_786849?ysclid=lmr19bt38j142783244 (дата обращения 10.10.2023)
3. Bower, J. L., and Doz, Y. «Strategy Formulation: A Social and Political Process». In D. E. Schendel and C. W. Hofer, eds., *Strategic Management* (Boston: Little, Brown, 1979: 152–166).
4. Braybrooke, D., and Lindblom, C. E. *A Strategy of Decision* (New York: Free Press, 1963).
5. Hardy, C., Langley, A., Mintzberg, H. and Rose, J. «Strategy Formation in the University Setting». *The Review of Higher Education* (6, 1983: 407–433).
6. Hersey, P., & Blanchard, K. H. (1977). *Managing Organizational Behavior: Using Human Resources* (3rd ed.) New Jersey/Prentice Hall. – 536 p.
7. Kiechel, W., III. «Sniping at Strategic Planning». *Planning Review* (May 1984: 8–11).
8. Lindblom, C. E. «The Science of Muddling Through». *Public Administration Review* (19, 2, 1959: 79–88).
9. Lindblom, C. E. *The Policy-Making Process* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968).
10. Mintzberg, H. «Research on Strategy-Making». *Proceedings of the 32nd Annual Meeting of the Academy of Management* (Minneapolis, 1972).
11. Mintzberg, H. «Strategic Thinking as ‘Seeing.’» In J. Nasi, ed., *Arenas of Strategic Thinking* (Foundation for Economic Education, Helsinki, Finland, 1991).
12. Mintzberg, H., and McHugh, A. «Strategy Formation in an Adhocracy». *Administrative Science Quarterly* (30, 1985: 160–197).
13. Mintzberg, H., Taylor, W. D., and Waters, J. A. «Tracking Strategies in the Birthplace of Canadian Tycoons: The Sherbrooke Record 1946–1976.» *ASAC Journal* (1, 1, 1984: 11–28).
14. Peters, T. H., and Waterman, R. H., Jr. *In Search of Excellence* (New York: Harper & Row, 1982).
15. Quinn, J. B. «Managing Strategic Change». *Sloan Management Review* (Summer 1980b: 3–20).
16. Quinn, J. B. «Strategic Change: ‘Logical Incrementalism.’» *Sloan Management Review* (Fall 1978: 7–21).
17. Quinn, J. B. *Strategies for Change: Logical Incrementalism* (Homewood, IL: Irwin, 1980a).
18. Wrapp, H. E. «Good Managers Don’t Make Policy Decisions». *Harvard Business Review* (September–October 1967: 91–99).
19. Агентство стратегических инициатив: КПД ниже 50%, но виноваты чиновники. https://kapital-rus.ru/articles/article/agentstvo_strategicheskikh_iniciativ_kpd_nizhe_50_no_vinovaty_chinovniki/?ysclid=lmr17fg8vq218957546 (дата обращения 10.10.2023)
20. АСИ не справилось со стратегическим заданием Путина. Агентство распиаренных инициатив. <https://www.mk.ru/economics/2020/06/01/asi-ne-spravilos-so-strategicheskim-zadaniem-putina.html?ysclid=lmr14jaho8382797645> (дата обращения 10.10.2023)
21. Беляков Е. Страна несбывшихся программ: почему провалилась Стратегия-2020? <https://www.kr.ru/daily/27053.7/4119288/> (дата обращения 10.10.2023)
22. Ведерина Е. Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития. Теперь вместо стратегии правительство готовит «широкий перечень новых инициатив». <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/05/13/869660-ekonomisti-raskritikovali> (дата обращения 10.10.2023)
23. Воронин Ю. Движение без целей: почему провалилась «Стратегия-2020». <https://newizv.ru/news/2019-11-21/dvizhenie-bez-tseley-pochemu-provalilas-strategiya-2020-297209> (дата обращения 10.10.2023)

10.10.2023)

24. Гальчева А. Концепция развития России до 2020 года оказалась невыполнимой. Почему разошлись траектории национальных целей 2008 года и фактического развития страны <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/5db946fb9a794742bc0d5b68> (дата обращения 10.10.2023)

25. Гегель Г. Наука логики: [Перевод] / Г. В. Ф. Гегель; [Вступ. ст. Е. С. Линькова]. - СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1997. - 799 с.

26. Теория и практика Оправдывает ли Агентство стратегических инициатив свое название. <https://lenta.ru/articles/2020/10/01/asi/> (дата обращения 10.10.2023)

27. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. — 1-е изд.—М., 1928.— 287с.

28. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. УТВЕРЖДЕНА распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcygytfmGzrnAX.pdf> (дата обращения 10.10.2023)

29. Кошкина А., Рубченко М. Правительство готовит новую стратегию социально-экономического развития. Среди приоритетов — «агрессивное развитие инфраструктуры». <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/02/856382-pravitelstvo-gotovit-novuyu-strategiyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения 10.10.2023)

30. Кризис входит в привычку. ВБ вновь отложил выход мировой экономики из режима восстановления. <https://www.kommersant.ru/doc/6029012> (дата обращения 10.10.2023)

31. Лебедев Д., Нелюбин Забытая стратегия для роста. Как десятилетний план развития страны оказался никому не нужен. <https://www.fontanka.ru/2020/12/29/69668476/> (дата обращения 10.10.2023)

32. Мельников А. «Мертворожденная» Стратегия-2030. Что мешает власти представить образ России через 15 лет? https://kapital-rus.ru/articles/article/mertvorozhdennaya_strategiya2030_chno_meshaet_vlasti_predstavit_obraz_rossii/ (дата обращения 10.10.2023)

33. Минцберг Г. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / Генри Минцберг, Брюс Альстранд, Жозеф Лампель; Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2013. - 367 с.

34. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения 10.10.2023)

35. Почему провалилась разработка Стратегии-2030, и кто же завершит работу над ошибками? <http://zanostroy.ru/news/2022/08/29/1146.html> (дата обращения 10.10.2023)

36. Правительство ликвидирует восемь институтов развития. <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fba79a09a7947161eff96ae> (дата обращения 10.10.2023)

37. Путин объявил о начале военной операции по защите Донбасса. <https://lenta.ru/news/2022/02/24/operation/> (дата обращения 10.10.2023)

38. Распоряжение Правительства РФ от 11 августа 2011 г. N 1393-р «Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/55183153/> (дата обращения 10.10.2023)

39. Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021г. №2816-р. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030г. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402792803/> (дата обращения 10.10.2023)

40. Серебряный И. Стратегия 2030: как ни садись... <https://expert.ru/2021/05/17/strategiya-2030-kak-ni-sadis/> (дата обращения 10.10.2023)

41. Тебекин А.В. Взгляд «назад» как фундамент стратегического развития управляемых социально-экономических систем. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. №2(54). С. 123-137.

42. Тебекин А.В., Тебекин П.А. Влияние школ стратегического менеджмента и маркетинга на современное развитие подходов к управлению. // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2019. №3. С. 14-23.

43. Теория и практика. Оправдывает ли Агентство стратегических инициатив свое название. <https://lenta.ru/articles/2020/10/01/asi/?ysclid=lmr0zy0avb289949753> (дата обращения 10.10.2023)

44. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения 10.10.2023)

Using the postulates of the school of strategic management training in the interests of developing the organization's personnel, taking into account the challenges of the 21st century

Tebekin Alexey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow State

University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

E-mail: Tebekin@gmail.com

Annotation. The relevance of the presented research lies in the fact that given that the development of the economy is carried out in a spiral in accordance with the dialectical philosophy of G. Hegel, and also that the length of one turn of this spiral in accordance with the large cycles of economic activity of N. Kondratiev is approximately half a century (50 years), it is of interest to consider the key provisions of the schools of strategic management that were formed by the 1970s, in the interests of their use in modern conditions to overcome the current global economic crisis of the 2020s, which has become protracted. The purpose of the presented research is to examine from a philosophical perspective the postulates of Charles Lindblom's school of strategic management education, which was formed on the eve of the global economic crisis of the 1970s, in order to find ways to use them to formulate management strategies aimed at effectively overcoming the global economic crisis that arose in the new the spiral of economic development in the 2020s and the development of a personnel training system taking into account the challenges of the 21st century. The scientific novelty of the results obtained lies in the study of the five key postulates of the school of strategic management education through the prism of the implementation of the basic laws of dialectics in modern conditions and the formulation of proposals for the development of a personnel training system taking into account the challenges of the 21st century. The practical significance of the results obtained in the work lies in the possibility of using the proposed recommendations for the implementation of the basic postulates of the school of education in modern crisis conditions to increase the effectiveness of strategic development.

Keywords: use of postulates, school of training, strategic management, development interests, personnel training system, challenges of the 21st century.

Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть II

Медведев Илья Витальевич

младший научный сотрудник

Институт экономики РАН, Центр постсоветских исследований, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ilya13092@yandex.ru

Аннотация. Развитие интеграционных проектов постсоветского пространства (ПСП) на современном этапе сталкивается со все новыми вызовами в условиях конкуренции на нем глобальных и региональных центров экономического притяжения в лице США, Евросоюза, Китая и Турции, что актуализирует исследование перспектив интеграционных проектов новых независимых государств (ННГ). Целью настоящего исследования является уточнение контуров дальнейшего развития региональной кооперации через обобщение и сравнительный анализ теоретических подходов к интеграции ПСП с выделением возможной оптимальной модели кооперации ННГ. Для достижения указанной цели работа разделена на два блока которые обусловлены задачами исследования. Первая часть работы сфокусирована на проведении ретроспективного анализа региональной кооперации ПСП в контексте используемых теорий и подходов к региональной интеграции. Вторая часть исследования посвящена сравнительному анализу используемых подходов к региональной кооперации ННГ с целью выявить перспективные модели региональной кооперации в условиях внешнего санкционного давления. В исследовании проводится обобщение некоторых закономерностей в контексте интеграции ПСП и анализ этапов развития постсоветской интеграции в контексте российской концепции поворота на восток. Производится разграничение между фрагментацией и регионализацией постсоветского пространства. Делается вывод, что хотя европейский опыт и продолжает использоваться в проектировании постсоветской интеграции, его применимость существенно ограничена фактором суверенитета, сильной дифференциацией участников по уровню экономического развития, стремлением стран-участниц проводить многовекторную политику. В современных условиях фрагментации и регионализации постсоветского пространства все большую актуальность обретает поиск собственной модели региональной кооперации, которая бы отвечала новым требованиям постсоветской интеграции и адаптации экономики России к внешним вызовам.

Ключевые слова: интеграция, ЕАЭС, СНГ, ЕС, национальные интересы, суверенитет, «Пояс соседства» России.

JEL codes: F13, F15, F53

Для цитирования: Медведев, И.В. Интеграционные проекты «пояса соседства» России в контексте фрагментации и регионализации постсоветского пространства: часть 2/И.В. Медведев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.80-91. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 29.02.2024)

Перспективы развития региональной интеграции на постсоветском пространстве: несовершенная копия или собственная модель?

Чтобы избежать слишком широкой трактовки термина региональная интеграция, целесообразно начать с более подробного раскрытия сути этого определения. В отечественной научной литературе под региональной интеграцией часто понимается процесс укрепления региональной сплоченности и взаимозависимости посредством институционализации сотрудничества на межгосударственном или наднациональном уровне в различных областях и в интересах как государственных, так и негосударственных акторов, протекающий в рамках региональной подсистемы международных отношений, где интеграция опирается на заключение межгосударственных соглашений и формирование институтов сотрудничества [1].

Здесь важно подчеркнуть, что в отличие от международных организаций, которые как правило, занимаются одной сферой общественной жизни (прим. МВФ — валютными отношениями,

МАГАТЭ — ядерной энергетикой, ОПЕК — нефтью и т.п.) региональные объединения всегда имеют политическую и экономическую составляющую, а также распространяют свою деятельность на другие области — право, экологию, миграцию населения, науку и технику, образование [2]. Примерами таких интеграционных объединений могут выступать ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и другие.

В зарубежной научной литературе дается схожее определение, где региональная интеграция, по сути, представляет собой широкое пересечение экономических, политических и социальных процессов, где государства пытаются согласовать свои интересы посредством межгосударственных соглашений [3]. В одном из докладов, посвященных оценке и измерению региональной интеграции Азиатский банк развития определяет региональную интеграцию не просто как узко экономический феномен, а гораздо более широкое явление, включающее также политические, социальные и технологические аспекты, что предполагает не только снижение барьеров для торговли, инвестиций и других видов трансграничной экономической деятельности, но и содействие сотрудничеству в других областях. Таким образом, предпосылки для успешной интеграции включают в себя как экономические, так и неэкономические факторы [4]. Некоторые авторы продолжают данную идею, где усиление взаимозависимости между странами при региональной интеграции будет приводить к углублению экономической и финансовой интеграции и появлению общих наднациональными институтами [5].

Таким образом современные вызовы интеграционным процессам ПСП обусловлены множеством составляющих. Взглянув на этапы развития интеграционных проектов ПСП можно выделить следующие основные факторы, препятствующее постсоветской интеграции: во-первых, низкий уровень взаимозависимости экономик, вызванный распадом единого технико-экономического комплекса с последующей примитивизацией производства в условиях жесткой глобальной конкуренции; во-вторых, несовпадение заявленных целей интеграции с уровнем экономического развития стран-участниц интеграционных процессов, что особенно заметно на примере проблем заимствования европейского опыта с целью создания аналога Евросоюза на ПСП. В определенной степени проблема форсирования интеграции продолжает оставаться актуальной на примере ЕАЭС, который на современном этапе развития является скорее номинальным экономическим союзом и по всем признакам более близок к ЗСТ интеграционного типа с создающимися наднациональными органами; в-третьих, политическая нестабильность, вызванная последней волной протестов и революций в странах СНГ в 2018-2022 г.; в-четвертых, слабость региональных институтов и их постепенное упрощение в сравнении с первоначальными планами создания единого экономического пространства; в-пятых рекомендации международных финансовых организаций, которые играют существенную роль в проводимой макроэкономической политике ННГ. Эти факторы определяют, до какой степени участники интеграции будут готовы поддерживать интеграционные процессы с перспективой создания наднациональных органов. В таблице 2 приводится классификация факторов по двум критериям: характер интеграции (экономический, технологический, финансовый и политический) и масштаб (национальный и региональный).

Таблица 1 – Факторы, препятствующее интеграции ПСП.

Масштаб	Характер			
	экономический	технологический	финансовый	политический
Национальный	Примитивизация производства, многовекторная экономическая политика	Технологическая зависимость от импорта высокотехнологичной и наукоемкой продукции и продукции с высокой степенью обработки.	Зависимость национальных экономик от притока иностранных инвестиций.	Политическая нестабильность интегрирующихся стран-участниц

Масштаб	Характер			
	экономический	технологический	финансовый	политический
Региональный	Слабая взаимозависимость национальных экономик, сильная дифференциация участников по уровню экономического развития	Относительно слабое взаимодействие и реализация совместных проектов между субъектами интегрирующегося рынка	Сильное влияние рекомендаций международных финансовых организаций на проводимую политику ННГ	Неадекватная институционализация, несовпадение заявленных целей с объективными условиями интеграции

Источник: составлено автором

Перечисленные факторы обуславливают поиск модели кооперации, которая отвечала бы специфике интеграционного процесса ПСП. Учитывая все нарастающую актуальность концепции интеграции в условиях разнонаправленных интересов ННГ, их сильной дифференциации и проблем сопряжения существующих интеграционных проектов, актуализируется исследование успешного опыта выстраивания интеграции в схожих условиях, которая имела бы больший успех в сравнении с интеграционными проектами Африки и Южной Америки. В зарубежной научной литературе и аналитических отчетах нарастает интерес к интеграционным процессам АТР и к феномену интеграции АСЕАН, в частности. Стабильная положительная динамика во взаимной торговле между странами-участницами, показанная в зарубежных исследованиях [1] и публикациях аналитических агентств [2] и ЕЭК [3], ставят АСЕАН на второе место после ЕС по основным показателям интеграции. Опыт АСЕАН представляет собой специфичную модель регионализма, что подчеркивается рядом исследователей. В целях уточнения перспектив развития взаимодействия между ННГ обозначим основные институциональные различия между европейской и евразийской интеграцией, а также модель интеграции АСЕАН (таблица 3).

Таблица 2 – Сравнительная региональная институционализация в ЕЭС-ЕС, ЕвразЭС-ЕАЭС и АСЕАН.

Организации	Старт региональной интеграции	Начало функционального расширения	Трансформация	Разнообразие наднациональных органов (общий регулирующий орган, суд, парламент, межпарламентская ассамблея, орган денежно-кредитной политики)	Управление интеграцией
ЕЭС-ЕС	1948	1952	1957-1993	Еврокомиссия Суд ЕС Европейская парламент ЕЦБ	Существенная степень централизованности при выработки единой экономической (промышленной, сельскохозяйственной, налогово-бюджетной, социальной, таможенной, валютной, денежно-кредитной и т. д.),

Организации	Старт региональной интеграции	Начало функционального расширения	Трансформация	Разнообразие наднациональных органов (общий регулирующий орган, суд, парламент, межпарламентская ассамблея, орган денежно-кредитной политики)	Управление интеграцией
					военной, внешней, культурной политики.
ЕврАзЭС-ЕАЭС	2001	2007	2001-н.в.	ЕЭК Суд ЕАЭС	Централизованная таможенно-тарифная политика. Межправительственный подход по вопросам внешнеэкономической сферы.
АСЕАН	1967	1970	1968-н.в.	отсутствуют	Встречи глав государств, правительств и министерств. При принятии решений по вопросам углубления сотрудничества в экономической и внешнеэкономической сферах приоритет отдается коллективным интересам над индивидуальными интересами государств-членов

Источник: составлено автором

Одним из ключевых отличий европейской интеграции от специфики евразийских интеграционных процессов в рамках функциональной теории является соблюдение основного принципа постепенности, требующий последовательной передачи суверенных полномочий международным органам и организациям, где объем и характер общественно полезных функций, перешедших в ведение наднациональных органов, выступает основным критерием процесса интеграции [4]. Одними из первых предпосылок к Европейской интеграции стали проекты экономической реконструкции Европы в рамках созданной в 1948 году ОЭСР, последующее создание отраслевого объединения угля и стали и появление в рамках объединения первых наднациональных институтов являло собой функциональное расширение организации, что дало импульс к началу трансформации интеграционного объединения. Создание в 1958 ЕЭС и ЗСТ между странами участницами ознаменовало постепенную трансформацию организации в Таможенный, а затем и в Экономический Союз, с последующим доразвитием новых наднациональных органов регулирования в лице Европейского Центрального Банка и расширения торгового сотрудничества с третьими странами с применением межправительственного подхода в рамках Соглашений об ассоциации с Европейским союзом.

Евразийская интеграция происходила и происходит в условиях фрагментации постсоветского

пространства, разнонаправленности интересов ННГ и асимметричности интеграционных проектов, что сразу делает невозможным практическую реализацию базового принципа европейской интеграции с постепенным переходом к более глубоким формам экономического и политического сотрудничества. Формальным началом евразийского направления региональной интеграции является появление в 2001 году ЕврАзЭС, который был ориентирован на экономическую целесообразность интеграции, что являлось одной из отличительных черт в сравнении с другими интеграционными проектами ПСП начала 2000-х (ЦАС, ГУАМ). В определенной степени началом функционального расширения организации может служить создание единой таможенной территории и формирование Таможенного союза в рамках Соглашения от 2007 г. [5], которое фактически обозначило создание ЗСТ между Россией, Беларуссией и Казахстаном, и что в свою очередь послужило основанием для создания вненациональных органов регулирования таможенно-тарифной политики в лице Комиссии ТС которая в 2015 была преобразованной в ЕЭК.

В отличие от наднациональных институтов ЕС, деятельность органов регулирования ЕврАзЭС и ЕАЭС носит в большей степени формальный характер, что подтверждается исследованиями деятельности суда ЕАЭС, который создавался с оглядкой на Европейский Суд, но при этом является самостоятельным органом, осуществляющим свою деятельность только с одобрения Высшего совета [6]. Определенные вопросы вызывает, и классификация ЕЭК как наднационального института, деятельность которого строго ограничена вопросами таможенно-тарифного регулирования. Сохранение незначительной доли взаимной торговли от общего ВВП ЕАЭС в связи со слабой вовлеченностью России обуславливают чрезмерную институционализацию ЕАЭС на фоне слабого взаимодействия между участниками интеграции. Создание регионального парламента оказалось нереализуемым даже в формате СГРБ, где существовали объективные предпосылки к углублению интеграции. Планы по созданию единой валюты и общего регулятора денежно-кредитной политики в странах ЕАЭС в большей степени являются концептами [7].

Современные тренды развития России и интеграционных проектов постсоветского пространства: от фрагментации к регионализации.

Если делать некий промежуточный вывод о современном состоянии евразийской интеграции, то можно отметить, что она продолжает опираться преимущественно на дальнейшее развитие регуляторных функций интеграционных объединений в сферах свободного движения товаров, услуг и рабочей силы, которые по большей части исчерпали свой потенциал, что видно из товарооборота и структуры торговли России с некоторыми объединениями за последние 5 лет.

Таблица 3 – Товарооборот России с интеграционными группировками (млрд долл. США).

Группа стран	2018	2019	2020	2021	2022 ¹
ЕС-27	280,6	260,6	192,5	282,5	258,6
БРИКС	125,4	127,9	118,3	163,6	230,1
СНГ	82,5	82,1	75,1	98,2	72,6
ЕАЭС	56,1	57,3	51,7	69,5	78,5

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

По указанным данным можно проследить, что внешнеторговые приоритеты российских компаний по-прежнему сконцентрированы на третьих странах вне ЕАЭС и СНГ. В частности, можно увидеть спад торговли России со странами ЕАЭС и СНГ по следующим группам в период с 2021 по 2022 год.

Здесь необходимо подчеркнуть, что хотя взаимная торговля России со странами ЕАЭС и СНГ, согласно приведенным данным, значительно сократилось, стоит учитывать обстоятельства, связанные с временным закрытием статистики внешней торговли России, равно как увеличение параллельного

¹ Здесь и далее данные за 2022 приводятся на основании зеркальной статистики

импорта по многим товарным группам и в особенности высокотехнологичного оборудования, которая не учитывается в статистике. По альтернативным данным, например, Правительства РФ, указывается рост товарооборота между Россией и ЕАЭС до 80 млрд. долларов [9] и СНГ до 100 млрд. по итогам 2022 года [10].

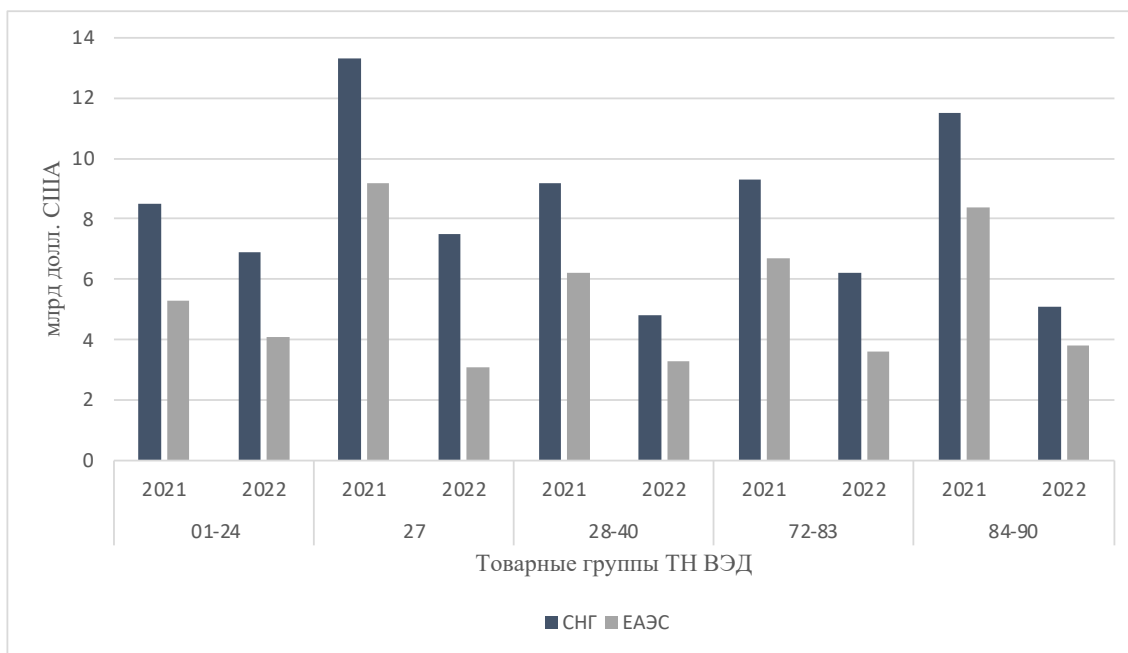

Рисунок 1 – Динамика экспорта РФ в страны СНГ и ЕАЭС по основным товарным группам ТН ВЭД за период 2021-2022 г. (в млрд долл. США).

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

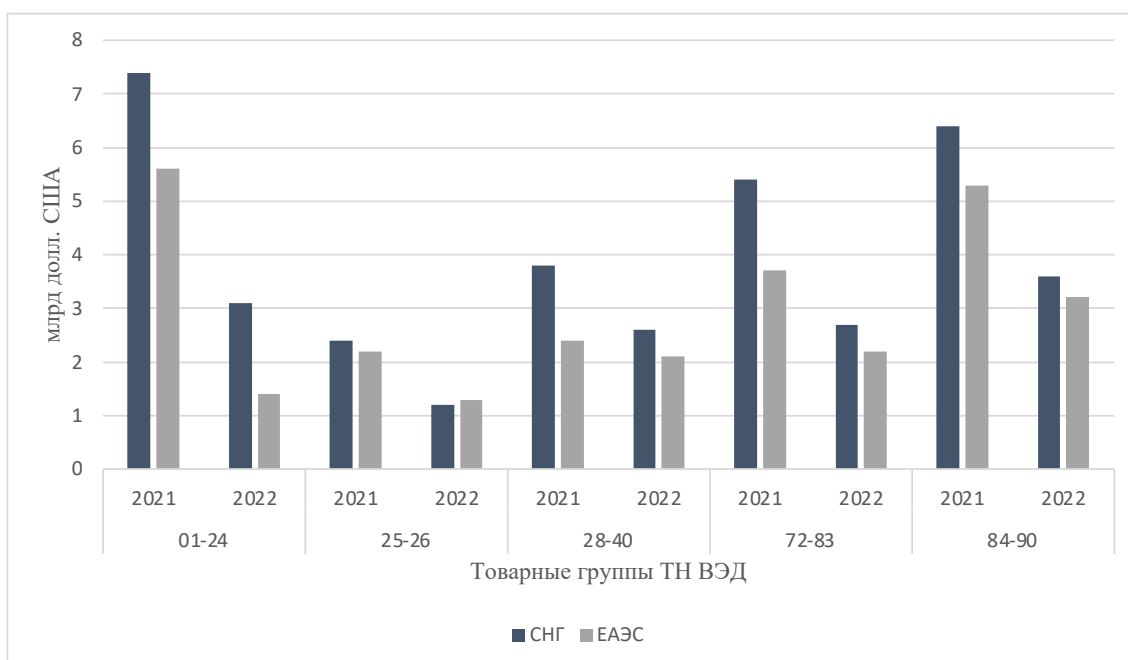

Рисунок 2 – Динамика импорта РФ из стран СНГ и ЕАЭС по основным товарным группам ТН ВЭД за период 2021-2022 г. (в млрд долл. США).

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

Наиболее ярко в 2022 обозначился тренд, связанный с активным поворотом России на восток. Так, можно увидеть значительное увеличение роли Азии и стран БРИКС в торговле с Россией что подтверждается наращиванием экспорта энергоносителей в связи с трансформацией глобальных и

региональных энергорынков. Резкое увеличением стоимости энергоносителей обусловило динамику торговли с Евросоюзом по 27 товарной группе в 2022 году.

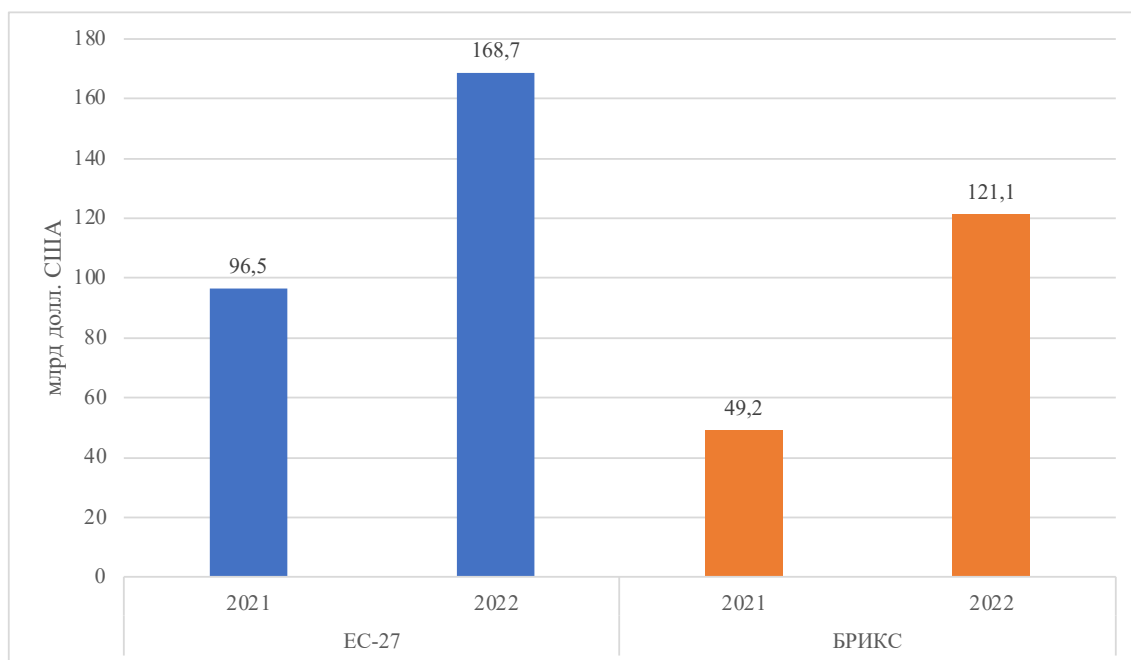

Рисунок 3 – Динамика экспорта РФ в страны ЕС-27 и БРИКС по ТН ВЭД (Товарная группа 27, млрд долл. США) за период с 2021 по 2022 год

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

К основным причинам такого рекордного скачка стоит отнести прежде всего введение всеобъемлющих санкций и, в связи с этим значительное удорожание энергоносителей, который обозначается как «ловушка большой страны» [11]. Параллельно с этим в 2022 году происходит сжатие импорта по основным товарным группам и особенно по машинам и оборудованию.

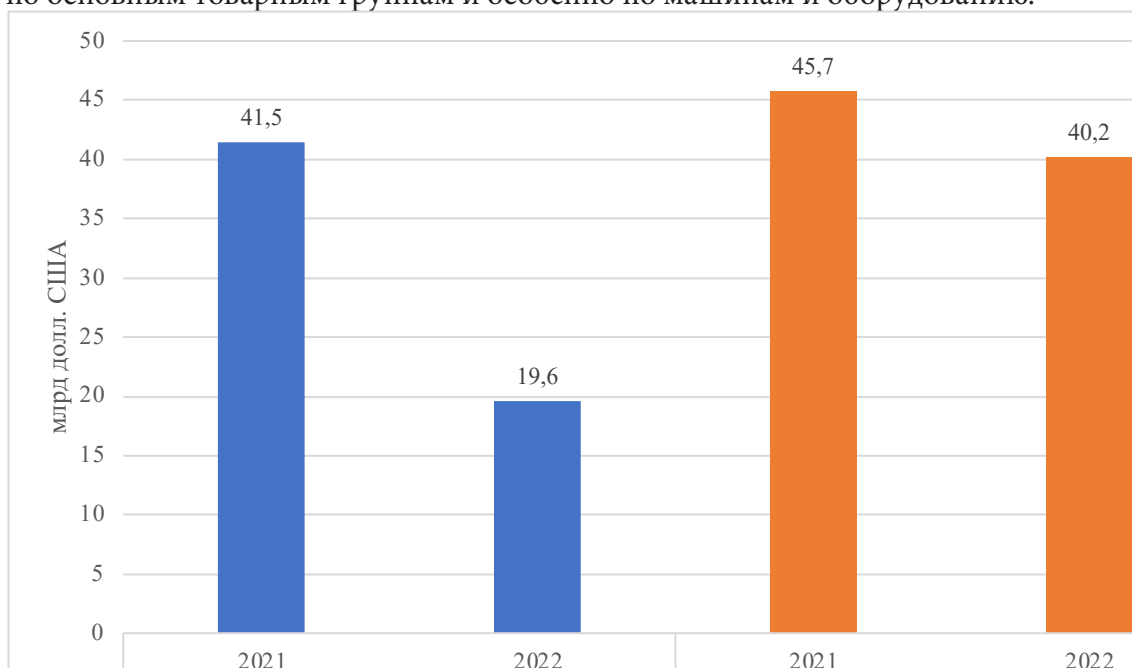

Рисунок 4 – Динамика импорта в РФ из стран ЕС-27 и БРИКС по ТН ВЭД (Товарная группа 84-90, млрд долл. США) за период с 2021 по 2022 год

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

Падение продолжилось и в 2023 году: так, по данным ФТС, за девять месяцев 2023 года произошло

70% сокращение (с \$216,7 млрд до \$65,3 млрд) экспорта РФ в страны Евросоюза, падение импорта составило 10% (\$59,2 млрд). Доля Азии за январь-сентябрь 2023 года составляет 70% товарооборота с Россией [12]. Изменились и основные торговые партнеры России со значительным усиление роли КНР, Индии и Турции.

Таблица 4 – Ведущие страны по росту экспорта/ импорта России за 2021-2022 год (млрд долл. США).

	Китай			Индия			Турция		
	2021	2022	Δ в %	2021	2022	Δ в %	2021	2022	Δ в %
Импорт	2,7	6,7	5,5	4,4	2,9	- 34,1	6,5	9,3	43,1
Экспорт	8,6	14,2	6,5	8,7	40,6	366,7%	26,4	58,9	123,1

Источник: составлено и рассчитано автором по [8]

Перечисленные тренды актуализируют развитие интеграционных проектов «поояса соседства» России, которые неразрывно связаны с процессами регионализации, представляющие собой выделение из постсоветского пространства международного региона с одновременной структурной и технологической трансформацией экономик входящих в него стран.

При этом сам международный регион одновременно является транснациональным и трансграничным [13]. В первом случае транснациональные регионы включают государства, связанные в политическом или экономическом отношениях, которые институализированы международными договорами (ЕС, СНГ, ШОС, АСЕАН и БРИКС). Трансграничный регион отличается тем, что создается в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или, в случае социально-культурных регионов, включает близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей. Именно эти составляющие и опосредуют особенности процессов регионализации ПСП.

К самим особенностям регионализация постсоветского пространства можно отнести то, что оно осуществляется в условиях двух разнонаправленных процессов: глобализации и фрагментации, - которые выражены в развитии мировых финансовых рынков, транснациональных компаний и различного рода международных сетей с одновременным развитием новых форм организации и управления экономической деятельностью.

Делая небольшую ремарку сам термин «фрагментация» был предложен Д. Розенау при анализе региональных особенностей современных процессов глобализации. Основной тезис заключается в том, что несмотря на тенденцию к унификации и стандартизации международной экономической активности, слияния экономических потенциалов для обеспечения большей конкурентоспособности и извлечения большей выгоды от интеграционных процессов, параллельно осуществляется и процесс фрагментации в других областях взаимодействия. При этом сам процесс фрагментации является взаимообусловленным и взаимосвязанным [19].

Одновременно с этим сам термин «фрагментация», конечно, не совсем однозначный и достаточно сложно определить, и разграничить фрагментацию и дезинтеграцию, так как по многим критериям эти два явление схожи. В данном исследовании понятие фрагментации связывается с деформацией институтов интеграции², которые находят свое отражение в соответствии с гипотезой о жизненном цикле наднациональных институтов [21].

К самим субрегиональным объединениям, которые рассматривались в рамках СНГ, в некоторых публикациях выделяются такие объединения, как ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕАЭС и ОДКБ. Здесь, конечно, стоит оговорится что на современном этапе подобная классификация является не совсем точной, так как, будучи ядром евразийской интеграции, тот же ЕАЭС выделился в самостоятельное объединение, равно как и само понятие субрегиона стало связано с процессом

² Под деформацией института мы понимаем изменение взаимного положения институтов экономической системы, которое вызывает искажение их первоначальной формы – по аналогии с деформацией физических тел [20].

формирования внутри интеграционных объединений целевых субрегионов как мест совместной деятельности в рамках соглашений между несколькими государствами, участвующими в более крупных региональных объединениях, что стало знаменовать тот самый переход от процессов фрагментации к регионализации постсоветского пространства. Так, например, союзное государство России и Белоруссии все чаще рассматривается именно в связке с ЕАЭС в качестве инновационного субрегиона.

Отдельно хотелось бы привести в качестве примера доклад Центра постсоветских исследований, затрагивающий вопросы развития экономического сотрудничества между ЕАЭС, СНГ и ШОС в Каспийском регионе как субрегионального образования, где при ярко выраженных национальных интересах России и других стран произошло усиление влияния общих интересов, обусловленных сотрудничеством государств, которое дополняется горизонтальным взаимодействием между компаниями и некоммерческими организациями [16].

Вместе с этим, несмотря на все то многообразие существующих форматов экономического сотрудничества, которые различаются по своему содержанию и глубине интеграции, пожалуй, будет правильным сказать, что во всех случаях внешнеэкономические и интеграционные приоритеты и межгосударственное сотрудничество, как правило, определялись потребностями национальных экономик. Иными словами, среди новых независимых государств именно экономика обуславливала проводимую политику. Хотя в условиях текущей политической конъюнктуры будет справедливо утверждать и обратное.

Заключение.

Переходя к основным выводам, можно выделить следующие основные положения. Дальнейшая региональная кооперация и сопряжение интеграционных проектов видится в совместном преодолении тех проблем, которые являли собой причину процессов фрагментации. Исходя из этого тезиса, дальнейшее развитие лежит в сфере расширения региональных торговых соглашений в рамках концепции евразийской сети зон свободной торговли, что обусловлено значительно возросшей ролью Азии в условиях переориентации торговых потоков (Актуализация отношений с АСЕАН с которыми заключены ЗСТ, в частности, с Вьетнамом и Сингапуром).

Отдельным пунктом стоит вынести развитие международных транспортных коридоров, что является особенно актуальным в условиях продолжающейся адаптации российской экономики и повсеместное использование механизмов параллельного импорта как временного решения проблемы импортозамещения наукоемкой продукции.

Это, в свою очередь, увеличивает важность кредитно-инвестиционных или неpreferенциальных моделей сотрудничества, которые представлены совместными инфраструктурными проектами в субрегионах, где наличествуют общие интересы между странами, которые зачастую входят сразу в несколько объединений и проводят многовекторную политику.

С точки зрения повышения синергетического эффекта от участия ННГ в процессах евразийской регионализации целесообразно рассматривать упомянутые ранее объединения как складывающуюся неформальную систему, т.к. СГ, ЕАЭС, СНГ дополняют друг друга, как по страновому охвату, так и по институтам регионализации, и особую важность для развития этих объединений начинают приобретать ШОС и планируемое на 2024 год расширение БРИКС, что актуализирует важность изучения сопряжения интеграционных проектов ПСП и новых участников БРИКС, многие из которых являются перспективными торговыми партнерами России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // *Мировая политика*. 2019. № 1. С. 1-13. DOI: 10.25136/2409-8671.2019.1.28870
2. Буторина О.В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис*, 2005. № 3 (13). С.136-145.
3. Dar Z. Regional Integration Regional Integration as a Concept for Economic, Social and Political Development? // *Jacobs University Bremen*. 2018. P. 1-11.
4. A New Multi-Dimensional Framework for Analyzing Regional Integration: Regional Integration Evaluation (RIE) // *Asian Development Bank*. 2010 [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/new-multi-dimensional-framework-analyzing-regional-integration-regional-integration> (дата обращения 11.02.2024)
5. Fioramonti L. The Evolution of Supranational Regionalism: From Top-down Regulatory Governance to Sustainability Regions? // *UNU-CRIS Working paper*. 2014. [электронный ресурс] Режим доступа: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/W-2014-2.pdf> (дата обращения 11.02.2024)
6. Salim, Ruhul & Kabir, Shahriar. 2007. Success of ASEAN Regional Integration on Intra-regional Trade: A Comparative Study with EU's Trade Integration.
7. Re-Thinking ASEAN Integration: European Precedents and Southeast Asian Futures [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asiahouse.org> (дата обращения 22.04.2023).
8. Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС // *ЕЭК* [электронный ресурс] Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka_-_rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf (дата обращения 22.04.2023).
9. Бахлова О.В. Функциональная модель интеграции: теоретико-концептуальные основы и практическая реализация // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2008. № 7.
10. «Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» (подписан в г. Душанбе 06.10.2007) [СПС Консультант] (дата обращения 01.06.2023).
11. Иксанов И.С., Косырев И.Ю. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности суда евразийского экономического союза // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. №5. С. 6-12.
12. Медведев И.В. Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования // *Теоретическая экономика*. 2023. №9 (105). С 79-89.
13. ITC Trade map [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.trademap.org/> (дата обращения 13.12.2023).
14. Объем торговли в ЕАЭС в 2022 году вырос на 15% // *ТАСС* [электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/17471009> (дата обращения 13.12.2023).
15. Товарооборот со странами СНГ по итогам года составит \$100 млрд // *Парламентская газета* [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/putin-soobshhil-cto-tovarooborot-so-stranami-sng-po-itogam-goda-sostavit-100-mlrd.html> (дата обращения 13.12.2023).
16. Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. №6. С.34-51.
17. Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов // *ФТС* [электронный ресурс] Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения 13.12.2023).
18. Федоров Г.М., Корнеевец В.С. О сущности и соотношении понятий «Регион», «Международный», «Транснациональный» и «Трансграничный» регион // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2010. №3. С. 8-14.

19. Глазунов И. М. Анализ динамики развития международных процессов в работах Джеймса Розенау // Политическая наука. 2012. № 4. С. 162-178.
20. Медведев И.В. Влияние деформации наднациональных институтов на интеграцию национальных экономик // Вестник ИЭ РАН. 2022. №2. С. 112-130.
21. Медведев И.В. Институциональные основания интеграция национальных экономик: проблема устойчивости наднациональных институтов // Общество и экономика. 2022. №6. С.73-85.
22. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 74 с.

Integration projects of Russia and states of «neighborhood zone» in the context of fragmentation and regionalization of the post-soviet space: part 2

Medvedev Ilya Vitalievich

junior research assistant

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

E-mail: ilya13092@yandex.ru

Annotation. The development of integration projects in the post-Soviet space (PSS) at the present stage is facing ever new challenges in the context of competition among global and regional centers of economic attraction represented by the USA, the European Union, China and Turkey, which actualizes the study of the prospects for integration projects of the newly independent states (NIS). The purpose of this study is to clarify the contours of the further development of regional cooperation through a generalization and comparative analysis of theoretical approaches to the integration of PSP with the identification of a possible optimal model of cooperation in the NIS. To achieve this goal, the work is divided into two blocks, which are determined by the objectives of the study. The first part of the work is focused on conducting a retrospective analysis of PSP regional cooperation in the context of the theories and approaches to regional integration used. The second part of the study is devoted to a comparative analysis of the approaches used to regional cooperation in the NIS in order to identify promising models of regional cooperation in the context of external sanctions pressure.

The study summarizes some patterns in the context of PSP integration and analyzes the stages of development of post-Soviet integration in the context of the Russian concept of turning to the east. A distinction is made between fragmentation and regionalization of the post-Soviet space.

It is concluded that although the European experience continues to be used in the design of post-Soviet integration, its applicability is significantly limited by the factor of sovereignty, strong differentiation of participants by level of economic development, and the desire of the participating countries to pursue a multi-vector policy. In modern conditions of fragmentation and regionalization of the post-Soviet space, the search for our own model of regional cooperation that would meet the new requirements of post-Soviet integration and adaptation of the Russian economy to external challenges is becoming increasingly relevant.

Keywords: integration, EAEU, CIS, EU, national interests, sovereignty, zone of neighboring states (neighborhood zone).

Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статья 2)

Берендеева Алла Борисовна

доктор экономических наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация

E-mail: abab60@mail.ru

Аннотация. Представлен обзор теоретических концепций, связанных с устойчивым развитием предприятий, компаний. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформации бизнеса рассмотрена во взаимосвязи с концепциями жизненного цикла организации, общественного договора, с теорией систем и трендом к синхронизации процессов, с теорией корпоративной (организационной) устойчивости, теорией управления рисками и концепцией приемлемого риска, концепцией социальной ответственности бизнеса /корпоративной социальной ответственности. Отмечена роль Правительства России, Банка России, госкорпорации ВЭБ.РФ, Российского союза промышленников и предпринимателей в развитии ESG-трансформации российских компаний, роль платформы ИНФРАГРИН, школы управления «Сколково». Дается характеристика рынка финансирования устойчивого развития в России и представленных на нем видов облигаций. Раскрыт отраслевой аспект устойчивого развития и ESG-повестки в документах Правительства РФ, проводимых рейтингах компаний и конкурсах менеджеров. Рассмотрено развитие методологической базы составления ESG-рейтингов и ESG-рэнкингов компаний. На основе данных рейтингового агентства Эксперт на апрель 2023 г. и январь 2024г. сделан сравнительный анализ ESG-рейтингов и рэнкингов российских компаний в разрезе отраслей и подотраслей. Проанализированы компании, входящие в разные рейтинговые диапазоны А, В, С, рейтинги и рэнкинги E, S, G для компаний топ-10 и определена значимость каждой из составляющих. Обозначены подходы к открытости информации компаний, связанной с соблюдением международных стандартов. Отражены факторы, стимулирующие ESG-инвестирование, по данным международных исследований. Раскрыты основные направления деятельности российских компаний по реализации E, S G-аспектов. Показано влияние ESG-повестки компаний на изменение системы корпоративного управления.

Ключевые слова: ESG-факторы, ESG-трансформация бизнеса, ответственное инвестирование, Банк России, ВЭБ, РСПП, платформа ИНФРАГРИН, рейтинговые агентства, ESG-рейтинги и ESG-рэнкинги компаний, методология составления ESG-рейтингов, E, S G-аспекты деятельности компании

JEL codes: F20, F42, O33, Q28, Q38

Для цитирования: Берендеева, А.Б. Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статья 2)/А.Б. Берендеева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С.92-115. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.02.2024)

Введение

В предыдущей статье 1 по тематике устойчивого развития (УР) и ESG мы рассмотрели эволюцию, теоретические аспекты концепции УР, развитие законодательства в данной сфере в Российской Федерации, взаимосвязь УР и ESG-повестки, территориальный аспект УР. В данной статье продолжим развивать данную тематику применительно к отраслям и компаниям.

В современном виде ESG-принципы впервые сформулировал бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, когда он предложил топ-менеджерам крупных мировых компаний включать данные принципы в свои стратегии. Развитие международного права, международных стандартов деятельности компаний в области производства, логистики, экспорта-импорта показывает, что в ближайшем будущем мировые фонды перестанут инвестировать в компании, которые игнорируют принципы УР.

В Климатической доктрине РФ-2023 на микроуровне (уровне организация и домашних хозяйств) предусмотрено решение следующих задач по адаптации и смягчению антропогенного воздействия на климат:

- а) повышения эффективности производства и потребления тепловой и электрической энергии;
- б) повышения топливной экономичности транспортных средств;
- в) ресурсосбережения и энергосбережения, повышения энергоэффективности объектов производственного и иного назначения, включая снижение потерь энергии и энергоносителей при транспортировке;
- г) повышения энергоэффективности зданий и сооружений, а также развития энергосбережения в быту;
- д) использования погодно-климатических прогнозов для повышения энергоэффективности при реализации мер по адаптации и смягчению антропогенного воздействия на климат;
- е) расширения использования возобновляемых и альтернативных источников энергии с низким уровнем выбросов парниковых газов;
- ж) сбережения и рационального использования лесов, сельскохозяйственных земель [20, п.68].

Разработаны ESG-принципы ведения бизнеса. Так, экологические принципы (E) подразумевают заботу компании об окружающей среде, пути сокращения ущерба, наносимого экологии.

Социальные принципы (S) показывают отношение компании к персоналу, партнерам, поставщикам, клиентам, потребителям. Чтобы соответствовать стандартам, бизнес должен улучшать условия труда, инвестировать в социальные проекты, соблюдать гендерный баланс ит.д.

Управленческие принципы (G) затрагивают качество управления компаниями: прозрачность отчетности, отношения с акционерами, зарплаты менеджмента, антикоррупционные меры, здоровую обстановку в офисах и т.д. [2]

На сайте Банка России обозначены принципы применения ESG-факторов для бизнеса:

- внедрение принципов устойчивого развития на уровне корпоративного управления;
- ESG-факторы не имеют жесткого определения;
- каждая компания самостоятельно определяет существенность ESG-факторов и комплекс действий для достижения высоких показателей;
- оценка на основе рейтингов /рэнкингов, систем сертификации [22].

Банк России направляет рекомендации по учету Советом директоров (наблюдательным советом) публичного акционерного общества (ПАО) факторов, которые связаны с ESG-повесткой: окружающей средой (E-факторы), социальными факторами (S-факторы) и корпоративным управлением (G-факторы). На сайте Банка России (на 22.12.2023г.) представлено 12 документов по концепции УР [22], также они публикуются в «Вестнике Банка России».

Банк России развивает идею ответственного финансирования, которое предполагает учет институциональными инвесторами существенных рисков, связанных с ESG-факторами, при выборе объектов инвестиций и управлении ими (Информационное письмо Банка России от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования»; UN Principles for Responsible Investment (ООН Принципы ответственного инвестирования)). Учет ESG-факторов в процессе ответственного инвестирования позволяет: выбирать эмитентов ценных бумаг, которые более устойчивы, совершенны с точки зрения управления рисками и более доходные в долгосрочной перспективе, разрабатывать стратегию взаимодействия с такими эмитентами ценных бумаг в целях улучшения их результатов в области УР (рис. 1).

В конце 2020г. в Банке России создана Рабочая группа по финансированию устойчивого развития, которая определяет стратегическую повестку по этому направлению и контролирует ее реализацию. В группе – 5 тематических экспертных подгрупп (с участием представителей федеральных органов исполнительной власти, институтов развития, участников финансового рынка, саморегулируемых организаций и науки):

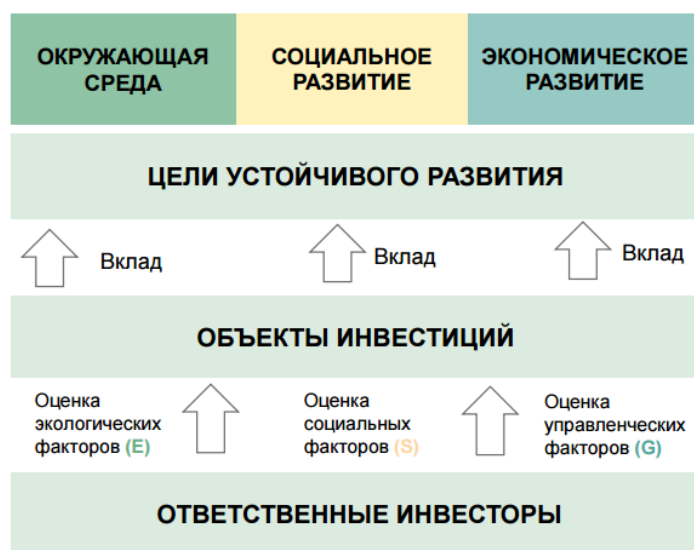

Рисунок 1 – Ответственное инвестирование: инвесторы, объекты [23].

Источник: повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023

- подгруппа 1: по развитию рынка финансовых инструментов инфраструктуры устойчивого развития;
- подгруппа 2: по корпоративному управлению и раскрытию информации;
- подгруппа 3: по экологическим, управленческим, социальным рискам, микро- и макропруденциальному надзору;
- подгруппа 4: по внедрению подходов, способствующих достижению целей устойчивого развития, в операционную деятельность Банка России;
- подгруппа 5: по углеродному регулированию системе торговли углеродными единицами.

В нашей стране принципы ESG постепенно внедряются, прежде всего, в крупных компаниях. Так, крупные российские компании принимают участие в Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, 28-я по счету конференция прошла в декабре 2023 г. в ОАЭ (COP28). Ассоциация менеджеров ежегодно с 2003г. проводит конкурс с вручением премий «Топ-1000 российских менеджеров», где есть номинация «Директор по устойчивому развитию и корпоративной социальной ответственности» [24].

Треть крупнейших банков России уже внедрила в кредитный процесс ESG-оценку компаний, еще 20% планируют это сделать. Это значит, что банки будут тестировать каждого заемщика на соблюдение принципов устойчивого развития [25].

В 2023г. Минэкономики России разработало критерии нефинансовой отчетности для крупных компаний, публикующих отчетность об устойчивом развитии (ESG) с годовой выручкой более 10млрд руб., а также компаний, размещающих облигации устойчивого развития на фондовом рынке. Подобную отчетность могут представить две трети компаний РФ из списка 50 крупнейших, большинство из них относятся к горнодобывающей, металлургической, химической отраслям (в основном – это экспортоориентированные компании), а также к электроэнергетике. С 2023г. компании уже обязаны отчитываться о выбросах парниковых газов, но без требования публиковать эти данные. Банк России: планирует осуществлять мониторинг соблюдения участниками финансового рынка рекомендаций в области устойчивого развития (в том числе присвоения ESG-рейтингов), а по его итогам принимать решение о целесообразности включения ряда рекомендаций в регулирование – это отражено в «Основных направлениях развития финансового рынка на 2024 год и период 2025 и 2026 годов».

Госкорпорация ВЭБ.РФ, которая финансирует значимые для национальной экономики инвестиционные проекты, выделяет 5 ключевых направлений своей стратегии (Промышленность,

Инфраструктура и города, Экспорт, Малое и среднее предпринимательство, Инновации, технологии и ИТ), ставит задачу усиления влияния Группы ВЭБ.РФ на экономику за счет роста объемов поддержки и эффективности привлечения внебюджетных средств. Фокус в выделении средств сделан на технологические приоритеты развития страны, развитие функциональных компетенций, в том числе осуществляется поддержка проектов, связанных с сокращением вреда экологии за счет внедрения наилучших доступных технологий; развитием центров компетенций по «зеленому» финансированию и технологическим прорывам [26].

В Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) приняты Рекомендации РСПП по поддержанию и продвижению повестки УР в современной российской практике [28]. В качестве приоритетов выступают: вопросы климатической повестки, охраны окружающей среды, ресурсосбережения, переработки отходов, формирования новых устойчивых цепочек поставок, развития трудового потенциала и поддержки персонала, взаимодействия с местными сообществами, развития содействующей им системы корпоративного управления [27].

Опросы бизнеса показывают, что на 1 месте стоит развитие кадрового потенциала, далее идут ресурсосбережение, охрана окружающей среды (рис. 2).

Приоритеты ESG-повестки компаний в 2022–2023 гг.

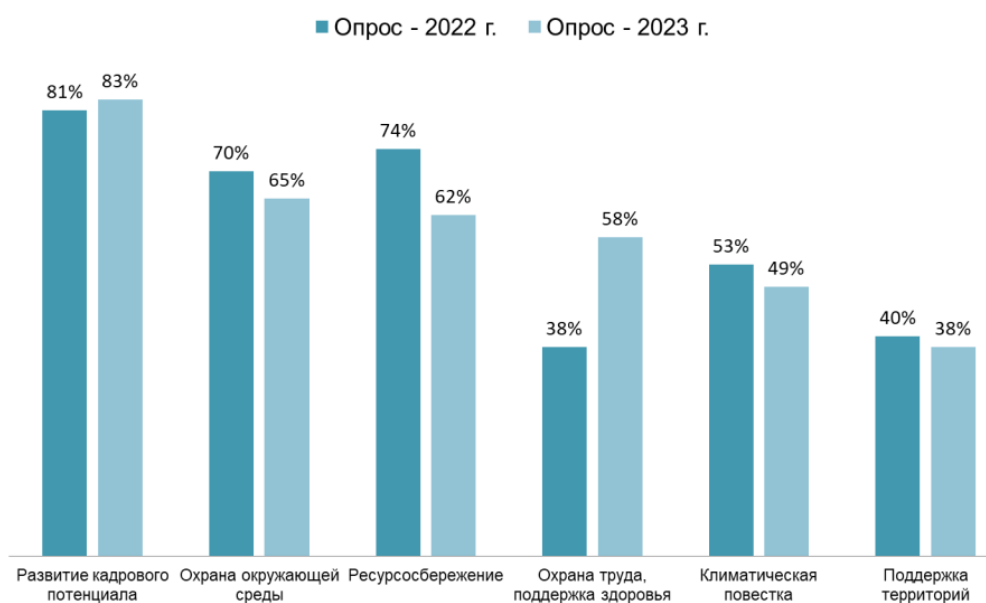

Рисунок 2 – Приоритеты ESG-повестки компаний в 2022-2023 гг. [27, с. 4]

Источник: материалы круглого стола «Устойчивое развитие бизнеса: ESG - трансформация»

С 2008г. в РСПП составлялась и регулярно пополнялась электронная Библиотека лучших корпоративных практик и примеров ответственного бизнеса компаний. А в 2023г. на основе данной электронной библиотеки РСПП издан сборник лучших практик в области УР, где на примере 43 компаний различных отраслей экономики показаны реализуемые корпоративные программы и системы мер в контексте устойчивого развития, его ESG-факторов, направленные на достижение задач нацпроектов и ЦУР ООН-2030 [29].

Открываются рубрики по УР и ESG-повестке в российских СМИ – например, в газете «Ведомости» есть рубрика «Устойчивое развитие» с подразделами: Нацпроекты, Климат, Рейтинги, Экология, Социальные проекты, Корпоративное управление, Зеленые финансы. В газете «Коммерсантъ» данные вопросы отражаются в рубриках: Развитие зеленой энергетики, Деятельность госкорпораций, др.

Актуальность темы ESG-повестки для российских компаний подтверждается переходом в

мировой практике к реализации механизма трансграничного углеродного регулирования (СВАМ – Carbon Border Adjustment Mechanism), международных стандартов нефинансовой отчетности ит.д.

Еврокомиссия опубликовала программу по борьбе с изменением климата «Fit for 55», согласно которой:

определен предварительный переходный период углеродного регулирования будет действовать с 1.01.2023г. до 31.12.2026г. В этот переходный период импортеры должны будут соблюдать требования к отчетности СВАМ;

в 2023 и 2024гг. таможенные органы будут информировать импортеров (перед выпуском товаров) о необходимости отчитываться о выбросах от производства продукции в конце квартала;

в 2025г. импортеры должны будут зарегистрироваться в качестве уполномоченных декларантов СВАМ, прежде чем ввозить соответствующие товары. Если обязательства по отчетности не будут выполнены, будут применяться штрафы (установленные государствами-членами);

с 1.01.2026г. механизм уже будет окончательно утвержден и вступит в силу. До этого времени платежи не предусмотрены, но импортеры обязаны будут ежеквартально предоставлять соответствующие отчетности о выбросах

с 2027г. представители бизнеса должны будут выполнять требование отчетности СВАМ, приобретать сертификаты СВАМ (один сертификат на тонну прямых выбросов парниковых газов при производстве товаров) [31].

Механизм трансграничного углеродного регулирования затронет практически все виды черных металлов, за исключением ферросплавов и лома, а также распространится на импорт азотных удобрений, электроэнергии, цемента, алюминия, стальных труб и рельсов. А Россия является крупным поставщиком на мировые рынки перечисленных товаров. Данный механизм будет распространяться на всех торговых партнеров ЕС, за исключением тех государств, которые либо применяют систему торговли сборами на выбросы, либо заключили соглашение о слиянии своей системы торговли на выбросы с европейской системой [32]. Таким образом, российские экспортеры также должны учитывать данные требования и перестраивать свои технологические, управленческие процессы в соответствии с ESG-повесткой.

Есть точка зрения, что механизм трансграничного углеродного регулирования нужен Евросоюзу как дополнительный источник пополнения бюджета и инструмент укрепления имиджа лидера глобальной климатической политики и позиций в мировом геополитическом и информационном пространствах [3. с.74].

Для России актуальными выступают задачи:

- развития российской системы торговли углеродными единицами;
- смягчения последствий трансграничного углеродного регулирования;
- интеграции ESG-рисков в регулирование российского финансового сектора, но без ущерба для декарбонизации углеродоемких отраслей;
- развития атомной и водородной энергетики, а также ВИЭ;
- повышения качества человеческого капитала [23, с.9].

Российские компании разрабатывают корпоративные системы углеродного менеджмента. Такой опыт на примере АО «Зарубежнефть» представлен в статье К.Караниной, Н.Ильшевой, Е.Балдеску и А.Топорковой [10].

В российских компаниях создаются центры компетенций ESG, комитеты по УР, рабочие группы по УР, включающие в свой состав генерального директора; ESG-повесткой занимаются директор по УР, директор по УР и связям с инвесторами, начальники подразделений, отвечающие за ESG-вопросы [47]. Например, в Сбербанке в составе Наблюдательного совета определен куратор по ESG и устойчивому развитию, есть дирекция по ESG [46, с.175]. В школе управления «Сколково» действует Центр устойчивого развития, который занимается продвижением повестки УР, разработкой инновационных решений в области УР бизнесу, государству и обществу и подготовкой новых ESG-

лидеров [48].

Центры по УР и ESG-трансформации начинают создаваться не только в компаниях, но и в вузах страны. Например, в МГИМО основан Институт международной торговли и устойчивого развития (ИМТУР) МГИМО, созданы Центр устойчивого развития, цифровая библиотека по ESG, разработана и реализуется собственная методика проведения независимого рейтинга субъектов РФ по достижению показателей устойчивого развития ООН, запущена магистерская программа «Менеджмент устойчивого развития» и др. [30]

Методы исследования

Целью нашего исследования является рассмотрение устойчивого развития и инструментов реализации ESG-повестки в крупных российских компаниях.

Исследование устойчивого развития компаний и перехода их на путь ESG-модернизации опирается на использование общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальных методов научных исследований, к которым нами отнесены: метод контент-анализа экономических публикаций, метод экономической компаративистики, монографический метод (сравнительный анализ методологических и теоретических положений в научной литературе). В качестве основного источника информации выступили данные ESG-рейтингов и рэнкингов, а также Отчеты об устойчивом развитии / ESG-отчеты российских компаний.

Теоретические аспекты устойчивого развития компаний и ESG-трансформации бизнеса

Авторы различных научных публикаций рассматривают теоретические аспекты развития предприятий. Например, В.Зябриков и И.Шевацукский проводят аналогии между концепцией УР фирмы и концепцией жизненного цикла компании, показывают их непротиворечивость и универсальный характер ключевых положений этих теорий, описывают направления реализации концепции УР на разных этапах жизненного цикла фирмы [8].

Традиционными до недавнего времени были исследования экономической устойчивости предприятия. Так, С.Езерская разграничивает понятия «экономическая устойчивость» и «устойчивое развитие» промышленного предприятия: устойчивость предприятия как экономической системы «отражает способность объекта сохранять свою целостность как системы...и одновременно развиваться (прогрессировать), даже, несмотря на негативное воздействие факторов внешней среды... Устойчивое развитие экономики промышленного предприятия – это непрерывный и прогрессивный (эффективный) процесс воспроизводства экономической системы, характеризующийся сохранением ее целостности положительной траекторией движения в условиях изменяющейся среды хозяйствования» [6, с.3, 11, 13].

В монографии А.Лифшица и Р.Ибрагимовой в исследовании экономической устойчивости акцент делается на теории систем, жизненного цикла предприятия и кризисов, а устойчивое развитие фирмы связано с расцветом компании, когда «экономические достижения стабильно повторяются». Из теории систем авторы используют понятия «точки бифуркации (перелома)», «турбулентность», «устойчивость системы», «синхронизация системы», «риск отсутствия успеха развитых социально-экономических систем», «компенсаторные возможности предприятий по поддержанию “хорошего” состояния», «степень “ущемления” (отсутствия “ущемления”) интересов ключевых акторов и соотношение сил влияния между ними», др. Из теории жизненного цикла предприятия, теории кризисов – потенциальный (возможный) кризис и латентный (скрытый) кризис, периоды развития фирмы (эксплерентный, пациентный, виолентный, коммутантный), тапы в рамках стадий жизненного цикла компании, др. Авторы обосновывают тезис: «все хорошее (например, устойчивость) более хрупко, чем плохое» и предлагают свое понимание кризисного и антикризисного развития. Общий вывод авторов применительно к понятию устойчивости бизнеса следующее: «только бескризисное развитие может классифицироваться как устойчивое. Вместе с тем экономическая устойчивость функционирования может присутствовать и на стадии антикризисного развития. Устойчивое

развитие должно быть сопоставлено не только с циклическим развитием, но и с устойчивостью функционирования социально-экономической системы». Авторы выделяют внутреннюю и внешнюю синхронизацию и отмечают, что в условиях открытой экономики на развитие предприятия мощное влияние оказывают жизненный цикл отрасли, макроэкономические циклы национальной экономики, циклы глобальной эволюции мировой экономики, а «тенденция к установлению синхронизации с окружающей средой является универсальной» [14, с.13, 15, 19, 40-42].

Идеи синхронизации отражаются и в публикациях, посвященных реализации концепции «Net Zero by 2050». Так, В.Гильмундинов, Ю.Панкова и Т.Тагаева отмечают, что при разработке сценариев декарбонизации экономики возникает необходимость синхронизация данной политики с политикой пространственного развития, научно-технической и инновационной политикой, что, по их мнению, «позволит сформировать новые, «зеленые» центры экономического развития, способствующие устойчивому развитию обширных территорий РФ». Также авторы затрагивают проблему синхронизации планов компаний по переходу на климатически более нейтральные технологии с учетом характеристик и трендов развития региональной экономики (сложившихся межрегиональных производственных связей, наличия финансовых ресурсов у региональной власти по поддержке реализации климатических проектов и экологически ответственного поведения; сложившихся производственно-технологических связей и цепочек поставок продукции; реализации программ по сокращению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, проектов по утилизации ТКО и ликвидации полигонов их захоронения, проектов строительства возобновляемых источников энергии, внедрения новых технологий производства и др.) [5, с.93-94].

Ученые-социологи исследуют взаимодействие государства, фирмы и общества в рамках концепции общественного договора (ОД). Общественный договор предусматривает возможность социального контракта и компромисса между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и будущего жизнеустройства его. Ж.Тощенко доказывает целесообразность применения концепции ОД в анализе проблем развития социально-экономических систем. Автор рассматривает нескольких вариантов ОД, действующих в настоящее время: 1) совещательная демократия – демократия обсуждения, убеждения и компромисса; форма диалогового режима, предполагающего возможность людей вести обмен мнениями и участие в выработке всех интересующих их вопросов; 2) сочетание ОД с авторитарной формой правления – преобладает в большинстве авторитарных и автократических государств и предполагает решение мирным путем сложнейших социально-экономических, политических и правовых проблем социального консенсуса; 3) специфическая форма ОД, зависящая от религиозных основ государства (Ватикан, Саудовская Аравия, Иран и др.); 4) современной модификацией идеи ОД является пакт, характеризующийся возвратом к системе табуитета, – к запретам, способным удерживать общество в жестких рамках; 5) модель современного гражданского общества, являющаяся одной из форм ОД, добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов [16, с.3, 9-10, 12-13]. Мы согласны с автором, что технологии диалога государства, власти и бизнеса в рамках проблем устойчивого развития можно развивать в рамках концепции ОД.

Актуально использование социологических методов в изучении продвижения в российском бизнесе ESG-повестки. Так, Д.Кувалин, Ю.Зинченко, П.Лавриненко и Ш.Ибрагимов в своей статье анализируют результаты опроса российских предприятий реального сектора по поводу актуальности ESG-повестки и влияния на их деятельность климатических изменений. Поднимается вопрос о желаемых мерах господдержки, способствующей внедрению ESG-принципов в практику, а также о наличии у предприятий собственных систем управления климатическими рисками [11].

На страницах научного журнала «Теоретическая экономика» в многочисленных публикациях анализируются разные аспекты устойчивого развития предприятий.

Например, М.Фридман отмечает, что «цивилизация переживает очередную смену культурно-

исторической и политэкономической парадигмы, характеризующуюся закономерным переходом к новой модели общественных отношений, признаками которого являются становление глобального информационного общества, ориентированного на устойчивое развитие, зеленую экономику, формирование многополярного мира, развертывание шестого технологического уклада, сопряженного с внедрением высоких наукоемких технологий (мехатроники, робототехники, цифровизации, искусственного интеллекта и пр.). Автор пишет, что «все глобальные проблемы современности носят экологический характер, т.к. обусловлены фатальным ухудшением качества среды нашего обитания. Вместе с этим важно отметить, что причины у этих, экологических, проблем исключительно экономические», а «устойчивое развитие – концепция, на которую сегодня ориентируется прогрессивное мировое сообщество, требует инновационного прорыва не только в масштабах отдельно взятых стран, но и в более широком, планетарном, масштабе» и отмечает, что его статья «представляет собой попытку ответа на вопрос, чьими силами этот инновационный прорыв должен быть достигнут» [17, с.94, 96].

А.Лифшиц рассматривает взаимосвязь концепции устойчивого развития предприятий с теорией корпоративной (организационной) устойчивости, которая в свою очередь базируется на теории динамического роста и динамического равновесия А.Печчи и теории органического роста Э.Пестеля. В 1990-е годы Г.Хэмел и К.Прахалад предложили концепцию ключевых компетенций, позволяющую исследовать экономические и социальные факторы устойчивости как предпосылки устойчивого развития организации (предприятия). И.Адизес в рамках концепции жизненного цикла исследовал диалектическое взаимодействие между устойчивостью и гибкостью предприятия. Вопросы экономической устойчивости промышленных предприятий исследовали западные ученые М.Портер, С.Келлер и К.Прайс, Л.Шерман. С теорией экономической устойчивости промышленных предприятий связана теория ограничений Э.Голдратта, Э.Шрагенхайма, У.Деттмера. Автор рассматривает критерии и показатели экономической устойчивости промышленного предприятия с учетом отраслевой специфики, формирование системного инструментария оценки способности предприятия выживать и развиваться [13, с.55].

Т.Ерофеева показывает, что в рамках институционализма развитие бизнеса связано с теорией прав собственности (Р.Коуз, А.Алчиан), теорией трансакционных издержек (Д.Норт, Р.Коуз, О.Уильямсон, П.Милгром, Дж.Робертс), теорией агентских отношений (Р.Рихтер, Э.Фуруботн, О.Харт, др.), теорией «экономики соглашений» (Р.Буайе, Л.Тевено, О.Фаворо, Ф.Эмар-Дюверне и другие). Автор исследует институциональные основы формирования стоимости бизнеса в рамках исследовательской программы институционального каркаса взаимодействий Д.Норта и выделяет несколько уровней институционального каркаса: мега, макро, мезо и микро [7, с.101, 109].

В настоящее время в рамках ESG-трансформации бизнеса данные четыре уровня актуальны и связаны с разноуровневыми рисками компаний: на мегауровне – например, климатические, экологические, интеграционные риски, на макроуровне – политические, военные, финансовые, биржевые, стратегические, экологические, социальные, на мезоуровне – инвестиционные, рыночные, технологические, экологические, социальные, другие, на микроуровне – рыночные, операционные, кредитные, финансовые, управленческие, кадровые, репутационные, риск ликвидности, др. Интеграционные – это риски, связанные с входением или выходом страны из интеграционных группировок. Например, ученые С.Шкиотов и М.Маркин на примере Евразийского экономического Союза (ЕАЭС) анализируют «спилловер-эффекты» или «эффекты перетока», связанные с перетеканием экономических процессов и явлений из одной экономики интеграционного объединения в другую) [19].

В рамках риск-менеджмента и теории управления рисками разрабатывается концепция приемлемого риска, в рамках которой экономический выбор приемлемого уровня воздействия риска осуществляется на основе метода экономического анализа безопасности [4, с. 8-11, 20]. По нашему мнению, к ESG-рискам и рискам УР применима концепция рисков «Чёрный лебедь», согласно

которой событие является неожиданным (для эксперта); событие имеет значительные последствия; после наступления, в ретроспективе, событие имеет рационалистическое объяснение, как если бы событие было ожидаемым. Черным лебедем «природного» характера называется пандемия COVID-19, вследствие чего, например, объем рынка мировой авиационной отрасли сократился более чем 50% и до сих пор не восстановился до уровня 2019г. Другим «Черным лебедем» рассматривается разразившийся геополитический кризис 2022г. после начала вооруженного конфликта в Украине, когда были введены ограничения в международной деятельности российских компаний, существенно снизился уровень иностранных инвестиций в экономику страны и заметно выросла инфляция в ряде отраслей. В результате чего по итогам 2022г. индекс Московской биржи сократился на 43% [18].

В методике присвоения ESG-рейтингов и рэнкингов компаниям РА ЭКСПЕРТ выделяется Звида подверженности риску:

- подверженность страновому риску – подверженность риску существенна на уровне страны, когда условия деятельности, связанные с данным риском в этой стране, могут быть неблагоприятными для компании (например, фактор риска «Водопользование» зависит от засушливости страны);
- подверженность отраслевому риску – подверженность риску является существенной для отрасли, если существует вероятность того, что компании в данной отрасли понесут значительные убытки в связи с реализовавшимся риском (например, материальность риска фактора «Водопотребление» выше для сельскохозяйственной отрасли, чем для финансовой);
- подверженность риску в зависимости от специфики деятельности – существуют определенные факторы, для которых подверженность риску является существенной для компании в зависимости от характера ее деятельности, вне зависимости от отрасли и страны, в которых она работает (например, в транспортной отрасли подверженность риску фактора «Загрязнение» может варьироваться в зависимости от вида используемого транспорта и объема перевозок конкретной компании. Таким образом, воздействие не может считаться одинаковым для всей отрасли) [33, с.3].

ESG-концепция развития российского бизнеса развивает давно существующую концепцию социальной ответственности бизнеса /корпоративной социальной ответственности. Как отмечают Н.Салиенко и Г.Соколов, происходит трансформация концепции КСО в концепцию RSG в связи с принятием Целей устойчивого развития ООН и Парижского соглашения по климату [15]. Е.Леоненко проводит различие между корпоративной социальной ответственности (CSR) и ESG и представляет кластеризацию российских компаний по интегральной оценке ESG-рейтинга [12, с.234, 239].

Механизмы управления устойчивым развитием бизнеса

Методы управления УР бизнеса, прежде всего крупных российских компаний, заявленные в их Отчетах по устойчивому развитию (ОУР), основаны на корпоративной политике, высоких международных стандартах и рекомендациях; сосредоточены на таких вопросах, как права человека и этика, благотворительность, взаимодействие с местными сообществами, адаптация к изменению климата, охрана труда и окружающей среды и др.

На международном уровне разработаны ESG-принципы, концепции и стандарты ESG-отчетности: Global Reporting Initiative (GRI), Sustainability Accounting Standards Board (SASB), Global Real Estate Sustainability Benchmark (GRESB), Carbon Disclosure Project (CDP), Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD), новые Стандарты МФСО (IFRS) по устойчивому развитию (ISSB – с выделением S1, S2, др.).

Для бизнеса в рамках ESG-повестки разработаны стандарты систем менеджмента ISO и ИСО: качества, охраны окружающей среды, устойчивые закупки и устойчивость цепи поставок, безопасности труда и охраны здоровья, энергетического менеджмента адаптации к изменениям климата, др.

Стандарт SD-KPI 2010-20151, впервые опубликованный в январе 2010г., стал первым секторальным стандартом для показателей ESG. Ключевые показатели устойчивого развития (SD-KPI) включают в себя три наиболее существенных показателя ожидаемых результатов коммерческой

деятельности в области экологии, социальной сферы и управления (ESG) для 68 различных отраслей [37].

Компании ответственно подходят к отражению экологической и социальной сторон деятельности – составляют Отчеты об устойчивом развитии /ESG-отчеты на основе стандартов: в компании «Уралкалий» – это стандарты GRI и SASB, в Сбербанке – GRI, SASB и TCFD [46; 47].

ESG-отчеты российских компаний основаны на:

- международных документах, таких как Глобальная инициатива по отчетности; Цели устойчивого развития ООН (ЦУР); Глобальный договор ООН;

- принципах таких политик и кодексов, как: Политика в области корпоративной социальной ответственности, Политика в сфере охраны труда и безопасности производства, Политика в области промышленной безопасности, Экологическая политика, Кодекс корпоративной культуры, др.

Глобальный договор в области прав человека, трудовых отношений, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией и его основные принципы основаны на:

- Всеобщей декларации прав человека;
- Декларации Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда;

- Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию;

- Конвенции ООН против коррупции, др.

Национальная сеть Глобального договора ООН в России как добровольное объединение юридических лиц на базе российского офиса ПРООН (Программа развития ООН) существовала с 2008 по 2016гг. В 2016г. при активной поддержке Министерства иностранных дел РФ в нашей стране была зарегистрирована Ассоциация «Национальная сеть участников Глобального договора по внедрению в деловую практику принципов ответственного ведения бизнеса» (сокращенное наименование Ассоциация «Национальная сеть Глобального договора»). Ассоциация стремится к ориентированной на приоритеты устойчивого развития системно-проектной работе, прежде всего, в России и/или на представление интересов и успешных практик российского бизнеса на мировых площадках [39].

Ключевые финансовые институты нашей страны, такие как Банк России, ВЭБ РФ, Московская биржа, сформулировали в адрес финансовых организаций и эмитентов ценных бумаг запрос на ESG.

Банком России созданы условия для развития рынка финансирования устойчивого развития: зеленая и адаптационная таксономии, стандарты эмиссии облигаций, секторы на ПАО Московская биржа и Санкт-Петербургская биржа, система верификации инструментов устойчивого развития [23, с.12]. Разрабатывается регулирование ESG-рисков на финансовом рынке:

В России создана Экспертно-аналитическая платформа ИНФРАГРИН «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» для объединения и синергии инициатив, подходов и компетенций ведущих экспертов рынка и продвижению этических принципов ведения бизнеса на основе факторов [40].

Как было отмечено в нашей предыдущей статье [1], активно развивается законодательная база в сфере УР и ESG-повестки. Эксперты ИНФРАГРИН отмечают, что «тема климатической повестки и декарбонизации экономики остается самой активной сферой институционального строительства». Например, в Иполугодии 2023г. в сфере УР и ESG-повестки проделана следующая работа:

- в контуре повестки УР было утверждено 7 нормативных документов. Всего в Банке ИНФРАГРИН_НПА размещено 95 документов;

- Постановлением Правительства РФ обновлены таксономии зеленых и адаптационных проектов;

- Банк России опубликовал доклад для общественных консультаций «Модельная методология ESG-рейтингов», который вызвал большую экспертную дискуссию;

- г.Москва выпустила первые субфедеральные зеленые облигации для населения с размещением

на внебиржевой площадке – финансовой платформе Финуслуги (Москва – пока единственный эмитент субфедеральных зеленых облигаций);

– утверждены и размещены в публичном доступе 10 региональных планов адаптаций к изменениям климата. Всего в публичном доступе находятся планы адаптации к изменениям климата 40 субъектов РФ;

– в конце июня 2023г. Минэкономразвития России подготовило проект Методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии, который прошел экспертное обсуждение на площадке РСПП;

– методологический центр ВЭБ.РФ внес в Перечень верификаторов финансовых инструментов устойчивого развития 2 организации – КЭПТ и Пачоли консалтинг. Всего в Перечне значатся 13 организаций, разработавшие 29 методологий, в соответствии с которыми может проводиться оценка устойчивых финансовых инструментов;

– Росаккредитацией аккредитованы 7 органов по валидации и верификации парниковых газов; – на рынке поведено 5 верификаций устойчивых финансовых инструментов, 6 ESG-оценок компаний, запущено 2 биржевых ESG-индекса. Всего за период 2018-1Н2023 проведено 38 верификаций финансовых инструментов, 50 ESG-оценок компаний и организаций, действуют 13 биржевых индекса и др. [40, с.2].

Развивается методологическая база ESG-рейтингов и ESG-рэнкингов: подготовлен доклад «Модельная методология ESG-рейтингов и Рекомендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) [23, с.12]. Например, Е.Леоненко приводит интегральную оценку ESG-рейтинга российских компаний на основе брейтингов таких ведущих рейтинговых агентств, как: NPA, Sustainalytics, S&P Global, CDP (climate change), MSCI, Эксперт РА [12, с.236, 238]. В отчете по УР компания «Полюс» отражает свой рейтинг по данным таких 4 рейтинговых агентств, как MSCI, Sustainalytics, Эксперт РА, АКРА [44, с.10].

Банком России создана методологическая база по учету ESG-факторов и раскрытия нефинансовой информации компаний, разработки нефинансовой отчетности (НФО): по реализации принципов ответственного инвестирования, по раскрытию нефинансовой информации (для ПАО), по внедрению ESG-факторов и вопросов устойчивого развития в деятельность обществ (для советов директоров ПАО), по учету ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития при организации корпоративного управления (для финансовых организаций – ФО), по предоставлению (раскрытию) информации клиентам по финансовым продуктам устойчивого развития (для ФО), по раскрытию информации в области устойчивого развития (для ФО). Разработано углеродное регулирование, определение углеродных единиц, создание реестра их учета, отчетность по выбросам для регулируемых организаций, определение и порядок валидации климатических проектов, система верификации углеродных единиц. Заключены первые сделки по продаже углеродных единиц на биржевых торгах [23, с.12].

По данным ИНФРАГРИН, в первом полугодии 2023г. 5 российских эмитентов осуществили 5 выпусков облигаций в формате устойчивого развития суммарным объемом более 28 млрд руб. Всего за период 2018–2023гг. 24 эмитента осуществили 45 выпусков зеленых, социальных и адаптационных облигаций суммарным объемом 552, 57 млрд руб. [41, с.2].

Рынок финансирования устойчивого развития в России отражен на сайте Банка России, на нем представлены облигации: зеленые, социальные, адаптационные, устойчивого развития, др. (рис. 3)

Созданы секторы устойчивого развития и соответствующий инструментарий на Московской и Санкт-Петербургской биржах. К выпущенным на внутреннем рынке долговым ценным бумагам, включенным в сектор УР, относятся: «зеленые» облигации, облигации устойчивого развития, облигации сегмента национальных и адаптационных проектов, социальные облигации (рис. 4).

Разработаны ключевые показатели эффективности (КПЭ) в области устойчивого развития, используемые в годовых отчетах и институциональными инвесторами [42].

ЦЕЛЕВЫЕ ОБЛИГАЦИИ

ОБЩЕКОРПОРАТИВНЫЕ ОБЛИГАЦИИ

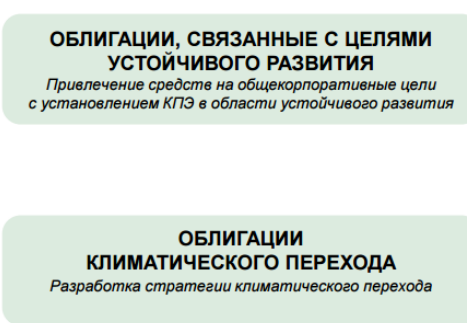

Рисунок 3– Рынок финансирования устойчивого развития в России [23, с.13]

Источники: повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023

Рисунок 4 – Секторы на Московской и Санкт-Петербургской биржах [23, с.14]

Источники: повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023

Устойчивое развитие и ESG-повестка: отраслевой аспект

Рассмотрим отраслевой аспект устойчивого развития и ESG-повестки в нашей стране. В Климатической доктрине РФ-2023 говорится о необходимости разработки отраслевых планов адаптации к изменению климата [20, п.66].

Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021г. N1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ» определило основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ:

- энергетика;
- обращение с отходами;
- промышленность;
- строительство;
- транспорт и промышленная техника;
- водоснабжение и водоотведение;
- сельское хозяйство;
- природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие;
- устойчивая инфраструктура [21].

В научных публикациях исследуется отраслевой аспект внедрения ESG-стандартов.

Специалисты отмечают, что для устойчивого развития компании необходимо соблюдать баланс между всеми критериями (E, S, G), при этом значимость критериев зависит от деятельности компании (например, для сектора услуг особо важны социальные критерии, для энергетики – экологические, а для сектора финансов – управленческие критерии [25].

По результатам ежегодного конкурса (премии) «Топ-1000 российских менеджеров», проведенного Ассоциацией менеджеров России в 2023г., в Топ-25 директоров по устойчивому развитию и корпоративной социальной ответственности вошли представители таких отраслей, как:

- коммерческие банки (Сбербанк, ВТБ),
- информационные технологии (VK, Лаборатория Касперского),
- металлургия и горнодобывающая промышленность (Металлоинвест, Магнитогорский металлургический комбинат, «Полюс», Норникель),
- онлайн-платформы («Купишуз» (Lamoda), «Хэдхантер»),
- производство потребительских товаров (аффилированные компании «Филип Моррис Интернэшнл» в России, SPLAT Global)
- связь и телекоммуникации («Вымпелком» (бренд «Билайн»), МТС, «МегаФон»)
- сельское хозяйство (Агрохолдинг «Степь», Система ПБО, Группа компаний «Медси»)
- строительство (ГК «Самолет»)
- медиабизнес (Национальная Медиа Группа)
- транспорт («Российские железные дороги» – РЖД)
- финансовый сектор (ДОМ.РФ)
- химическая промышленность («СИБУР Холдинг»)
- энергетика и топливный комплекс («Сахалинская энергия», Эн+) [43]

Проанализирует ESG-рейтинги и рэнкинги аналитического агентства Эксперт РА.

Наш анализ развития ESG-практик 160 российских компаний рейтинга Эксперт РА показал, что на конец 2023г. А-рейтинговый диапазон присвоен только 18 российским компаниям (АА и А), В-рейтинговый диапазон (BBB, BB, B) присвоен 49 компаниям, С-рейтинговый диапазон (CCC, CC, C) – 89 компаниям:

- рейтинг ААА (наивысший уровень) не присвоен ни одной российской компании в ESG-рейтинге на январь 2024г., но присвоен отдельным компаниям в отдельных E, S или G-рэнкингах;
- рейтинг АА (очень высокий уровень) присвоен 7 компаниям (Сбербанк, Фосагро, Полюс, Татнефть, Роснефть, Полиметалл, Московский кредитный банк);
- рейтинг А (высокий уровень) присвоен 11 компаниям (ЭЛ5-ЭнергоЕВРАЗ, Норильский никель, Уралкалий, ТПлюс, Северсталь, Русал, Магнитогорский металлургический комбинат, Московская биржа, ЛУКОЙЛ, Уралхим);
- рейтинг BBB (умеренно высокий уровень) – 16 компаниям (X5 Групп, РЖД, Яндекс, Зарубежнефть, Новолипецкий металлургический комбинат НЛМК, Газпром, Интер РАО, НОВАТЭК, VK, Аэрофлот, МТС, Вымпелком, др.);
- рейтинг BB (средний уровень) – 19 компаниям (Кузбассразрезуголь, РусГидро, Росатом, Металлоинвест, КамАЗ, Россети, АЛРОСА, Группа «Эталон», Якутская ТЭК, Трубная металлургическая компания ТМК, др.);
- рейтинг B (сравнительно низкий уровень) – 14 компаниям (Юникредит банк, КБ «Центр Инвест», группа «Илим», Сегежа групп, сеть гипермаркетов «Лента», «Детский мир», др.);
- рейтинг CCC (низкий уровень) – 29 компаниям (Сургутнефтегаз, розничная сеть «Магнит», международный аэропорт Шереметьево, Совкомфлот, Транснефть, Мосводоканал, ЮТэйр авиакомпания, Росбанк, Райффайзенбанк, Совкомбанк, Газпромбанк, Банк ВТБ, Архангельский ЦБК, Ростелеком, «О,КЭЙ», «М.Видео Эльдorado», «Интернет решения» (OZON.RU), др.);
- рейтинг CC (очень низкий уровень) – 39 компаниям (Трансмашхолдинг, сеть гипермаркетов «Глобус», Тольяттиазот, ГАЗ, Газпромнефть, Nordgold, «Еврохим», S7 Airlines, Россельхозбанк,

Альфабанк, Трансконтейнер, Мечел, др.);

- рейтинг С (самый низкий уровень) – 21 компании (Вкусвилл, Новороссийский морской торговый порт, Промсвязьбанк, группа ПОЛИПЛАСТИК, группа компаний «Титан», сеть супермаркетов «Азбука вкуса», «Русский уголь», Славнефть, Щёкиноазот, др.).

В данном рейтинге Эксперт РА предусмотрен временный рейтинг М (monitored), куда попадают компании, находящиеся в ситуации неопределённости с дальнейшей перспективой исключения из списка оцениваемых компаний. На январь 2024 г. таких компаний было 4 («Квадра», Русская медная компания, Уральская горно-металлургическая компания УГМК, «Упаковочные системы») [33, с. 4-5; 34].

Отраслевая структура рэнкинга-2024 представлена в значительной мере металлургическими, нефтегазовыми компаниями и компаниями химической и энергетической отраслей, финансовых и телекоммуникационных компаний (рис. 5).

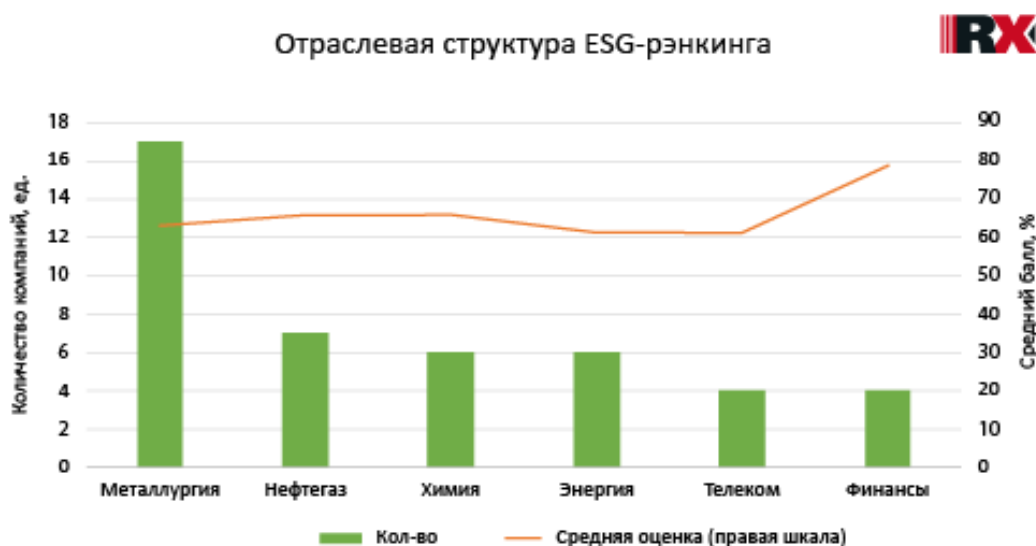

Рисунок 5 – Отраслевая структура ESG-рэнкинга российских компаний в январе 2024г.

Источник: RAEX. ESG-рэнкинг российских компаний (апрель 2023г.)

Мы сгруппировали компании по отраслям и подотраслям и отразили позиции компаний на январь 2024г. (год оцененной отчетности – 2022) (табл. 1) и сравнили с данными аналогичного рейтинга компании РА «Эксперт» на апрель 2023г. (год оцененной отчетности – 2021) [34; 36].

Сделаны следующие выводы.

- в рейтинг вошли предприятия 40 отраслей и подотраслей, в том числе в топ-10 – таких отраслей и подотраслей, как: Банки, Агрохимикаты, Драгоценные металлы и минералы, Интегрированные нефтегазовые компании, Электроэнергетика, Черная металлургия, Добыча прочих полезных ископаемых;

- отраслевой анализ показал, что ESG-рейтинги компаний в разрезе отраслей и подотраслей дифференцируются: Черная металлургия – от 9 до 135, Драгоценные металлы и минералы – от 3 до 138, Агрохимикаты – от 2 до 153 и т.д.;

- положение компании в течение года в ESG-рейтинге может значительно измениться. Так, сравнение рейтинга на январь 2024г. с рейтингом на апрель 2023г. показало, что, например, Сбербанк поднялся с 51 позиции (апрель 2023г.) на 1 позицию (январь 2024г.), «Фосагро» (Агрохимикаты) – соответственно, с 6 на 2, «Полюс» (Драгоценные металлы и минералы) – с 2 на 3, Татнефть – с 13 на 4, Роснефть – с 19 на 5, Полиметалл (Драгоценные металлы и минералы) – с 5 на 6, Московский кредитный банк остался на позиции 7, ЭЛ5-Энерго – с 4 на 8, ЕВРАЗ (Черная металлургия) – с 20 на 9, Норильский никель – с 8 на 10, Северсталь – с 9 на 13. При этом у компании Новолипецкий

металлургический комбинат(НЛМК) рейтинг снизился с 1 позиции на 21, Уралкалий – с 3 позиции на 11, ЛУКОЙЛ – с 10 на 17 и т.д. Таким образом, список компаний топ-10 динамичен;

–сравнение данных двух рейтингов показало, что в списке появляются новые компании. Например, впервые в ESG-рейтинг Эксперт РА на январь 2024г. вошли Красноярский завод цветных металлов имени В.Н.Гулидова, «Якутская топливно-энергетическая компания (ЯТЭК)», Positive Technologies, «КИВИ Банк» и «Алмазэргиэнбанк»;

–некоторые компании из рейтинга были исключены. Например, Челябинский трубопрокатный завод и «Сусуманзолото» были исключены в связи с реструктуризацией, а «Ситибанк», «Нижекамскнефтехим», «Ямал СПГ» – в связи с отсутствием информации для оценки [35].

Дело в том, что открытость информации компаний связана с соблюдением международных стандартов. Совет по международным стандартам устойчивого развития (ISSB) 26.06.2023г. выпустил стандарты по ESG-отчетности – S1 и S2:

– S1 содержит ряд требований к раскрытию информации, позволяющих компаниям сообщать инвесторам о рисках и возможностях, связанных с устойчивостью, с которыми они сталкиваются в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе;

– S2 устанавливает конкретные требования к раскрытию информации, связанной с климатом, предназначен для использования S1 с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО).

Задача данных стандартов – повысить доверие и уверенность в раскрытии компаниями информации об устойчивости для обоснования инвестиционных решений. Стандарты вступили в силу с 2024г. и будут внедряться поэтапно: в 1-й год компании смогут ограничиться раскрытием информации о климатических рисках (стандарт S2), а, начиная со 2-го года, должны будут публиковать данные по всему спектру требований (S1) [38].

Таблица 1 – ESG-рейтинг российских компаний Рейтингового агентства «Эксперт» (на январь 2024г.)

Отрасли и подотрасли	Российские компании (место в рейтинге на январь 2024 г.)
Черная металлургия	ЕВРАЗ (9), НЛМК (21), Северсталь (13), Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) (15), Металлоинвест (35), ТМК (Трубная металлургическая компания) (44), Мечел (112), Объединенная металлургическая компания ОМК(133), Промышленно-металлургический холдинг (135), др.
Цветная металлургия	ПАО «Селигдар» (45)
Драгоценные металлы и минералы	Полюс (3), Полиметалл (6), АЛРОСА (38), Высочайший (GV Gold) (66), Nordgold (101), ГК Южуралзолото (138), др.
Производство меди	Русская медная компания (157-160)
Агрохимикаты	ФосАгро (2), Уралкалий (11), Уралхим (18), группа «Акрон» (49), МХК «ЕвроХим» (119), фирма «Август» (137), Тольяттиазот (128), Щекиноазот (139), ГК «Азот» (153), др.
Нефтехимия	СИБУР Холдинг (33), ГК «Титан» (127)
Сырьевая химия	Метафракс кемикалс (85), Казаньоргсинтез (99), Омск Карбон групп (144-145)
Бытовая химия	Хенкель Рус (89)
Разнородная химия	Пигмент (КРАТА) (29), КуйбышевАзот (93),
Специализированные химикаты	Каустик (г. Волгоград) (60), Башкирская содовая компания (90)

Отрасли и подотрасли	Российские компании (место в рейтинге на январь 2024 г.)
Атомная энергетика	Росатом (42)
Электроэнергетика и теплоснабжение	ЭЛ5-Энерго (8), Т-Плюс (12), Интер РАО (25), РусГидро (37), Юнипро (56), ТГК-2 (111), Квадра (157-160)
Энергоснабжение	Россети (48)
Энергосбыт	«ТНС ЭНЕРГО», группа компаний (77)
Водоснабжение	Росводоканал (39), Мосводоканал (80)
Добыча нефти и газа	Иркутская нефтяная компания (51)
Добыча прочих полезных ископаемых	Норильский никель (10), Красноярский завод цветных металлов (46), Корпорация ВСМПО АВИСМА (102), УГМК (157-160), др.
Угольная промышленность	Кузбассразрезуголь (36), Распадская (43), СУЭК (47), Стройсервис (122), Новая горная управляющая компания (129), Русский уголь (150), др.
Производство алюминия	РУСАЛ (14), En+Group (26)
Интегрированные нефтегазовые компании	Татнефть (4), Роснефть (5), ЛУКОЙЛ (17), Зарубежнефть (20), НОВАТЭК (28), Газпром (34), Якутская ТЭК (50), Сургутнефтегаз (72), Русснефть (100), Газпромнефть (107), Башнефть (117), Сахалинская энергия» (121), Славнефть, группа (143), др.
Машиностроение	КАМАЗ (40), Трансмашхолдинг (97), ГАЗ (105), Группа «Синара» (113),
Авиастроение	Объединенная авиастроительная корпорация (98)
Судостроение	Объединенная судостроительная корпорация (103)
Целлюлозно-бумажная промышленность	Сегежа Групп (55), Илим Групп (58), Архангельский ЦБК (81), Карелия Палп (151), др.
Трубопроводная продукция	Группа ПОЛИПЛАСТИК (141)
Деревообработка	Свеза (83), Титан, группа компаний (140)
Строительство	ГК «Самолет» (52), Группа «Эталон» (53), Группа «ЛСР»(59), ГК ПИК (134)
Сельскохозяйственная продукция	Агрохолдинг «Степь» (31), Инарктика (61), ГК «Русагро» (99), Группа «Черкизово» (108), Эфирное (110),
Беспроводные телекоммуникационные услуги	ПАО «МТС» (24), Вымпелком (32), Мегафон (95),
Интегрированные телекоммуникационные услуги	Ростелеком (73)
Финансовые услуги	АФК «Система» (67)
Банки	Сбербанк (1), Московский кредитный банк» (7), Юникредитбанк (54), Райффайзен банк (71), Совкомбанк (74), Банк ВТБ (82), Росбанк (92), Газпромбанк (96), Россельхозбанк (104), Тинькофф Банк (115), Альфа-Банк (124), Промсвязьбанк (136), др.
Платежные системы	КивиБанк (41)
Специализированные финансовые услуги	Московская биржа (16)

Отрасли и подотрасли	Российские компании (место в рейтинге на январь 2024 г.)
Программное обеспечение и услуги	VK(23), Яндекс (27)
Разработка ПО и ИТ-услуги	Positive Technologies (75),
Розничная торговля продуктами питания	X5 Group (19), Лента (сеть гипермаркетов) (64), О,КЭЙ (69), Магнит, розничная сеть (79), сеть гипермаркетов «Глобус» (106), торговая компания «Мираторг» (126), Вкусвилл (149), Азбука вкуса (сеть супермаркетов) (155)
Розничная торговля бытовой электроникой	«М.Видео-Эльдорадо», группа (76)
Розничная торговля детскими товарами	ПАО «Детский мир» (62)
Розничная торговля, осуществляемая непосредственно при помощи информационной сети Интернет	«Интернет решения» (OZON.RU) (84)
Авиакомпании	Аэрофлот – Российские авиалинии (30), «ЮТэйр», авиакомпания (87), S7 Airlines(116),
Оператор и услуги аэропорта	Международный аэропорт Шереметьево (88)
Железнодорожная транспортировка	РЖД (22), Globaltrans (63)
Контейнерный оператор	Трансконтейнер (120)
Транспортировка нефти	Транснефть (94),
Морская транспортировка	Совкомфлот (78)
Транспортная инфраструктура	Global Ports (70), Новороссийский морской торговый порт (142)
Транспортно-логистические услуги	Транспортная группа FESCO (89)
Упаковочные решения	Упаковочные системы (157-160)

Источник: группировка по отраслям и подотраслям составлена автором по [34]

Мы проанализировали рейтинги и ранкинги E, S, G для компаний топ-10 и определили значимость каждой из составляющих. Наивысший уровень (AAA) характерен для Сбербанка для S и G, для Фосагро, Роснефти и ЭЛ5-Энерго – для G. В топ-10 вошла компания с E-рейтингом ВВВ – Полиметалл (табл. 2).

Таблица 2 – ESG-рейтинги и ранкинги топ-10 российских компаний по данным Рейтингового агентства «Эксперт» на январь 2024г.

Компания	ESG-рейтинг	E		S		G	
		E-Rank	E-рейтинг	S-Rank	S-рейтинг	G-Rank	G-рейтинг
1. Сбербанк	AA	2	AA	1	AAA	4	AAA
2. Фосагро	AA	5	AA	3	AA	2	AAA
3. Полюс	AA	1	AA	2	AA	14	AA
4.Татнефть	AA	13	A	5	AA	6	AA

Компания	ESG-рейтинг	E		S		G	
		E-Rank	E-рейтинг	S-Rank	S-рейтинг	G-Rank	G-рейтинг
5. Роснефть	AA	4	AA	22	A	5	AAA
6. Полиметалл	AA	16	BBB	4	AA	9	AA
7. Московский кредитный банк	AA	7	A	10	A	17	AA
8. ЭЛ5-Энерго	A	10	A	20	A	1	AAA
9. ЕВРАЗ	A	3	AA	16	A	19	A
10. Норильский никель	A	12	A	12	A	11	AA

Источник: составлено автором по [34]

Анализ динамики положения ряда компаний в рейтинге в январе 2024г. по сравнению с апрелем 2023 г. показал, что у многих компаний-лидеров изменились оценки в рейтинге и рэнкингах в связи с улучшением /ухудшением ESG-рейтингов и рэнкингов (табл. 3)

Таблица 3 – ESG-рейтинги и рэнкинги ряда российских компаний по данным Рейтингового агентства «Эксперт» в сравнении: на апрель 2023г. и на январь 2024г.

Компания	на апрель 2023 г.				на январь 2024 г.			
	ESG-рейтинг (ESG-Rank)	E-рейтинг (E-Rank)	S-рейтинг (S-Rank)	G-рейтинг (G-Rank)	ESG-рейтинг (ESG-Rank)	E-рейтинг (E-Rank)	S-рейтинг (S-Rank)	G-рейтинг (G-Rank)
НЛМК	AA (1)	AA (2)	AA (2)	A (21)	BBB (21)	BB (24)	A (19)	A (26)
Полюс	AA (2)	AAA (1)	A (14)	A (27)	AA (3)	AA (1)	AA (2)	AA (14)
Уралкалий	A (3)	BBB (6)	AA (1)	AA (6)	A (11)	A (14)	A (14)	AA (7)
Фосагро	A (6)	BBB (8)	A (11)	AA (5)	AA (2)	AA (5)	AA (3)	AAA (2)
Татнефть	A (13)	BBB (17)	A (12)	AA (7)	AA (4)	A (13)	AA (5)	AA (6)
Роснефть	BBB (19)	BBB (13)	BBB (25)	A (28)	AA (5)	AA (4)	A (22)	AAA (5)
Сбербанк	BB (51)	CCC (52)	B (60)	A (38)	AA (1)	AA (2)	AAA (1)	AAA (4)

Источник: составлено автором по [34; 36]

Международные исследования, отраженные в отчете об устойчивом развитии Всемирного форума по окружающей среде, показывают, что для компаний в качестве факторов, стимулирующих ESG-инвестирование, выступают следующие (в порядке убывания значимости):

- спрос со стороны потенциальных клиентов, покупателей и заинтересованных сторон проекта;
- повышение осведомленности об ESG-рисках и возможностях;
- имидж бренда и репутация;
- правовые нормы и требования;
- увеличение количества данных, исследований и аналитики о ESG;
- более высокая финансовая отдача и рост доходности [9, с. 233].

Как отмечается в отчетах по УР компаний, они ответственно подходят к отражению экологической и социальной сторон деятельности и делают свои отчёты максимально прозрачными – на основе Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), стандартов Глобальной инициативы по отчётности (GRI) и Принципов Глобального договора ООН.

Бизнес-стратегии российских компаний основаны на лучших ESG-практиках. Российские компании, реализующие ESG-стратегию, на своих сайтах создают ESG-порталы (например, «Уралкалий» [47]), где размещаются ESG-данные, ESG-документы, ESG-новости, ESG-рейтинги.

Компании-приверженцы ESG-принципов имеют достаточно сильную социальную политику, совершенствуют корпоративное управление, реализуя управленческие корпоративные принципы,

такие, как внедрение антикоррупционных мер, прозрачность финансовой отчетности, здоровая обстановка в офисах, максимально комфортные условия труда, что привлекает самых лучших специалистов отрасли.

Направления деятельности российских компаний по реализации аспектов ESG следующие:

Е-аспект – по изменению климата (контроль и сокращение выбросов парниковых газов и загрязняющих веществ, энергосбережение и отказ от мазута, повышение энергоэффективности), по охране окружающей среды (эффективное управление водными ресурсами и отходами, снижение энергопотребления, всесторонняя и регулярная оценка экологических рисков);

S-аспект – в области безопасности (нулевой травматизм, отсутствие аварий), в области управления персоналом (создание благоприятных условий труда и отдыха, профессиональное развитие сотрудников, обеспечение возможностей построения карьеры, формирование кадрового резерва, поддержание преемственности в профессиональных династиях, привлечение молодых специалистов), в области развития местных сообществ (обеспечение занятости населения, осуществление налоговых отчислений, поддержание качественного медицинского обслуживания, направление помощи муниципальным и общественным организациям, содействие развитию спорта, культуры и образования, спонсорство и реализация благотворительных проектов, развитие инфраструктуры, улучшение жилищных условий сотрудников компании и других жителей региона присутствия), др.;

G-аспект – реализация Кодекса корпоративного управления, Кодекса корпоративной культуры, Кодекса деловой этики поставщика, Положения об этических уполномоченных, Положения об оценке удовлетворенности потребителей, политики в области управления обращениями по продукции, антикоррупционной политики, политики по благотворительности и спонсорству [44-47].

Выводы

Таким образом, необходимость реализации ESG-повестки бизнесом связано с требованиями инвесторов, финансовых рынков, бирж, требованиями партнеров по бизнесу в цепочке поставок. Следование ESG-принципам способствует повышению конкурентоспособности и международного статуса компании и выходу на экспорт. Инвесторы в большей степени отдадут предпочтение компаниям, которые развивают свои услуги и производство в рамках ESG и УР. Соответствие международным экологическим требованиям и высокая позиция в ESG рейтинге показывает мировому рынку, что компания устойчива в долгосрочной перспективе. На данный момент в мире климатические риски приравниваются к финансовым рискам.

Концепция устойчивого развития и ESG-трансформации бизнеса может быть рассмотрена во взаимосвязи с концепциями жизненного цикла организации, общественного договора, теорией систем, корпоративной (организационной) устойчивости, теорией управления рисками и концепцией приемлемого риска, концепцией социальной ответственности бизнеса /корпоративной социальной ответственности.

Направляющую и регулирующую роль в развитии ESG-трансформации российских компаний играет Правительство России, Банк России, госкорпорации ВЭБ.РФ. Поддерживающую, информационную и консалтинговую функции оказывают Российский союз промышленников и предпринимателей, электронные платформы (ИНФРАГРИН и др.), школа управления Сколково, др.

Активно развивается методологическая база составления ESG-рейтингов и ESG-рэнкингов компаний. Проведенный нами сравнительный анализ ESG-рейтингов и рэнкингов 160-и российских компаний (на основе данных рейтингового агентства Эксперт на апрель 2023 г. и январь 2024г.) показал, что рейтинг AAA (наивысший уровень) не присвоен ни одной российской компании, но присвоен некоторым компаниям в отдельных E, S или G-рэнкингах; рейтинг AA (очень высокий уровень) присвоен 7 компаниям; рейтинг A (высокий уровень) – 11 компаниям; рейтинг BBB (умеренно высокий уровень) – 16 компаниям; рейтинг BB (средний уровень) – 19 компаниям; рейтинг B (сравнительно низкий уровень) – 14; рейтинг CCC (низкий уровень) – 29 компаниям. рейтинг CC

(очень низкий уровень) – 39 компаниям; рейтинг С (самый низкий уровень) – 21 компании, рейтинг М (компании, находящиеся в ситуации неопределённости с дальнейшей перспективой исключения из списка оцениваемых компаний) – 4 компаниям.

Отраслевая структура рэнкинга-2024 представлена в значительной мере металлургическими, нефтегазовыми компаниями и компаниями химической и энергетической отраслей, финансовых и телекоммуникационных компаний.

В рейтинг Эксперт РА вошли предприятия 40 отраслей и подотраслей, в том числе в топ-10 – таких отраслей и подотраслей, как: Банки, Агрохимикаты, Драгоценные металлы и минералы, Интегрированные нефтегазовые компании, Электроэнергетика, Черная металлургия, Добыча прочих полезных ископаемых. Проведенный нами отраслевой анализ показал, что ESG-рейтинги компаний в разрезе отраслей и подотраслей дифференцируются: Черная металлургия – от 9 до 135, Драгоценные металлы и минералы – от 3 до 138, Агрохимикаты – от 2 до 153 и т.д. Положение компании в течение года в ESG-рейтинге может значительно измениться. В списке компаний в рейтингах появляются новые компании, а некоторые компании исключаются из рейтинга в связи с реструктуризацией или отсутствием информации для оценки. Открытость информации компаний является важным условием при реализации финансовых и инвестиционных проектов. Бизнес-стратегии российских компаний основаны на лучших ESG-практиках. Российские компании на своих сайтах создают ESG-порталы, расширяют свои направления деятельности по реализации E, S, G-аспектов политики устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берендеева А.Б. Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статья1) //Теоретическая экономика. - 2024. - №1 (109). URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 06.03.2024)
2. Берендеева А.Б. ESG-повестка в рыночной экономике: теоретико-методологические аспекты // Вестник Иван. гос. ун-та. Сер. Экономика. - 2023. - № 3. - С.7-21.
3. Варнавский В.Г. Монетизация выбросов в ЕС в условиях трансграничного углеродного регулирования // Современная Европа. - 2023. - №1. - С.74–87.
4. Гвоздева Е.А., Сорокин А.В. Риск-менеджмент: учеб. пособие для студентов всех форм обучения направления подготовки «Экономика». Изд. 2-е доп. и испр. - Рубцовск, 2021. - 84 с.
5. Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В., Тагаева Т.О. Концепция региональной дифференциации процессов декарбонизации экономики России //Проблемы прогнозирования. - 2023. - №6. - С.91-102.
6. Езерская С.Г. Экономическая устойчивость промышленного предприятия: методологические аспекты и методы оценки: автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Иваново, 2004. - 28 с.
7. Ерофеева Т.А. Институциональные основы формирования стоимости бизнеса: методологические аспекты исследования // Теоретическая экономика. - 2023 - №8. – С.98-107. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 09.12.2023)
8. Зябриков В.В., Шевацюзкий И.Р. Теория жизненного цикла в концепции устойчивого развития компании //Международный экономический симпозиум – 2020: сб. материалов междунар. науч. конф.: «Устойчивое развитие: общество и экономика», «Соколовские чтения. Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее» (г.Санкт-Петербург, 01–30июня 2020г.). - СПб.: СПб. гос. ун-т, 2020. - С.632-636.
9. Каллаур Г.Ю., Устьянцева А.Ю. ESG-развитие строительной отрасли России /Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: сб. материалов XIIIМеждунар. науч.-практ. конф. – М., 2023. - С.230-236.
10. Каранина Е.В., Ильшева Н.Н., Балдеску Е.В., Топоркова А.Ф. Корпоративная система углеродного менеджмента // Теоретическая и прикладная экология. - 2023. - № 3. - С.215-221.
11. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш. Российские предприятия в конце 2022 года: противодействие санкциям, взаимоотношения с банками и реакция на климатическую повестку // Проблемы прогнозирования. - 2023. - №3. - С. 200-216.
12. Леоненко Е.А. Корпоративная социальная ответственность (CSR), устойчивое развитие (SD) и ESG как маркеры социального развития государства и бизнеса //Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2023. - №11-2. - С. 230-240.
13. Лифшиц А.С. Предпочтительный инструментарий оценки экономической устойчивости промышленных предприятий //Теоретическая экономика. - 2023 - №9. – С.54-69. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 09.12.2023)
14. Лифшиц А.С., Ибрагимова Р.С. Факторы и инструментарий обеспечения устойчивого развития предприятий машиностроения: монография /А.С.Лифшиц, Р.С.Ибрагимова. - М., РИОР: ИНФРА-М, 2023. - 200с.
15. Салиенко Н.В., Соколов Г.А. Трансформация концепции корпоративной социальной ответственности (от КСО к ESG) //Научный аспект. - 2023. - Т. 4. - №6. - С.393-401.
16. Тощенко Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования (СОЦИС). - 2023. - №6. - С.3-15.
17. Фридман М.Ф. Эколого-экономическая концепция инновационного прорыва: проблемы и возможности кадровой политики //Теоретическая экономика. - 2021 - №6 (78). - С.94-104. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 23.11.2023)
18. Ченцова, Н. Н. «Черные лебеди» 2023 года: угрозы или возможности / Н. Н. Ченцова // Вестник Евразийской науки. - 2023. - Т.15. - №s3. - URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN323.pdf> (дата обращения: 09.12.2023)

19. Шкиотов С.В., Маркин М.И. Влияние «технологического спилловера» из России на динамику социально-экономических показателей, характеризующих благосостояние населения стран-членов ЕАЭС // Теоретическая экономика. - 2023 - №11. - С.105-117. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 09.12.2023)
20. Указ Президента РФ от 26 октября 2023г. №812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».
21. Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021г. N1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ»
22. Банк России. Устойчивое развитие. URL: <https://cbr.ru/develop/u/> (дата обращения: 22.12.2023)
23. Повестка Банка России в области устойчивого развития и климата, 2023. 20с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123919/Press_ur.pdf (дата обращения: 09.12.2023)
24. Ежегодный рейтинг «Топ-1000 российских менеджеров». URL: <https://top1000.amr.ru/> (дата обращения: 16.12.2023)
25. РБК. Тренды. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 14.09.2023)
26. ВЭБ РФ. Устойчивое развитие. URL: <https://вэб.рф/ustojchivoe-razvitie/> (дата обращения: 16.12.2023)
27. Повестка устойчивого развития в современных стратегиях бизнеса и инструменты РСПП по ее продвижению / Е.Н.Феоктистова: материалы круглого стола «Устойчивое развитие бизнеса: ESG -трансформация» (г. Красноярск, 25.09.2023г.). URL: https://www.sppkk.ru/wp-content/uploads/2023/09/2-Феоктистова-ЕФ_-Приоритеты-УР_РСПП_2023.pdf (дата обращения: 09.12.2023)
28. Рекомендации РСПП по поддержанию и продвижению повестки устойчивого развития в современной российской практике (27.12.2022 г.). URL: <https://rspp.ru/events/news/utverzhdenny-rekomendatsii-rspp-po-podderzhaniyu-i-prodvizheniyu-povestki-ustoychivogo-razvitiya-v-sovremennoy-rossiyskoy-praktike-63aae0f8048aa/> (дата обращения: 09.12.2023)
29. Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса. Сборник корпоративных практик / РСПП, Москва, 2023 г. - 224 с. URL: <https://rspp.ru/upload/iblock/c7f/ekan9gw3v07htmhs48b4qkgld6edu6rb/Sbornik-Ustoychivoe-razvitie-v-strategii-rossiyskogo-biznesa.pdf> (дата обращения: 09.12.2023)
30. МГИМО, 2030. Российский международный ресурсный центр ESG URL: <https://2030.mgimo.ru/projects/strategic/ESG> (дата обращения: 16.12.2023)
31. Все, что нужно знать о механизме трансграничного углеродного регулирования Европейского Союза (СВАМ). URL: https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/0d9/q5cvxdg1e1hutef8fwf0xe1tdkuneaur/2_stranichki_informatsii.pdf (дата обращения: 13.09.2023)
32. Интерфакс. Поставщики в ЕС с 2026 года начнут платить в рамках углеродного регулирования. 14.07.2021г. URL: <https://www.interfax.ru/business/777946> (дата обращения: 14.09.2023)
33. RAEX-Аналитика. Методология присвоения ESG-рейтингов компаниям, июль 2022г. 38с. URL: https://raex-rr.com/files/methods/RAEX_Methodology_ESG_Corporates_Russian.pdf (дата обращения: 09.12.2023)
34. RAEX. ESG-рэнкинг российских компаний (январь 2024г.). URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/ (дата обращения: 09.12.2023)
35. RAEX. Итоговый ESG-рэнкинг 2023г. URL: <https://raex-rr.com/news/press-reliz/esg-jan-2024/> (дата обращения: 09.12.2023)
36. RAEX. ESG-рэнкинг российских компаний (апрель 2023г.) https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.4/ (дата обращения: 09.12.2023)
37. Основные стандарты для формирования ESG-отчетности. URL: <https://hpb-s.com/news/esg-standarty-nefinansovoj-otchetnosti/> (дата обращения: 13.09.2023)
38. Опубликованы стандарты по устойчивому развитию МСФО / М.Кочеткова // Ведомости. 26.06.2023г URL: https://www.vedomosti.ru/esg/corporate_governance/articles/2023/06/26/982382-

опубликовани-standarti-po-ustoichivomu-razvitiyu-msfo (дата обращения: 09.12.2023)

39. Национальная сеть Глобального договора ООН в России. URL:<https://globalcompact.ru/about/global-compact-russia/> (дата обращения: 09.12.2023)

40. Экспертно-аналитическая платформа «Инфраструктура и финансы устойчивого развития» ИНФРАГРИН. URL:<https://infragreen.ru/> (дата обращения: 09.01.2024 г.)

41. Финансирование устойчивого развития в России: итоги Иполугодия 2023 года URL:https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_Russia_1H2023.pdf (дата обращения: 08.01.2024 г.)

42. Стандарт SD-KPI 2016-2021. URL:https://raexpert.eu/files/SDKPI_RU_210317.pdf (дата обращения: 08.01.2024 г.)

43. Газета Коммерсант. Топ-25 директоров по устойчивому развитию и корпоративной социальной ответственности. 27.09.2023г. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/6237139> (дата обращения: 08.01.2024)

44. «Полюс». Отчет «Устойчивое развитие в регионах «Полюса». 74с. URL:<https://sustainability.polyus.com/upload/files/Устойчивое%20развитие%20в%20регионах%20«Полюса».pdf> (дата обращения: 23.12.2023)

45. Сбербанк. ESG и устойчивое развитие. URL:<https://www.sberbank.com/ru/sustainability/> (дата обращения: 23.12.2023)

46. Сбербанк. Годовой отчет, 2022. – 275с. URL:<https://shareholder.sberbank.com/AR22/> (дата обращения: 23.12.2023)

47. Уралкалий». Устойчивое развитие. ESG-портал. URL:<https://www.uralkali.com/ru/sustainability/esg-portal/> (дата обращения: 23.12.2023)

48. Школа управления «Сколково». Центр устойчивого развития бизнеса URL:<https://www.skolkovo.ru/centres/esg/> (дата обращения: 16.01.2024)

49. ESG в российской интерпретации / Т.Едовина // Коммерсантъ. - 2023. - 09 ноября. – URL:<https://www.kommersant.ru/doc/6322812> (дата обращения: 16.01.2024)

Institutional environment for sustainable development and ESG transformation of the Russian economy: mega-, macro-, meso- and micro levels (Article 2)

Berendeeva Alla Borisovna

doctor of economic sciences, associate professor, professor

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

E-mail: abab60@mail.ru

Annotation. A review of theoretical concepts related to the sustainable development of enterprises and companies is presented. The concept of sustainable development and ESG business transformation is considered in conjunction with the concepts of the life cycle of an organization, the social contract, the theory of systems and the trend towards synchronization of processes, the theory of corporate (organizational) sustainability, the theory of risk management and the concept of acceptable risk, the concept of social responsibility of business / corporate social responsibility. The role of the Government of Russia, the Bank of Russia, the state corporation VEB.RF, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs in the development of ESG transformation of Russian companies, and the role of the INFRAGRIN platform, School of Management «Skolkovo» were noted. The characteristics of the sustainable development financing market in Russia and the types of bonds represented on it are given. The industry aspect of sustainable development and the ESG agenda is disclosed in documents of the Government of the Russian Federation, conducted company ratings and management competitions. The development of the methodological basis for compiling ESG ratings and ESG rankings of companies is considered. Based on data from the Expert rating agency for April 2023 and January 2024, a comparative analysis of ESG ratings and rankings of Russian companies by industry and sub-industry was made. Companies included in different rating ranges A, B, C, ratings and rankings E, S, G for top 10 companies were analyzed and the significance of each component was determined. Approaches to the openness of company information related to compliance with international standards are outlined. The factors that stimulate ESG investing, according to international research, are reflected. The main directions of activity of Russian companies in the implementation of E, S G-aspects are revealed. The impact of companies' ESG agenda on changes in the corporate governance system is shown.

Keywords: ESG factors, ESG business transformation, responsible investment, Bank of Russia, VEB, RSPP, INFRAGRIN platform, rating agencies, ESG ratings and ESG rankings of companies, methodology for compiling ESG ratings, E, S G aspects of activity companies.

Оценка влияния цифровой трансформации на функционирование социальных институтов

Гусар Евгения Сергеевна

ассистент кафедры

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

E-mail: nesterenko.e.s@yandex.ru

Гусар Виталий Игоревич

аспирант

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

E-mail: nesterenko.e.s@yandex.ru

Аннотация. Масштабная цифровая трансформация и внедрение цифровых технологий приводит к необходимости дополнения существующей институциональной среды новыми социальными институтами и изменению базовых основ функционирования институтов в соответствии с требованиями цифровой экономики. В процессе данного исследования использовались следующие методы научного познания: общенаучные (анализ, синтез, группировка), сравнительный анализ, индукция, логическое обобщение. Целью данной статьи является изучение влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов, а также определение ключевых институтов развития цифровой экономики. Задачами исследования являются: провести анализ становления и сущности понятия «социальный институт»; рассмотреть и актуализировать в соответствии с цифровыми реалиями основные универсальные функции социальных институтов; дополнить социальные институты развития цифровой экономики; предложить и детально охарактеризовать основные функции институтов цифровой экономики. Научная новизна исследования – авторами проведено исследование влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов и выявлено, что масштабная цифровая трансформация приводит к обновлению универсальных функций социальных институтов; дополнены ключевые социальные институты развития цифровой экономики, представлены и охарактеризованы их основные функции. Подытожив вышесказанное, сделаны следующие выводы. Влияние цифровой трансформации на фундаментальные основы развития социальных институтов, проявляется в обновлении универсальных функций социальных институтов. Мы считаем, что в условиях развития цифровой экономики, социальные институты выполняют следующие функции: функция закрепления и воспроизводства общественных отношений, регулятивная, интегративная, транслирующая, коммуникативная образовательная, а также функцию всеобщей оцифровки данных и функцию автоматизации и роботизации. Выделяют шесть групп социальных институтов развития цифровой экономики: институты нормативного регулирования; институты культуры; институты образования; институты науки; институты занятости; институты информационной безопасности. С точки зрения, авторов необходимо выделить и добавить к ключевым и важным социальным институтам развития цифровой экономики в Российской Федерации институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, и институты развития высокотехнологических рынков. Все институты развития цифровой экономики взаимосвязаны друг с другом и только в рамках этого взаимодействия могут представлять из себя мощный фактор цифрового развития экономики страны.

Ключевые слова: институт, институциональная среда, социальный институт, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровизация, функции социальных институтов

JEL codes: M14, O33, O35, Z13

Для цитирования: Гусар, Е.С. Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности в России / Е.С. Гусар, В.И. Гусар. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №2. - С116-127. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.02.2024)

Введение

Современное развитие общества характеризуется массовым внедрением информационно-коммуникационных технологий, глобальной цифровой трансформацией, в связи с масштабным

развитием цифровой экономики, которая определяет конкурентоспособность государства на мировой арене. Особое значение в масштабе цифровой трансформации экономики приобретает изменение современных устоев экономической активности, предусматривающая изменение особенностей производства и потребления, и создание новых отраслей и рынков. Цифровая экономика оказывает огромное влияние на экономику и общество, изменяя сложившийся экономический уклад и образ жизни людей. Следует отметить, что внедрение сквозных технологий и развитие цифровой экономики приводит к трансформации институциональной среды, что, в свою очередь, приводит к необходимости дополнения существующей институциональной среды новыми социальными институтами и изменению базовых основ функционирования институтов в соответствии с требованиями цифровой экономики [1].

Анализ публикаций, материалов, методов.

Вопросами исследования фундаментальных основ формирования и развития социальных институтов, занимались следующие ученые: Н. А. Симченко, Е. С. Нестеренко, Ю.П. Андреев, Н.М. Коржевская, Н.Б. Костина, Е.А. Головчанская, Л.С. Шаховская, Р. Мертон и др. В изучении становления и развития цифровой экономики, влияния цифровой трансформации на функционирование основных институтов можно выделить работы следующих авторов: А.С. Сагынбекова, А.А. Кунцман, Н. А. Симченко, Е. С. Нестеренко, В.В. Рябова, Е.З. Карпенко, И.И. Савельев, О.Б. Дигилина, И.Б. Тесленкои др.

В процессе данного исследования использовались следующие методы научного познания: общенаучные (анализ, синтез, группировка), сравнительный анализ, индукция, логическое обобщение. Комбинированное применение данных методов позволяет, на наш взгляд, обеспечить достаточно высокий уровень объективности и полноты исследования последствий и влияния цифровой трансформации на функционирование и развитие социальных институтов.

Цель и постановка задачи исследования.

Целью данной статьи является изучение влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов, а также определение ключевых институтов развития цифровой экономики.

Задачами исследования являются:

- провести анализ становления и сущности понятия «социальный институт»;
- рассмотреть и актуализировать в соответствии с цифровыми реалиями основные универсальные функции социальных институтов;
- дополнить социальные институты развития цифровой экономики;
- предложить и детально охарактеризовать основные функции институтов цифровой экономики.

Научная новизна исследования.

Авторами проведено исследование влияния цифровой трансформации на фундаментальные основы функционирования социальных институтов и выявлено, что масштабная цифровая трансформация приводит к обновлению универсальных функций социальных институтов; дополнены ключевые социальные институты развития цифровой экономики, представлены и охарактеризованы их основные функции.

Основной раздел

Первые системные исследования института как самостоятельного объекта научного анализа были осуществлены представителями экономического институционализма в начале XX в. (Т. Веблен, У. Гамильтон, Д. Коммонс и др.). По мнению Т. Веблена, социальный институт – это совокупность общественных обычаев, реализация определенных привычек, поведения, мнений, которые передаются из поколения в поколение и меняются в зависимости от обстоятельств, а также являются

инструментом адаптации к ним [2]. Если Г. Спенсер, исследуя социальные институты, делает акцент на функциональности социальной структуры, то Т. Веблен – на ее нормативности. В целом же первые институционалисты, которые работали в рамках традиции Т. Веблена, рассматривали институт как специфический вид социальной структуры, способной изменять цели и пристрастия экономических агентов» [3].

В 60-х, 70-х гг. XX в. возникает новое направление в экономической теории – неоинституционализм. Особое значение и влияние на развитие данной школы имеют работы ученых: Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона, Дж. Ходжсона, Т. Эггертссона, Г. Беккера, У. Познера и др. Среди отечественных ученых, исследуемых данное направление, следует выделить следующих О. Иншаков, Д. Фролов, В. Полтерович, Н. Симченко, И. Агапова, С. Ахмадов, В. Тамбовцев, В. Вольчик, Р. Самсонов и др. Общим для всех школ и подходов неоинституционализма является тезис о том, что «институты важны» [4], поскольку их функционирование приводит к определенным политическим, социальным и экономическим результатам, таким как политическая стабильность, устойчивая демократия, экономический рост, социальное равенство и пр. Центральная идея неоинституционализма состоит в том, что именно институты представляют собой структуры, занимающиеся экономией транзакционных издержек.

После анализа научной литературы, можно суммировать множество подходов и определений термина «социальный институт» и из них мы выделили следующие основные элементы. Следовательно, социальный институт – это:

- ролевая система, в которую включены нормы, статусы и роли;
- совокупность обычаев, традиций, норм и правил поведения;
- система формальных и неформальных структур, социальных факторов;
- совокупность норм и учреждений, регулирующих ту или иную сферу общественных отношений;
- устойчивый комплекс социальных действий;
- модели социального поведения;
- формы социальных, человеческих отношений;
- способы мышления, психические силы.

Необходимо отметить, что общим для каждого определения является тот факт, что институты являются фундаментально важной категорией и создаются для регулирования общественных отношений и поведения индивидуума, и направлены на обеспечение политического, социального и экономического порядка.

Анализ зарубежной и отечественной научной литературы показывает, что и в рамках выбранной парадигмы в понимании социального института существует широкий набор версий и подходов. Мы будем основываться в нашем исследовании на следующем определении: социальный институт – это совокупность норм и правил, которые структурируют взаимоотношения между экономическими агентами и обществом, основное предназначение которых – удовлетворять важнейшие жизненные потребности групп людей, обеспечивать упорядоченность, формализацию и стандартизацию общественных связей и отношений людей в обществе [5].

Каждый социальный институт выполняет универсальные, свойственные всем им функции. Совокупность таких универсальных социальных функций образует общие социальные функции социальных институтов, которые определяют вид данной социальной системы. Функции, выполняемые социальными институтами, очень многообразны. Д. Найт считал, что главная функция институтов это – влияние на распределение полученной выгоды или благ [6].

Далее рассмотрим одну наиболее полную классификацию социальных функций, предложенную представителями институциональной школы в социологии (С. Липсет, Д. Ландберг и др.). Они выделяли четыре основные функции, выполняемые социальными институтами [5]:

1. Воспроизводство членов общества. Семья является главным социальным институтом, выполняющим эту функцию, отчасти к ней причастны и другие институты (государство).

2. Социализация – передача молодому поколению установленных в обществе образцов поведения и способов деятельности (институты семьи, образования, религии и т.п.).

3. Производство и распределение (органы власти – экономическо-социальные институты управления и контроля).

4. Функции управления и контроля, осуществляемые через систему социальных норм и предписаний, определяющие и регулирующие типы поведения (административные решения, моральные и правовые нормы, обычаи и т.д.).

Масштабная цифровая трансформация приводит к эволюции социальных институтов, изменению их функций и модификации процесса выполнения функций. Универсальные функции социальных институтов также действуют в цифровом обществе, но, следует отметить, что процесс выполнения данных функций претерпел ряд изменений. К числу общих и универсальных для социальных институтов функций относят следующие [7]:

1. Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений (стабилизирующая). Каждый институт располагает набором норм и правил поведения, закрепленных, стандартизирующих поведение своих участников и делающих это поведение предсказуемым. Социальный контроль обеспечивает порядок и рамки, в которых должна протекать деятельность каждого члена института [8].

2. Регулятивная функция. Она обеспечивает регулирование взаимоотношений между членами общества путём выработки образцов и шаблонов поведения. Вся жизнь человека протекает при участии разных социальных институтов, но каждый социальный институт регламентирует деятельность. Следовательно, человек с помощью социальных институтов демонстрирует предсказуемость и стандартное поведение, выполняет ролевые требования и ожидания.

3. Интегративная функция (функция взаимодействия). Эта функция обеспечивает сплоченность, взаимозависимость и взаимную ответственность членов. Это происходит под воздействием институализированных норм, ценностей, правил, системы ролей и санкций. Она упорядочивает систему взаимодействий, что приводит к повышению устойчивости и целостности элементов социальной структуры. Инфокоммуникационные технологии меняют модели коммуникации между людьми, а также между людьми и организациями (органами власти, малым и крупным бизнесом, розничной торговлей, организациями социального профиля). Устанавливать и поддерживать контакты становится все проще, мгновенно взаимодействовать друг с другом возможно на любом расстоянии.

4. Транслирующая функция (функция передачи опыта). Общество не может развиваться без передачи социального опыта. Каждый институт для своего нормального функционирования нуждается в приходе новых людей, усвоивших его правила. Это происходит путём изменения социальных границ института и смены поколений. Следовательно, в каждом институте предусмотрен механизм социализации к его ценностям, нормам, ролям.

5. Коммуникативная функция. (информационная). Информация, произведенная институтом должна распространяться как внутри института (с целью управления и контроля за соблюдением социальных норм), так и во взаимодействии между институтами. В цифровую эпоху основным ресурсом становится информация, а источник от использования не иссякает. Человек должен уметь реагировать на перенасыщенное и стремительно обновляющееся информационное пространство, систематизировать окружающую его информацию, выбирать наиболее важную и переводить ее в знания [9]. Также следует отметить, что развитие цифровых технологий в хозяйственной и социальной жизни общества показывает, что с помощью интернет-технологий у субъектов хозяйственных отношений появляется возможность коммуницироваться, координироваться и моментально обмениваться информацией в реальном времени и находясь в любой географической точке мира. На данный момент, эту функцию в большей степени социальные институты выполняют с помощью телевидения, сети Интернет и приложений.

Также, мы считаем, что к основным универсальным функциям социальных институтов, следует добавить следующие:

6. Функция автоматизации и роботизации. Данная функция подразумевает внедрение новых цифровых технологий, оборудования, а также соответствующего программного обеспечения в процесс функционирования каждого института. В эпоху цифровой экономики всем социальным институтам необходимо подстраиваться под условия цифровой экономики.

7. Функция всеобщей оцифровки данных. Оцифровка, представляет собой процесс преобразования информации в цифровой (т.е. считываемый компьютером) формате, в котором информация организована в битах, байтах а т.д. В условиях развития цифровой экономики каждый институт, тем или иным образом, направлен на сохранение и использование огромного количества информации, с целью улучшения качества, удобного хранения и быстрого доступа к данным.

Симченко Н.А и Нестеренко Е.С. выделяют шесть групп социальных институтов развития цифровой экономики: институты нормативного регулирования; институты культуры; институты образования; институты науки; институты занятости; институты информационной безопасности [1]. Мы поддерживаем мнение авторов, однако, с нашей точки зрения, необходимо выделить и добавить к ключевым и важным социальным институтам развития цифровой экономики в Российской Федерации институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, поскольку в условиях цифровой экономики данные становятся формой капитала. Формирование, накопление и использование такого рода капитала требуют тесного сотрудничества государства и бизнеса, государства и гражданского общества, бизнеса и гражданского общества. К основным требованиям к функционированию и взаимодействию институтов сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества мы отнесли следующие:

- Получение данных в реальном времени;
- Управление экономическими процессами, основанное на автоматизированном анализе больших данных;
- Высокая скорость принятия решений, изменение правил в реальном времени – мгновенное реагирование на изменения и интерактивность среды;
- Ориентация на конкретного пользователя, жизненные ситуации клиентов как бизнес-процесс (пользователь становится ближе благодаря мобильным устройствам и Интернету вещей);
- Принятие решения в одно касание;
- Разработка и внедрение цифровых технологий для развития в России перспективных технологических рынков и отраслей.

К подобным институтам в Российской Федерации можно отнести Национальную технологическую инициативу – это объединение представителей бизнеса и экспертных сообществ для развития в России перспективных технологических рынков и отраслей, которые могут стать основой мировой экономики. Стоит отметить, что национальная технологическая инициатива существенным образом отличается от других российских национальных проектов своими принципами, поскольку эта программа объединяет людей, а не организации. Национальная технологическая инициатива изначально строится как широкое коалиционное действие, предполагающее формирование проектных групп из технологических предпринимателей, представителей ведущих университетов и исследовательских центров, крупных деловых объединений России, институтов развития, экспертных и профессиональных сообществ, а также заинтересованных органов исполнительной власти.

Как мы уже отмечали выше, цифровая трансформация затрагивает все сферы общества, изменяет основы функционирования рынков (большинство будет иметь сетевую природу), а также приводит к появлению новых рынков в Российской Федерации. Новые рынки будут ориентированы на человека как конечного потребителя, с минимальным расстоянием между производителем и покупателем. Российская Федерация в условиях развития цифровой экономики сфокусирует

внимание на тех рынках, в которых есть возможность создать отрасли нового технологического уклада, значимых с точки зрения обеспечения национальной безопасности и высокого уровня жизни граждан. Поэтому, мы считаем, что для развития данных рынков необходимо создать отдельную группу – институты развития высокотехнологических рынков, поскольку именно за новые глобальные высокотехнологичные рынки будет происходить борьба за лидерство на горизонте ближайших 20 лет в процессе цифровизации мировой экономики. Именно в этих направлениях у талантливых российских технологических предпринимателей есть наибольшие шансы на успех. При текущей мировой конъюнктуре попытка догнать мировых лидеров на уже сложившихся рынках или использовать их бизнес-модели для русскоязычной аудитории признана бесперспективной.

Далее, на рисунке 1 сгруппированы все социальные институты развития цифровой экономики и определены основные функции предложенных институтов.

Рисунок 1 – Основные социальные институты развития цифровой экономики

Источник: составлено автором на основе [1, 17]

Далее рассмотрим функции каждой группы социальных институтов более подробно.

1. Институты нормативного регулирования выполняют нормативную функцию. Суть данной функции заключается в гибком нормативно-правовом регулировании цифровой среды с поэтапной разработкой и реализацией законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики в России, и созданию благоприятного правового поля для реализации в российской юрисдикции проектов цифровизации. Наряду с этим будет проводиться работа над концептуальными актами, призванными создать возможности для появления новой, более эффективной системы управления изменениями, в том числе с помощью развития регуляторных песочниц, площадок для технологического и организационного пилотирования новых цифровых технологий.

2. Институты культуры выполняют ряд следующих функции:

– Функция цифровой адаптации. Основным риском ускорения цифровой трансформации и автоматизации производств заключается в том, что населению будет сложно вовремя приспособиться к изменившимся условиям [10]. Данная функция, направлена на адаптацию человека в цифровой среде, что, в свою очередь, способствует стабильности и устойчивости развития общества, становлению хорошего психологического климата в обществе, его нормальной деятельности и функционированию. Следует отметить, для того чтобы эффективно внедрять цифровые технологии, для начала им необходимо преодолеть именно культурный барьер. По данным опроса аналитического центра НАФИ проводимого совместно с организацией «Цифровая экономика» в 2019 г. значительное число опрошенных относятся к внедрению новых технологий с опасением: 37% россиян испытывают тревогу, когда сталкиваются с современными технологиями, 38% чувствуют беспокойство из-за активного внедрения новых технологий в повседневную жизнь. У каждого пятого россиянина (22%) был неудачный опыт использования современных гаджетов, 30% респондентов считают, что технологии не дают никаких принципиально новых знаний и возможностей, а 35% опрошенных полагают, что развитие технологий представляет опасность в долгосрочной перспективе. Женщины, люди старше 60 лет, безработные, сельские жители, а также люди с низким уровнем дохода чаще других отмечали отрицательные последствия от внедрения новых технологий в повседневную жизнь.

– Функция трансляция социального опыта состоит в передаче социального опыта от поколения к поколению, от одной эпохи к другой с целью сохранения традиционной русской культуры. Культура – это признак цивилизованности государства, и именно государство несет ответственность за ее развитие. Нельзя допустить разрушения системы общедоступных учреждений культуры и искусства. У молодого поколения, с помощью цифровых технологий, необходимо развивать гордость и осознание высокой российской духовности и уникальности многонациональной российской культуры [1].

Культура – это, прежде всего, порядок в ценностях, убеждениях, представлениях и деятельности индивидуумов направленная на противостояние неупорядоченности [11]. Разрыв культурной преемственности обрекает новое поколение на потерю социальной памяти и, как следствие, культуры. Знание и связь с историческим и культурным прошлым своей страны позволяет человеку ощутить принадлежность к собственному народу, стране, ее наследию и желание сохранить его для будущих поколений. К сожалению, новое поколение сегодня почти незнакомо с культурным наследием страны, и народное творчество вместе со старшим поколением уходит в прошлое.

3. Основной функцией институтов образования является образовательная функция (познавательная, знаниевая, функция развития). Данная функция направлена на совершенствование и трансформацию всех уровней систем образования, внедрение программ переобучения в компаниях и ведомствах, с целью обеспечения рынка труда компетентными, конкурентоспособными кадрами, владеющими основными компетенциями цифровой экономики (коммуникация и кооперация в цифровой среде; управление информацией и данными; критическое мышление в цифровой среде, креативное мышление, саморазвитие в условиях неопределенности).

С развитием технологий и усложнением информационного пространства, в котором мы существуем, также расширяется представление о грамотности. Международные организации, которые пытаются классифицировать необходимые современному человеку компетенции, говорят о важности цифровой, информационной, научной грамотности. К ключевым элементам цифровой грамотности, следует отнести: понимание культурного контекста интернет-среды, умение коммуницировать в онлайн-сообществах, умение создавать и распространять контент, навыки использования цифровых технологии для саморазвития. В 2021 году уровень цифровой грамотности россиян составил 27%. Следует отметить, что в соответствии с Федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики» заданы целевые значения по доле россиян, обладающих цифровой грамотностью и ключевыми компетенциями цифровой экономики и данный показатель необходимо было довести до 32% в 2021 году [12]. Наряду с этим, институтам образования необходимо сотрудничать с институтами

науки, институтами занятости и государством в части разработки, продвижения и популяризации перспективных для цифровой экономики профессий, проектов и компетенций [1].

4. Институты науки выполняют следующие функции: интегративная функция, активизирующая функция. Интегративная функция направлена на объединение и взаимодействие всех участников цифровых платформ, научных организаций, представителей бизнеса и центров компетенций занимающихся проведением исследований и разработок по направлениям сквозных технологий цифровой экономики.

Вторая функция подразумевает стимулирование и активизацию научной деятельности различных представителей общества в области цифровой экономики для поддержания отечественных ученых и разработчиков, и сокращения научной эмиграции. Так как, расчеты показывают, что за 2018-2021 гг. из России эмигрировало около 1,6 млн человек. В их числе каждый седьмой имеет высшее образование.

5. Стимулирующая функция институтов занятости направлена на мотивацию компаний на создание рабочих мест и обучение своих сотрудников и других граждан базовым компетенциям цифровой экономики, а также на стимулирование и обеспечение обучения компетенциям цифровой экономики детей и взрослых, включая людей старшего возраста и граждан с ограниченными возможностями здоровья, так как в результате развития цифровой экономики ситуация на рынке труда постоянно меняется. Профессии, которые 10-20 лет назад были высокооплачиваемыми и значимыми, теряют свою востребованность и, а некоторые пропадают вовсе. В условиях цифровой экономики, появляются новые востребованные профессии и захватывают рынок труда [1]. Стоит отметить, что среди самых востребованных профессий в 2023 году IT-специалисты, менеджеры маркетплейсов, digital-маркетологи, блокчейн-разработчики, также по-прежнему актуальными остаются медицинские и инженерные специальности, архитектура, строительство, образование [13]. На основе данных, приведенных выше видно, что все более популярными и денежными становятся профессии, связанные с цифровыми технологиями, хотя в России востребованными остаются традиционные профессии.

6. Институты информационной безопасности выполняют функцию цифровой/информационной безопасности общества. Быстрый трансграничный обмен любым количеством информации создает огромные возможности для развития личности, для культурных связей, бизнеса, государств, но открытость данных может привести к серьезным угрозам и рискам. Людей беспокоит, защищено ли их право на неприкосновенность частной жизни и могут ли они безопасно и уверенно пользоваться сетевыми услугами, правительства обеспокоены вопросами национальной безопасности, а предприятия – бременем соблюдения и законодательством, которое может препятствовать инновациям и торговле. Данная функция направлена на защиту хозяйствующих субъектов от разного рода информационных угроз при реализации их конституционных прав и свобод для устойчивого социально-экономического развития России в условиях цифровой экономики [14]. Данным институтам необходимо обеспечить единство, устойчивость и безопасность информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Российской Федерации на всех уровнях информационного пространства Согласно Программе развития «Цифровая экономика Российской Федерации», к 2024 г. доля акторов рыночной экономики России, применяющих стандарты безопасного информационного взаимодействия с органами власти и общественными институтами, достигнет 75%.

7. Институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества. Мы выделили две функции: функция взаимодействия, которая с помощью цифровых платформ, функциональных средств, предоставляет представителям государства, бизнеса и общества взаимодействие, которое обеспечивает конкретную совместную деятельность и конкретные результаты взаимодействия, неделимые на элементы без потери функциональности; стимулирующая функция в общем понимании направлена на объединение усилий представителей бизнеса, научного и образовательного

сообщества, государства, международных партнеров и всего общества для развития цифровой экономики в Российской Федерации во всех отраслях и сферах общества, в узком же понимании: на формирование в нашей стране реального научно-технического задела по направлениям Научной технологической инициативы, а не на превращение государственных грантов в формальные отчеты.

8. Институты развития высокотехнологических рынков выполняют стимулирующую и активизирующую функции, которые подразумевают активизацию и стимулирование развития новых высокотехнологичных и перспективных отраслей отечественной экономики. В России выделены следующие приоритетные рынки для опережающего развития: Автонет, Аэронет, Нейронет, Хелнет, Энерджинет, Фуднет, Маринет, Сейфнет, Технет, Эдунет, Спортнет, Хоумнет, Веарнет.

Стоит отметить, что функции социальных институтов могут изменяться, исчезать и трансформироваться в новые. Состояние социальных институтов – показатель стабильности общественной системы. Если система стабильна, социальные институты имеют понятные и необходимые функции.

Деятельность социального института, как было сказано выше, не всегда приводит только к желательным последствиям. Р. Мертон предложил разделить последствия деятельности социального института на функции и дисфункции [15]. То есть социальный институт кроме выполнения основных функций может производить и нежелательные, а иногда однозначно негативные последствия. Такое функционирование социального института, когда наряду с пользой для общества он одновременно наносит ему и вред, называется дисфункцией.

Помимо универсальных и специфических Р. Мертон также выделяют явные и латентные (скрытые) функции социальных институтов.

Явные функции – это те последствия деятельности, ради которых и был создан определенный социальный институт как система самовозобновляемых взаимодействий. Это необходимые, осознанные, ожидаемые, преднамеренные и очевидные функции. Явные функции официально декларируются, они записаны в кодексах и уставах, закреплены в системе статусов и ролей, приняты сообществом причастных людей и контролируются обществом. Поскольку явные функции всегда провозглашены и связаны с довольно строгими традициями или процедурами (президентская клятва, наказания избирателей, принятие специальных законов о социальном обеспечении, образовании, прокуратуре и т.п.), они являются более формализованными и подконтрольными обществу. Члены общества, например, могут спросить у депутатов о причинах невыполнения предвыборных обещаний, а у властей о расходовании собранных налогов [15].

Латентные функции – это такие результаты действий социальных институтов, которые не были запланированы заранее, поскольку они являются неосознаваемыми некоторое время или не осознаются вообще. Это как бы «не свои» функции, которые выполняются институтом скрытно или непреднамеренно (например, институт образования может выполнять функцию политической социализации, не являющуюся «родной» для него) [15].

Например, к явным функциям школы относятся: приобретение грамотности, подготовка к обучению в вузе, усвоение базовых ценностей общества и т.д. Скрытые функции – это приобретение социального статуса, который позволяет быть выше неграмотного, завязывание дружеских связей, льготы при трудоустройстве и т.д. Если говорить о высшем образовании, то здесь явной функцией является подготовка кадров, специалистов. В качестве неявной функции можно рассматривать функцию снятия социального напряжения, когда молодежь, не нашедшая возможности трудоустройства, на какое-то время охватывается системой высшего образования, и таким образом снижается нагрузка на рынок труда.

Таким образом, латентные функции можно рассматривать как побочный продукт деятельности социального института, они могут быть как позитивными (функциями), так и негативными (дисфункциями). Значение латентных функций в жизни общества велико. Только с помощью изучения скрытых последствий деятельности социальных институтов можно получить полную и

истинную картину общественной жизни. Без анализа латентных функций представление о роли конкретного института в социальных процессах будет ограниченным и прямолинейным, а значит, неточным.

Социальным институтам, как и другим экономическим системам, присущи определенные свойства: статические – целостность, открытость, структурированность, неоднородность; динамические – функциональность, стимулируемость, изменчивость, сохраняемость; синергетические, – объединяющие и усиливающие уже имеющиеся свойства, такие как эмерджентность (возникновение новых свойств системы), неразделимость на части, целесообразность, ингерентность (приспособляемость) [16].

Выводы

Подытожив вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Влияние цифровой трансформации на фундаментальные основы развития социальных институтов, проявляется в обновлении универсальных функций социальных институтов. Мы считаем, что в условиях развития цифровой экономики, социальные институты выполняют следующие функции: функция закрепления и воспроизводства общественных отношений, регулятивная, интегративная, транслирующая, коммуникативная образовательная, а также функцию всеобщей оцифровки данных и функцию автоматизации и роботизации.

Выделяют шесть групп социальных институтов развития цифровой экономики: институты нормативного регулирования; институты культуры; институты образования; институты науки; институты занятости; институты информационной безопасности [1]. С нашей точки зрения, необходимо выделить и добавить к ключевым и важным социальным институтам развития цифровой экономики в Российской Федерации институты сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, и институты развития высокотехнологических рынков. Все институты развития цифровой экономики взаимосвязаны друг с другом и только в рамках этого взаимодействия могут представлять из себя мощный фактор цифрового развития экономики страны.

Следует акцентировать внимание на том, что «цифровой период» представляет новый и особенный этап в развитии общества и экономики, в частности, на данный момент, особенности данного этапа заключаются в формировании институциональных условий, благоприятствующих развитию цифровой экономики, технологическому прогрессу, основанному на сквозных технологиях, что, в свою очередь, приводят к эволюции и трансформации социальных институтов. В качестве перспектив дальнейших исследований следует указать необходимость изучения и определения цифровых факторов трансформации социальных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симченко, Н.А. Структурные особенности социальных институтов развития цифровой экономики / Н. А. Симченко, Е. С. Нестеренко // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2018. – № 3(87). – С. 24-33.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса./ Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
3. Нестеренко, Е. С. Теоретические основы становления социальных институтов / Е. С. Нестеренко // Теоретическая экономика. – 2021. – № 4(76). – С. 27-37.
4. Гоббс, Т. Избранные произведения: в 2 т. : [пер. с лат. и англ.] / Томас Гоббс. – Москва : Мысль, 1964. – 21 с.
5. Радугин, А.А. Социология. / А.А. Радугин, К.А. Радугин. – М., 2003. – 224 с.
6. Knight, J. Institutions and Social Conflict / J. Knight. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 234 pp.
7. Андреев, Ю.П. Социальные институты: содержание, функции, структура / Ю.П. Андреев, Н.М. Коржевская, Н.Б. Костина – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 84 с.
8. Рябова, В.В. Трансформация функций семьи в современном российском обществе / В.В. Рябова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2014. – № 3 (17). – С. 106-112.
9. Карпенко, Е.З. Непрерывное образование как потребность в цифровой экономике / Е.З. Карпенко // РППЭ. – 2018. – №11 (97). – С. 108-113.
10. Zemtsov, S. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia / S. Zemtsov, V. Varinova, R Semenova // Foresight and STI Governance. – 2019. – Vol. 13, – № 2, – P. 84–96.
11. Рязанцев, А. А. Культурные ценности как фактор формирования картины мира / А.А. Рязанцев // Аналитика культурологии. – 2011. – №19. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-tsennosti-kak-faktor-formirovaniya-kartiny-mira> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Паспорт федерального проекта Кадры для цифровой экономики. – Access mode:<https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-kadryi-dlya-tsifrovoj-ekonomiki.pdf> (Date of the application 10.10.2023).
13. Skills of the Future // Guthrie-Jensen consultants <https://guthriejensen.com/blog/skills-future-2020-infographic/> (Date of the application 10.10.2023).
14. Савельев, И. И. Формирование институциональной среды цифровой экономики в России / И.И. Савельев, О.Б. Дигилина, И.Б. Тесленко // Вестник Академии. – 2018. – № 4. – С. 73–82.
15. Мертон, Р. Явные и латентные функции. В кн.: Американская социологическая мысль. Тексты. / Р. Мертон М.: МГУ, 1994. – С. 370-448.
16. Головчанская Е. А. Функции институтов в институциональной среде инновационной экономики Республики Беларусь / Е.А. Головчанская, Л.С. Шаховская // Крымский научный вестник. – 2016. – №6 (12). – С. 5–13.
17. Волошин, А. И. Трансформация функций социальных институтов в развитии цифровой экономики / А. И. Волошин, В. И. Гусар // Экономическая среда. – 2022. – № 4(42). – С. 21-29.

Assessing the impact of digital transformation on the functioning of social institutions

Gusar Eugenia Sergeevna

Assistant of the Department of Human Resources Management
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
E-mail: nesterenko.e.s@yandex.ru

Gusar Vitaly Igorevich

Postgraduate student
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
E-mail: nesterenko.e.s@yandex.ru

Annotation. Large-scale digital transformation and the introduction of digital technologies leads to the need to supplement the existing institutional environment with new social institutions and change the basic principles of the functioning of institutions in accordance with the requirements of the digital economy. In the process of this research, the following methods of scientific knowledge were used: general scientific (analysis, synthesis, grouping), comparative analysis, induction, logical generalization. The purpose of this article is to study the impact of digital transformation on the fundamental principles of the functioning of social institutions, as well as to identify key institutions for the development of the digital economy. The objectives of the study are: to analyze the formation and essence of the concept of “social institution”; consider and update the main universal functions of social institutions in accordance with digital realities; complement social institutions for the development of the digital economy; propose and describe in detail the main functions of digital economy institutions. Scientific novelty of the research - the authors conducted a study of the influence of digital transformation on the fundamental principles of the functioning of social institutions and revealed that large-scale digital transformation leads to the renewal of the universal functions of social institutions; The key social institutions for the development of the digital economy are supplemented, their main functions are presented and characterized. Summarizing the above, the following conclusions were made. The influence of digital transformation on the fundamental foundations of the development of social institutions is manifested in the renewal of the universal functions of social institutions. We believe that in the context of the development of the digital economy, social institutions perform the following functions: the function of consolidating and reproducing social relations, regulatory, integrative, broadcasting, communicative educational, as well as the function of universal digitization of data and the function of automation and robotization. There are six groups of social institutions for the development of the digital economy: regulatory institutions; cultural institutions; educational institutions; institutes of science; employment institutions; information security institutes. From the point of view of the authors, it is necessary to highlight and add to the key and important social institutions for the development of the digital economy in the Russian Federation the institutions of cooperation between the state, business and civil society, and the institutions for the development of high-tech markets. All institutions for the development of the digital economy are interconnected with each other and only within the framework of this interaction can they represent a powerful factor in the digital development of the country’s economy.

Keywords: institution, institutional environment, social institution, digital economy, digital transformation, digitalization, functions of social institutions.